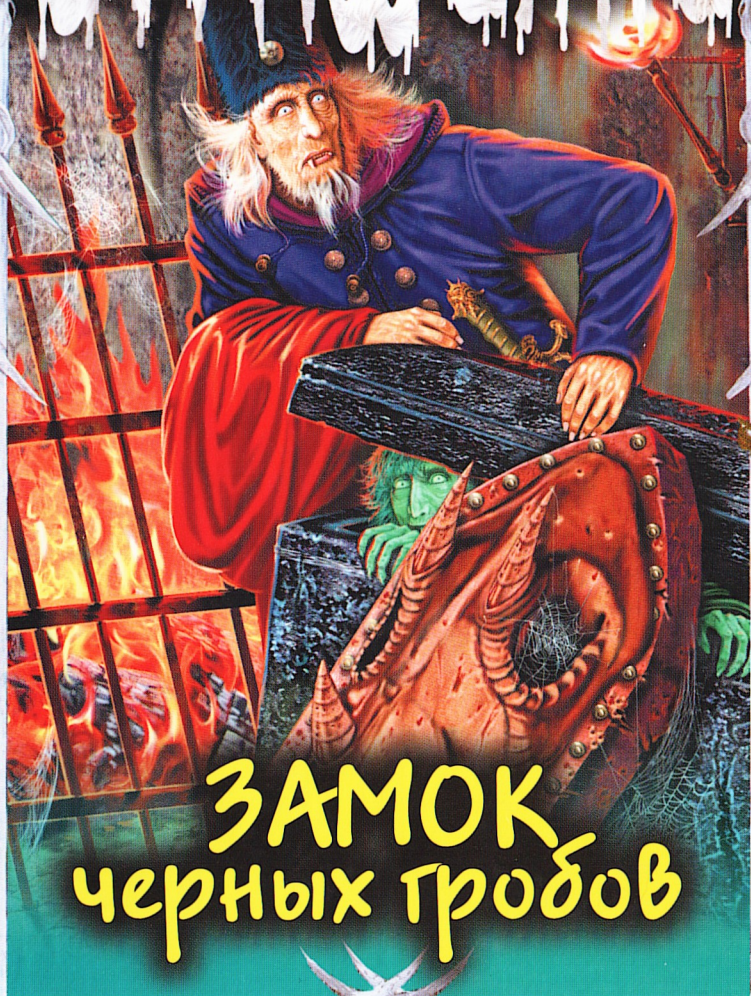

Виталий

Сеньков

СТРАШУЛКИ

ЗАМОК черных тробов

ЭКСМО

СТРАШНИКИ

Виталий Сеньков

ЗАМОК черных гробов

Москва

ЭКСМО

2004

Оформление серии художника *В. Щербакова*

Серия основана в 2000 г.

Сеньков В.

С 31   Замок черных гробов: Повесть. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 192 с., ил. — (Страшилки).

ISBN 5-699-07335-3

Говорят, что в старинном замке, возле которого раскинулся летний лагерь «Сокол», когда-то замуровали в стену прах несчастной красавицы-княжны, и с тех пор вот уже не одно столетие ее дух не находит успокоения. Глупо, конечно, в двадцать первом веке верить в подобные байки, но как быть, если охранники замка каждую ночь от ужаса готовы бежать куда глаза глядят, а один человек видел в ночном небе прозрачную женскую фигуру с протянутыми в мольбе руками?.. «Неужели призрак Гольштанского замка действительно существует?» — с замиранием сердца думает Женя Филипчик. И решает проверить это единственно возможным способом. Поздней ночью он входит в подземелье замка и видит... двенадцать черных гробов...

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-07335-3

© ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Глава I

ПУГЛИВАЯ, НО ПО-ПРЕЖНЕМУ ГОРДАЯ НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА

Двое провинившихся стояли с кислыми лицами перед директором лагеря «Сокол». Никодим Никифорович, с удовольствием сидя за своим новеньким директорским столом, строго смотрел на мальчишек, учинивших, как он сам только что выразился, «невиданное доселе кровопролитие».

В самом деле! Влад Денисов стукнул противника кулаком по носу, а Женя Филипчик, у которого тотчас из носа пошла кровь, коршуном налетел на своего обидчика и повалил его на землю.

— Проси прощения! — крикнул Филипчик, не обращая внимания на то, что его же кровь заливает одежду обоим.

— Не дожدهшься! — отвечал Влад.

Это означало, что драка будет продолжена, и тогда уж Филипчику точно несдобровать, потому что Влад умел бить кулаком по носу, а Женя еще нет. У Филипчика просто рука не поднялась бы стукнуть кого-нибудь по лицу. Побороться, покататься в пыли из стороны в сторону — другое дело. Но чтобы живому человеку двинуть прямо в нос...

К счастью для этого мальчика, подросл Виктор Иванович, воспитатель их с Владом третьего отряда. Он схватил парней за шиворот и без лишних слов повел в директорский домик, напрямик к Никодиму Никифоровичу.

А между тем из-за дерева выглядывала Варя Цветкова. Из-за этой девочки, собственно говоря, весь сыр-бор и разгорелся. Когда мальчишки начали выяснять отношения, она вначале убежала, а потом женское любопытство взяло верх, и она вернулась, притаившись за большой сосной.

И вот теперь Никодим Никифорович требовал объяснений: как могло случиться, что два приличных мальчика, полсмены проживших, как опять же заметил директор, душа в душу, с такой яростью кинулись друг на друга?

— Друзья не разлей вода, можно даже сказать! — с наигранной строгостью воспитывал ребят Никодим Никифорович. — Все просто любовались вами! Вот как мальчишки могут дружить, говорила мне Наталья Васильевна. Да я и сам это видел. Где Денисов? Там же, где и Филипчик. А где Филипчик? Там же, где и Денисов! Вам нужен Владик? Ищите Женю. Ах, вам Женя нужен! Господи, ну тогда ищите Владика! Вот как было!.. И вдруг нате вам: невиданное, понимаете ли, кровопролитие! В моем лагере! Нет, я не позволю. Я требую от вас объяснений.

Однако герои продолжали упорно молчать. И только кровавые пятна вызывающе пылали на их майках.

— Ладно, — сказал Никодим Никифорович. — Не хотите по-хорошему, можно и по-плохому. Я прикажу Наталье Васильевне, чтобы она...

Тут дверь распахнулась, и в кабинет ворвалась сама Наталья Васильевна, старшая вожатая детского лагеря «Сокол».

— А, это вы! — воскликнул директор. — Очень хорошо...

— Никодим Никифорович! — выпалила старшая вожатая, не давая директору слова вымолвить. — Я хочу уехать дневным автобусом, а не вечерним!

— Но вы мне сейчас нужны, а не вечером, — отвечал ей Никодим Никифорович.

— А я уже все сделала! — возразила старшая вожатая. — Завтра утром буду как штык, вы же меня знаете.

— А вот и не все вы сделали. Полюбуйтесь на этих. — Директор указал на мальчишек. — Жесточайшая драка между закадычными, можно даже сказать, друзьями!

Старшая вожатая окинула пацанов презрительным взглядом.

— Для начала, я так думаю, уборка территории, — продолжал Никодим Никифорович. — Конечно, жалко ребятшек: все вокруг вкушают прелести лета, а эти работают. Но за всякое, можно даже сказать, правонарушение надо отвечать. Вот вы и проследите...

Наталья Васильевна снова не дала директору договорить. Она сказала мальчикам повелительным тоном:

— Идите-ка за дверь. Живее!

На глазах у слегка изумленного директора Наталья Васильевна выставила парней в прихожую.

— Ну что, доволен? — проворчал Владик. — Теперь ходи по лагерю, как дурак, и бумажки собирай! А все из-за тебя!

Парни уселись в кресла, которые Никодим Никифорович распорядился поставить здесь для посетителей, ожидающих разрешения войти в его кабинет.

— Подумаешь, на колени села! — продолжал бубнить Владик. — Да если бы я знал, что ты взбесишься, как бык, я бы сказал этой Цветковой: «Отойди от меня, Варя, подальше. И никогда больше не приближайся ко мне. А не то Филиппик запросто нас с тобой убьет. Может, он уже финку в рукаве прячет». Вот как я бы ей сказал, если бы знал, какой ты человек!

Женя посопел, посопел, а потом заметил:

— Не так дело было. Ты сам её за руку схватил и к себе притянул. Она, между прочим, упиралась, а ты все равно на колени к себе усадил.

— Что? Она упиралась? Да я только за руку взял ее, так она сразу же и плюх ко мне!

— Неправда! Ты ее дернул к себе, и она на ногах не устояла!

— Ну извини! Не знал, что Цветкову дергать нельзя. Всех девчонок можно, а ее нет.

— Так чего же говоришь, что она сама? Я еще вроде не слепой!

— Ну, допустим, не сама. А ты зачем песком швыряешься? Хочешь драться, так дерись как пацан.

— А ты тоже хорош. Сразу в нос бьешь.

— А что мне, по-твоему, тоже песком швыряться?

— Почему бы и нет? Зато без крови.

— Ну ты, я вижу, совсем как девчонка.

Женя вскочил, готовый вновь броситься на Владика.

— А ну повтори, что ты сказал!

Владик уже готов был повторить свои слова, и бог весть чем бы это все закончилось, но тут Денисов увидел, что Филиппчик внимательно смотрит в сторону директорского кабинета. А потом оба мальчика отчетливо услышали:

— Да, Никодим Никифорович! Я боюсь в темноте проходить мимо этого замка!

— Вы хоть раз видели то, о чем говорите? — спрашивал директор вожатую.

Наталья Васильевна что-то отвечала, но уже тише, и парни ничего не расслышали. Тогда Женя приблизился на цыпочках к двери и приложил ухо.

— С тех пор как я узнала об этом, — говорила Наталья Васильевна, — вечерами больше там не хожу.

— Так вот оно в чем дело, — отвечал Никодим Никифорович. — Вы попросту верите в сказки деревенских старух! Ну, знаете ли, Наталья Васильевна... Можно даже сказать: это очень нехорошо.

— А вы сами пройдите как-нибудь вечером!

— Когда мне понадобится побывать в городе по делам

службы, я из принципа поеду вечерним автобусом и пройду мимо замка.

— А просто так, ради интереса?

— Я вам что, мальчик? Мальчики вон за дверью стоят. Вот им и предложите ради интереса посмотреть на ваше привидение. Отставить, Наталья Васильевна! А то, не ровен час, вы и впрямь... Я уж теперь не знаю, что мне о вас думать.

Женя повернулся к приятелю и прошептал с восхищением:

— Они говорят про какое-то привидение! Наталья Васильевна боится ехать в город вечером!

И снова приложил ухо к двери.

— Можете спросить у нашего шеф-повара. Она сама видела. Идет поздно вечером мимо дворца. И вдруг раз — в окне появляется эта женщина! Из темноты выплывает и над землей висит. Вся такая светящаяся! И руки протягивает, словно о помощи просит.

— И что же Елена Александровна?

— Повариха наша? Известно что! Вначале онемела, а потом как заорет... и назад в лагерь.

— Да, да, я помню, как она должна была уехать в город, но так и не уехала.

— Вот видите! Да вы поговорите с ней, она ничего скрывать не станет. Про этот дворец вообще ужасы всякие рассказывают. Не только наша повариха. Там живой души вечером не встретишь. Вы сядьте на вечерний автобус и расспросите людей, откуда они. Все будут из Замосточья. А из Мишкова — никого. А все потому, что замосточинским не надо идти мимо Гольшанского замка.

— Позвольте, Наталья Васильевна. В замке работают сторожа. Поговорите с ними, и они вам наверняка скажут, что все это чепуха. Абсолютная галиматья, можно даже сказать!

— А вы сами с ними поговорите, Никодим Никифоро-

вич. Еще посмотрим, что они вам ответят. Откуда мы знаем? Может, там каждый месяц новые люди дворец сторожат.

— А куда старые деваются? Уж не хотите ли вы сказать, что привидение их в свой, как говорится, потусторонний мир уносит?

— Да нет, ну зачем так сразу? При чем здесь потусторонний мир? Я взрослый человек и совершенно нормальная женщина! Но я хочу сказать: вполне вероятно, что во дворце сторожа меняются часто, потому что люди увольняются по собственному желанию! От страха!

— А! Вот в тако-ом смысле... Но откуда вам об этом известно?

— Да неизвестно мне об этом, Никодим Никифорович! — теряя терпение, произнесла Наталья Васильевна. — Я лишь предполагаю. Вы утверждаете, что сторожа посмеются над всякими сказочками, а я вам отвечаю, что еще неизвестно, какие там сторожа и как им работается в Гольшанском замке... Никодим Никифорович, — проговорила вдруг Наталья Васильевна добрым голосом. — Я вас как человека прошу: отпустите меня сейчас, чтобы я успела на дневной автобус.

Женя, не отнимая уха от двери, сделал Владу знак: о'кей! Потом произнес страшным шепотом:

— Сейчас она его уговорит!

И точно, в следующую минуту Филипчик отпрянул от двери и уселся в кресло с грустным видом, с каким и должен ожидать приговора добропорядочный, но немного провинившийся мальчик.

Дверь отворилась, и мимо понуривших головы мальчишек с царственной осанкой прошла Наталья Васильевна, даже не удостоив пацанов взглядом. Было бы очень странно и, можно даже сказать, подозрительно, если бы эта женщина не добилась своего.

Вслед за нею в прихожую вышел Никодим Никифоро-

вич. Он умиротворенно сложил руки на уровне живота, как это обыкновенно делают благожелательные воспитатели, и проговорил уже не таким строгим, но еще и не совсем ласковым голосом:

— Если вы мне пообещаете, что никогда больше не поднимете руку друг на друга, я не стану на первый раз вас наказывать и отпущу погулять.

Женя и Владик, которые вскочили с кресел сразу же, как только появился директор, произнесли в один голос:

— Обещаем!

— Что вы обещаете, мальчики?

— Что никогда больше не поднимем руку друг на друга, — сказал Женя.

— Очень хорошо. Теперь ты, Владик.

— Я тоже обещаю, — несколько сухова

то проговорил Денисов.
— Ты это произносишь так, что я совсем не верю. Надо душу вкладывать в такие торжественные слова. Ведь это клятва! Еще раз, пожалуйста.

— Обещаю, что никогда больше не подниму руку на Женю Филипчика, — сказал Влад с более живой интонацией.

— Хорошо. Тебе я тоже верю. Ведь дружба — это самое святое, что может быть у хороших мальчиков. Ну-с... следовало бы, конечно, заставить вас убирать территорию...

(Пацаны внутренне напряглись. А вдруг?!)

— Ну да ладно. Надеюсь, этот небольшой урок дружбы пойдет вам на пользу, и вы снова будете являть собой образец для подражания. А теперь идите.

Тихо, как два мышонка, мальчишки повернулись и вышли на улицу. Когда они отошли от домика, Влад негромко сказал:

— Все эти клятвы — чепуха на постном масле. Подумаешь, пацана стукнул! Будешь песком кидаться, я тебе в глаз дам.

— А я тебе тогда палкой по башке, — так же тихо ответил ему Женя.

К ребятам из-за дерева вышла Варя. Она осмотрела обоих с ног до головы и насмешливо произнесла:

— Ну что? Заставили территорию убирать?

— Поговори мне, так сама будешь бумажки собирать, — ответил ей Влад. И кивнул на Женю: — Вместе с ним.

— Это отчего же вместе со мной?

— Оттого, что ты в нее влюблен!

— Кто, я?! Вот еще выдумал!

— А почему тогда мы с тобой подрались? — с хитрым видом спросил Владик.

— А потому что... ну как почему? Забыл, что ли? Я в тебя песком бросил!

— А зачем ты в него песком бросил? — любопытствовала Варя.

— Просто так. Захотелось — и бросил.

Женя поспешил сменить тему разговора:

— Ой, слушайте! Я вам такое расскажу!

— Про привидение, что ли? — ухмыльнулся Владик.

— А я люблю на эту тему говорить, — заметила Варя. — Давай, Женя, я слушаю тебя.

— Короче, так. Меня с Владом Наталья Васильевна выставила за дверь. А сама о чем-то с директором стала шептаться. Но мне же надо знать, о чем. Потому что Никодим Никифорович хотел заставить нас территорию убирать. А Наталья Васильевна хотела домой уехать, только не вечерним автобусом, а дневным. А знаешь, Варя, почему дневным?

— Привидений боится?

— Именно! Но не просто привидений. И даже не привидений, а только одного привидения. Но зато какого! Люди рассказывают... и наша повариха, Елена Александровна, которая тоже об этом говорила Наталье Васильевне... что, когда вечером кто-то идет мимо Гольшанского замка, в оқ-

не прозрачная женщина появляется и руки протягивает, будто о помощи просит. Короче, у меня есть идея. Сегодня, когда стемнеет, мы с Владом пойдем и посмотрим. А вдруг что-нибудь увидим? Пойдешь с нами, Варя?

— Не знаю. Пойду, наверное.

— Да ерунда все это, — заявил Владик.

— Никодим Никифорович тоже говорил Наталье Васильевне, что ерунда. Но она все равно боялась. Вот мы и посмотрим, ерунда это или нет. В общем, вы как хотите, а я обязательно пойду. Не каждый день выпадает случай увидеть настоящее привидение! Это вам не в бамбинтон воланчик гонять.

— Бад-мин-тон, — поправила Варя, произнося слово по слогам.

Глава II

НОЧНАЯ ВЫЛАЗКА

Женя всерьез увлекся своей великолепной идеей. Поздно вечером, после отбоя, когда Виктор Иванович обойдет палаты и пожелает всем спокойной ночи, он намеревался тайно покинуть лагерь, пройти через лес ко дворцу и посмотреть, не появится ли в одном из его окон привидение.

Он горел желанием прикоснуться к жуткой, но оттого манящей тайне — узнать, правда ли то, что говорят о Гольшанском замке. А еще Женя Филипчик хотел показать себя отважным парнем перед Варей Цветковой и с этой целью собирался пригласить ее на увлекательную прогулку через ночной лес. Женя даже обрадовался, увидев, что Владик не так сильно, как он, увлечен его новой затеей.

Он договорился с Варей, что, когда все уснут, он прокричит, как филин, под окном палаты девчонок. Варя к нему вылезет через окно, и они пойдут смотреть привидение.

Филипчику казалось, что он прекрасно знает, как кричит филин, хотя на самом деле он ни разу не слышал голоса этой зловещей птицы.

И вот наступило время отбоя. Женя немного нервничал, видя, что мальчишки не хотят быстро засыпать и говорят о всякой чепухе. К ним в палату уже дважды заходил Виктор Иванович, призывая уgomониться. Женя лежал ни жив ни мертв, ожидая подходящей минуты, чтобы тихонько отворить окно, шпингалеты которого он заранее выдвинул из отверстия, и выбраться наружу. Он видел на стене перед собой тени от деревьев, принимающие причудливые очертания. То были человечки, а может быть, даже чертики или вообще маленькие чудовища, но Женя пока что не боялся ни капельки.

Наконец, ему показалось, что мальчишки в палате уснули. Но только он так подумал, к нему повернулся Владик.

— Ты уже спишь? — прошептал Денисов.

— Почти. А что?

— В замок не пойдешь?

— В какой замок?.. А, ты насчет привидения?

— Ясное дело.

— Наверное, не пойду. Спать охота.

— Тогда я тоже не пойду.

С этими словами Владик отвернулся и затих.

Прошло еще минут десять. Уже стемнело окончательно. Воцарилась полная тишина. А на стенах благодаря уличному фонарю и легкому ветерку по-прежнему плясали чертики и прочие крохотные существа. Тут Женю впервые посетили сомнения: а может, лучше остаться в постели и сладко-сладко, без всяких забот и волнений спать?

Но что подумает о нем Варя? Вдруг она сейчас ждет его условного сигнала?

Женя тихонько вылез из-под одеяла и быстро оделся, стараясь не шуметь. Он прошел через всю палату, чуть приоткрыл окно и скользнул в узкую щель головой вперед.

Очутившись на небольшом приступке, спрыгнул на землю. Здесь было невысоко, ведь палаты третьего отряда находились на первом этаже.

Мальчик пробежал под окнами, ведя про себя подсчет. Под нужным окном он посмотрел вокруг и, убедившись, что поблизости никого нет, подал неверным тихим голосом условный сигнал:

— Ухуу-ху... Ухуу-ху...

Такие звуки, полагал Женя, должны издавать филины.

Окошко у девчонок приоткрылось, и оттуда показались джинсы: кто-то вылезал наружу задом наперед. Мальчик, уверенный, что это та, ради которой он все и затеял, поглядывал в этот момент по сторонам, чтобы, не дай бог, кто-нибудь из взрослых ничего не заметил. И когда к нему спрыгнула девчонка, он сказал:

— Молодец, Варя! Честно говоря, даже не ожидал.

Девочка отряхнула ладони и произнесла голосом совсем даже не Вари:

— Цветкова не пойдет. Я вместо нее.

Женя вздрогнул и с изумлением увидел перед собой и впрямь другую девочку. Это была Олеся Алантьева, очень правильный и воспитанный ребенок. Командир их третьего отряда, между прочим. «Ну теперь все пропало, — подумал Филипчик не без душевной горечи. — А так хорошо начиналось!»

— Ты не бойся, я тебя не выдам, — прошептала Олеся. — Мы сегодня говорили с Варей про тебя. Она сказала, что если уснет, пока ты за ней придешь, то я могу идти вместо нее. Ну вот она и уснула... А я просто обожаю страшные истории и разные привидения!

Женя смотрел на нее во все глаза и не знал, что сказать. Ему совсем не хотелось идти через лес с Алантьевой и демонстрировать перед ней чудеса храбрости. Вот если бы это была Варя... Он попытался прибегнуть к хитрости.

— Ты даже не представляешь, в какое страшное дело хочешь ввязаться, — прошептал он очень серьезно.

— А Цветкова представляла? — таким же шепотом отвечала Олеся.

— Она тоже не знала, что ее ждет. Я потому и пришел, чтобы предупредить: не надо с призраками шутить. Это может быть очень опасно.

— Но сам-то ты пойдешь привидение смотреть?

— Конечно, нет! Сначала я хотел идти, но потом поразмыслил и понял: лучше не рисковать.

— Послушай, Женя. — Олеся бросила на мальчишку хитрый взгляд. — Может, ты просто струсил?

— Что-о?! Да я сейчас на спор туда пойду, и ты увидишь, как я струсил!

— Отлично. Ты иди, а я пойду следом и буду смотреть, трусишь ты или нет.

Женя глянул вокруг. Легкий ветерок шелестел в ветвях деревьев; в зарослях, потонувших во мраке, мерещились тени.

— Слушай, Олеся. Ты же командир отряда. Какой ты пример подаешь?

— А кто об этом узнает? Разве что только ты всем разболтаешь.

— Ну ты ваше! — возмутился Филипчик. — То я трус, потвоему. То болтун...

Ситуация, в которой внезапно оказался Женя, не оставляла ему выбора. И поэтому он еще раз вздохнул и сказал:

— Ладно. Раз такое дело, пошли. Будешь меня во всем слушаться, хоть ты и командир.

— Да, Женя. Конечно, буду, — безропотно отвечала Алантьева, в глубине души очень довольная. — А куда нам сейчас идти?

— Туда, — указал Филипчик и первым пошел вдоль здания.

Он осторожно выглянул из-за угла корпуса. Никого! Бы-

стро переместился к другому углу и снова выглянул... Пустынная территория детского лагеря, таинственно освещенная фонарями, предстала его взору. Газоны, аллеи, скамейки, беседки, корпуса... Все будто вымерло, и только в некоторых комнатах воспитателей горел еще свет. Женя обернулся и сказал Олеся страшным шепотом:

— Если нас поймают, тебе уже не быть командиром отряда.

— Я согласна, — кивнула девочка.

— Могут даже из лагеря отчислить!

— Я знаю.

— Ну, смотри, Олеся. Я тебя предупредил.

Сказав это, Женя вышел из укрытия и спокойным шагом направился в сторону центральной аллеи, с тем чтобы, не доходя до нее пару сотен шагов, резко свернуть вправо — туда, где из мрака выступал забор. Один раз он обернулся, и Олеся поняла, что ей надо последовать примеру своего нового командира.

Они двигались не спеша, на некотором расстоянии друг от друга, словно так и нужно было. Но вот Женя остановился. Олеся тоже замедлила шаг, готовая замереть на месте. И тогда Филипчик сиганул через газоны к забору; подбежал к нему, замахал девочке: давай скорее!

Он вначале посадил Олеся, помог ей взобраться на самый верх забора, потом тоже залез на него и смело прыгнул вниз.

— Спускайся! — велел он девочке. — Я держу тебя!

Командир третьего отряда перевернулась и, чувствуя на поясе надежные руки товарища, спустилась вниз.

— Все, — сказал Филипчик. — Теперь нам взрослые не страшны.

Если не считать слабого шума в ветвях соснового леса, многозначительная тишина окружала двух нарушителей дисциплины. Сейчас Олеся, может, не стала бы возражать, если бы Женя вдруг надумал повернуть назад. Но Филип-

чик уже был настроен решительно, и девочке пришлось подтвердить свое желание увидеть настоящее привидение.

Они пересекли лесную дорогу, ведущую к реке и на поляну, где каждый день резвился третий отряд, и углубились в бор: мальчик шел напрямик.

— А мы не заблудимся? — встревоженно спросила Олеся.

— Надо все время идти вперед, — уверенно произнес Женя. — И тогда мы выйдем на открытую местность. Там есть дорога, которая и приведет нас к замку.

Все-таки идти ночью через лес было страшновато. За каждой сосной и за каждой елью им обоим мерещился некто таинственный, который в любую минуту мог выйти из-за дерева и посмотреть своими горящими, как угли, глазами. А вдруг привидение знает о цели их ночной прогулки и уже само спешит навстречу? Вот сейчас покажется в темноте светящийся силуэт и поплывет к ним, протягивая свои прозрачные руки!

Женя замедлил шаг. Зловещая тишина окутала лес, и даже ветерок утих, будто был поражен безрассудством двух подростков. «А что, если мы все-таки заблудились? — пронеслось в мыслях у Филипчика. — Тогда тем более надо идти вперед!»

И он шел вперед, увлекая за собой девочку. Вдруг сосны расступились, и они увидели большое поле, вдоль которого бежала дорога. Справа виднелся силуэт Гольшанского замка.

— Ну вот, — сказал Филипчик. — Как видишь, ночью в лесу не так уж и страшно.

— Вижу, Женя, — отвечала Олеся, которая теперь напоминала послушную тихоню, а не бойкого командира отряда.

— Но что нас ждет впереди? — задал Филипчик чуть ли не философский вопрос. — За мной, Олеся!

— А может, вернемся? — неожиданно произнесла девоч-

ка слова, которые давно уже вертелись у нее на языке. — Мне кажется, что я напрасно подбила тебя на эту прогулку.

— Ну уж нет. Теперь-то я точно не вернусь, пока не посмотрю, водятся ли в этих местах привидения. Ты, главное, не бойся. Я с тобой.

И они двинулись дальше, видя перед собой темные очертания замка с одним-единственным светящимся окошком, посматривая с подозрением на каждый кустик вдоль дороги и готовые в любой момент дать стрелкача. Но ничто пока не вынуждало их обратиться в бегство, и они медленно, но неотвратно приближались к цели своей ночной вылазки.

Глава III

СТОРОЖА ГОЛЬШАНСКОГО ЗАМКА

-Мне кажется, — проговорила Олеся, — если все время о нем думать, так оно и появится.
— Вот и не думай.. Просто иди себе, и все тут.

— Хорошо. Буду просто идти и ни о чем не думать. — Помолчав немного, девочка весело добавила: — Нет, буду думать о чем-нибудь приятном. И вслух об этом говорить. Интересно, что ты нашел в этой Цветковой?

— Я? В Цветковой?.. Скажешь тоже! Ни черта я в ней не нашел!

— Вот и правильно. Я тоже думаю, что ни черта в ней нет.

Филипчик ничего не отвечал на такие слова. Они взошли на пригорок и вдруг увидели автобус на конечной остановке, освещенной и с навесом. В салоне сидели пассажиры; водитель, в кабине которого был включен свет, поглядывал на часы.

— Олеся! — вскричал мальчик. — Это тот самый автобус! Понимаешь?

— Что значит «тот самый»?

— Ну тот, про который Наталья Васильевна рассказывала. Разве Варя тебе не говорила? Короче, в этом автобусе должны находиться пассажиры только из Замосточья. А из Мишкова — ни-ко-го!

— Да? Ну и что же?

— А то, что людям из Мишкова, чтобы уехать в город последним автобусом, надо проходить мимо замка! А людям из Замосточья — нет! Теперь понимаешь?

Девочка остановилась в нерешительности. А Филипчик будто нарочно масла в огонь подливал, говоря:

— Я сейчас все узнаю. Постой минутку.

Он смело вошел в салон, намереваясь задать вопрос, который приготовил заранее. Однако что-то смутило мальчишку, и он встал как вкопанный возле водителя.

Все люди в автобусе были какими-то сосредоточенными и даже хмурыми, погруженными в себя. Никто из них даже не посмотрел на Филипчика. Создавалось впечатление, будто они ждут не дождутся, когда автобус тронется с места. Шофер медленно перевел взгляд на мальчика:

— Что, денег нет? Езжай так, потом отдашь.

Тут водитель снова глянул на часы, облегченно выдохнул и со словами: «Все, можно ехать», — завел двигатель. Тотчас оживились и пассажиры.

— Я только хотел спросить, — быстро сказал Женя, пораженный таким поведением взрослых. — Из Мишкова кто-нибудь есть?

Этот простейший вопрос произвел на людей странное действие! Все со страхом уставились на отчаянного парня.

— Ты что, мальчик, с луны свалился? — испуганно пробормотал мужчина, находившийся к Филипчику ближе всех.

— А что такое? — спросил Женя, чувствуя, как у него волосы начинают шевелиться.

— А ты пройди сейчас мимо замка, тогда и поймешь.

— Зачем вы ребенка подставляете? — с упреком произнесла молодая женщина. — Поехали с нами, мальчик, и не задавай лишних вопросов.

— В самом деле, поехали, — отозвался третий пассажир. — А то как подплывет к окошку...

Шофер тотчас включил передачу.

— Люди из Мишкова этим рейсом никогда не ездят, — пояснил он. — Ты-то сам едешь или как? Если нет, то выходи.

Когда Женя покидал автобус, кто-то сказал ему вслед:

— Куда ты, глупенький?

Автобус тронулся, быстро набрал скорость, и спустя минуту его огоньки полностью растворились в темноте.

— Ну что? — спросила Олеся, подойдя к мальчику.

— Могу сказать одно: жителей Мишкова в автобусе не было.

Проговорив это, Женя посмотрел в сторону дворца. Девочка проследила за его взглядом и тоже глянула на Гольшанский замок. В его зловещих очертаниях по-прежнему светилось одинокое окошко.

— Там живет привидение? — еле слышно промолвила Олеся.

— Нет. Там сидят сторожа, — уверенно отвечал Женя. — А впрочем, кто знает, почему в этом окне горит свет.

— Мы сейчас вернемся в лагерь?

Филипчик ответил не сразу. Поразмыслив с минуту, он сказал:

— Вначале подойдем к замку.

— Женя, давай вернемся, — произнесла Олеся жалобным голосом.

Однако Филипчик будто не слышал ее. Хмурясь, он задумчиво смотрел в сторону замка. Наконец, ни слова не говоря, двинулся по дороге. Девочке ничего не оставалось, как последовать за ним. Бедняжка просто умирала от стра-

ха! Ей чудилось, что вот-вот появится это страшное привидение — прозрачная женщина, которая не будет протягивать к ним руки, моля о помощи, а просто посмотрит на них своими ужасными глазами.

И вот они поравнялись с громадой дворца, остановились. Отсюда дорожка вела прямо к замку. Именно здесь должна была проследовать к автобусной остановке всегда такая гордая и бесстрашная Наталья Васильевна, ведь она не пошла бы через лес, напрямик, как это сделали ребята. Очевидно, именно тут когда-то проходили жители Мишкова и видели в одном из окон замка нечто страшное.

Дети стояли и осматривали огромное темное здание, несколько столетий назад бывшее не только дворцом, но и неприступной крепостью. В каком из окон сейчас появится огонек свечи и вслед за тем выплывет из тьмы белый призрак?

Справа от массивной парадной двери светилось то самое единственное окошко, которое было заметно издалека.

— Подойдем, — коротко приказал Филипчик. — Только быстро.

Они пригнулись и легкими шагами устремились к зданию.

Рядом с освещенным окошком ребята увидели вывеску и прочли на ней:

**Музей «Гольшанский дворец»
Памятник архитектуры XIV — XVI веков
Охраняется государством**

И тут Женя заметил, что окошко это приоткрыто. Ступая на цыпочках, мальчик приблизился к нему и прислонился спиной к стене. Олеся сделала то же самое. Ребята замерли. Тишина, царившая вокруг, очень скоро была нарушена мужскими голосами.

— Это все чепуха! — произнес какой-то человек, находившийся в комнате, откуда лился свет.

Последовала пауза, длившаяся довольно долго. Затем другой голос, принадлежавший, очевидно, мужчине в годах, отвечал:

— Посмотрим, что ты запоешь после дежурства. Полночь еще не наступила.

Снова молчание. Потом второй мужчина — тот, который постарше, — сказал:

— Не спеши судить, друг любезный. До тебя здесь знаешь сколько смельчаков побывало! Все уволились. Потому как ночные дежурства обязательны.

— А ты, Кузьмич, почему не уволился? Самый храбрый, что ли?

— Самый, не самый, а меня особо не проймешь. Пожил достаточно и всякого повидал. Я не то что всяких там духов — живых людей уже перестал бояться. Кроме начальства, конечно. Начальство — это, брат, такое явление, что всегда ужас наводит. А больше мне уже никто не страшен. Так что ты у меня, напарник, знаешь какой по счету?.. А не скажу, какой. Со счета уже сбился.

— Слушай, Кузьмич, ты сам-то их хоть раз видел?

— Не видел, врать не буду. Но слышал. И присутствие ощущал. То свет в комнате ни с того ни с сего погаснет. То шаги наверху какие-то странные — человек вроде и не ходит, а половицы скрипят. А на прошлой неделе я тут один дежурил, потому как напарник мой, который до тебя был, сбежал и даже расчета не потребовал. Вот сижу я за этим самым столом, и в сон меня стало клонить. Носом начал клевать, как говорится. А дверь в коридор приоткрыта была. Тут чувствую — тень как будто промелькнула чья-то. Ага, думаю, кто бы это мог быть? Я в коридор выглянул, влево посмотрел... Никого. Вправо глянул — как будто тоже никого. Но с другой стороны вроде кто-то за угол завернул.

«Эй! — крикнул я. — Кто здесь?» Тишина... Плюнул, дверь закрыл, дальше сижу.

— Приснилось, наверное.

— Может, и приснилось. Хотя про Гольшаны всякое рассказывают. Люди из Мишкова вообще это место стороной обходят. Говорят: здесь нечисто. Будто прозрачная женщина в окне появляется и к тому, кто мимо идет, руки протягивает.

— Ну, эти байки я слышал.

— Может, и байки. А может, и явление какое-нибудь необъяснимое. А Павел Иванович, напарник мой бывший... Заслуженный человек, между прочим... Так вот он рассказывал: в коридор ночью выходит — а там черт стоит на двух козлиных ногах. И рожа у него такая страшная, что мурашки по телу. Смотрит на Павла Ивановича, улыбается и машет ему. К себе, значит, подзывает.

— Врет твой Павел Иванович и не краснеет.

— О-хо-хо... Врать-то не врёт, потому как человек он самостоятельный. А померещиться ему могло, тут я не спорю.

— И все-таки, Кузьмич, не верю я во все эти чудеса.

— Верь, не верь, а я тебе вот что скажу. Сюда из города человек один туристов привозит. Так он их предупреждает даже, перед тем как по замку водить: от меня ни на шаг, здесь, мол, привидение шастает. Говорит им, были случаи, когда его даже видели, привидение это. Вот как я тебя вижу или ты меня.

— Это все суеверие и предрассудки.

— Оно понятно, что предрассудки. Да только факты — упрямая вещь. Вот хоть бы сегодняшний случай. Парочка одна от группы отстала. Что-то они там шептались друг другу... И вдруг девушка как заорет: привидение, привидение! Ну, туристы прибежали к ним, глядь — а и впрямь кто-то за угол завернул, только белая одежда промелькнула... Зато народ сюда валом валит. Призрака все хотят увидеть! А по

мне так даже хорошо. Потому как доброе это дело, когда посетителей в музее много... Ну да хватит об этом. Чем больше говоришь и думаешь о призраке, тем скорее его увидишь.

— А вот здесь я с тобой согласен, Кузьмич. Самовнушение!

— Внушение, внушение. Давай-ка лучше мы с тобой чайком побалуемся.

Мужчины поднялись из-за стола, заходили по комнате. По доносившимся звукам можно было догадаться, что они действительно собираются чаевничать. Женя взял Олесю за руку и потащил ее прочь от окна.

Пока шли быстрым шагом по центральной аллее, удаляясь от замка, хранили молчание. Очутившись на дороге, перевели дух.

— Я тебе так, Олеся, скажу, — проговорил Женя. — Может, это действительно предрассудки необразованных и темных людей. А может, и необъяснимое явление природы!

— Или необъяснимое явление настоящего призрака, — отвечала упавшим голосом девочка. — Отведи меня обратно, пожалуйста.

— Нет проблем. Да ты не бойся. Самое страшное уже позади.

— Ну да, конечно! Нам еще через лес идти!

Впрочем, дорога в обратную сторону показалась им короче; и лес, который уже не так сильно страшил, как раньше, они миновали на удивление быстро. Филипчик прекрасно ориентировался в окрестностях лагеря, обхоженных им, надо полагать, вдоль и поперек.

Под окнами девчоночьей палаты Женя посадил Олесю, и она исчезла в комнате, погруженной в глубокий сон. Однако тотчас показалась ее голова.

— Ты очень храбрый мальчик, — прошептала Алантьева. — Спокойной ночи.

Глава IV

ИНТРИГАНКА

Солнце взошло над спящим лагерем, и все аллеи, лужайки, беседки и корпуса озарил веселый свет. Начинался новый летний день, такой же ясный и беззаботный, как и все прочие. Дети еще сладко спали, а Наталья Васильевна со спортивной сумкой на плече, свежая и подтянутая, уже сходила с автобуса, приехав из города первым рейсом. Она окинула внимательным взором двух мужчин, одного молодого, другого постарше, которые ожидали на конечной остановке тот же автобус, но ничего подозрительного на их лицах не заметила: похоже, сторожа Гольшанского замка провели спокойную ночь. Наталья Васильевна презрительно поджала губки, высокомерно усмехнулась и легкой походкой направилась в лагерь. И когда Никодим Никифорович вышел из домика, чтобы осмотреть с утра пораньше свои владения, старшая вожатая и впрямь была как штык на рабочем месте.

— Вот и ещё одна ночь прошла без происшествий, — сказал директор, приветливо улыбаясь.

— Сплюньте, бога ради, — отвечала старшая вожатая. — Хотя у нас и в самом деле такие славные дети, что взрослым можно не беспокоиться.

— Тьфу-тьфу-тьфу, — сказал Никодим Никифорович. — Ну как там наш Гольшанский замок поживает?

— Стоит красавчик на том же месте, и хоть бы что ему. Такой же окутанный тайной и гордый, как и в былые времена.

— Да, да; очень гордый дворец. Ну а с вами, Наталья Васильевна, все ли в порядке?

Старшая вожатая бросила на директора высокомерный взгляд и расправила плечи, преисполненная чувства собственного достоинства. Никодим Никифорович смутился и поспешил пояснить:

— Я имею в виду, не было ли у вас неприятностей по дороге в город и обратно? Никто вас не молил о пощаде, руки к вам не протягивал?

— Мне бы очень хотелось, Никодим Никифорович, — надменно произнесла Наталья Васильевна, — чтобы вас угораздило проходить мимо замка поздно вечером.

— Ну, ну, не обижайтесь. Я всего лишь имел в виду, что вы чудесно выглядите и какому-нибудь молодцу, хе-хе, в пору, можно даже сказать, умолять вас о пощаде. Кстати! Послезавтра Иван Петрович проводит очень важное совещание с директорами детских лагерей. Я уеду в город накануне вечером, последним автобусом. Так что... — Никодим Никифорович, улыбаясь, развел руками. Впрочем, тотчас сделался серьезным: — Ну да ладно, оставим это.

— Значит, вы поедете завтра вечером? — уточнила Наталья Васильевна, внимательно глядя на директора, который, однако, ничего не замечал из того, что вокруг него творилось. — Последним автобусом?

— Разумеется. А вернусь на следующий день вечером, также последним автобусом. Нам с вами надо основательно подготовиться к моему отсутствию. Ведь я на целые сутки оставляю на вас лагерь! Это очень большая ответственность, Наталья Васильевна.

— Да, Никодим Никифорович. Конечно.

* * *

В столовой во время завтрака Варя отчего-то засмотрелась на командира отряда. «Какая все-таки гордечка эта Алантьева, — подумала она. — Ишь какая нарядная и ухоженная! Ишь как медленно и красиво ест!»

— Посмотри на нашу командиршу, — сказала Варя соседке. — Как будто в ресторане сидит.

— Ну, точно, — отвечала соседка. (Этой девочке вовсе не казалось, что Олеся Алантьева невеста что возомнила о се-

бе. Но как тут не посудачить! Даже если и не хочется совсем.) — Воображает, наверное, что Филипчик в ресторан ее повел.

— Почему Филипчик?

— А ты разве не знаешь? Она же влюблена в него!

Варя вдруг внутренне оживилась. Ну конечно! Как же она сразу об этом не догадалась! Отчего, спрашивается, эта несносная Алантьева хотела пойти к замку вместо нее, Вари Цветковой, которую, собственно, Филипчик и звал на романтическую прогулку через лес? Чтобы привидение посмотреть? Как бы не так! Какое в наше время привидение!

«Между прочим! — размышляла Варя, не сводя глаз с командира. — Ходила она с ним или нет? Я ведь быстро уснула... Надо разузнать».

— О, смотри, смотри! — говорила ей соседка, увлеченная новым делом. — Ишь как медленно булочку с маслом кусает!.. А какой маленький кусочек откусила!.. И как тщательно жует!.. Можно подумать, Филипчик сейчас танцевать ее позовет! Правда же? — обратила она взор к Цветковой.

Но Варя ничего не отвечала, хотя губы ее трогала усмешка и она по-прежнему смотрела на Алантьеву. «Ладно-ладно, Олесечка», — проговорила про себя Цветкова.

Потом она посмотрела на Женю, который сидел за одним столом с Владиком. Словно рентгеновским лучом, Варя просверлила взглядом головы обоих и пришла к выводу: если Филипчик ходил вчера к замку, тем более с Алантьевой, то он скорее сохранил это в тайне, чем разболтал Денисову. «Тайны не будет», — думала Варя. Этой девочке очень хотелось придумать гениальный план, но сперва надо было обо всем разузнать.

И вскоре после завтрака Цветкова подошла к Алантьевой.

— Олеся, ты сегодня прелесть, как хороша! — произнесла Варя ласковым голосом, в котором отчетливо слышалось неподдельное восхищение.

— Спасибо, Варя, — отвечала Алантьева, очень довольная похвалой. (Она ведь и вправду постаралась сегодня выглядеть лучше, чем вчера.)

— Какая у тебя маечка красивая... Она так замечательно подходит к этой юбке. И волосы у тебя сегодня чудесно лежат. Нет, ты не подумай, они и вчера хорошо лежали, а сегодня — вообще классно. Между прочим, ты ходила к замку? Я быстро уснула, но мне ужас как интересно!

— Ты знаешь, Варя, в общем-то ходила.

— Страшно было?

— Ой, ты даже не представляешь! Правда, мы никого не видели, но все люди почему-то сильно напуганы.

— Наверное, это все предрассудки взрослых.

— Женя тоже так говорит.

— А Филиппчик так же боялся, как и ты?

— Нет, что ты! Он очень храбрый мальчик. Мы с ним стояли под окном и подслушивали разговор сторожей. Варя, ты не представляешь! В Гольшанском замке такие ужасы происходят! Я слушала, слушала и чуть было не убежала. А Женя — хоть бы что.

— А какие ужасы происходят?

Олеся с удовольствием рассказала обо всем, о чем они с Филиппчиком узнали из беседы сторожей. В том числе и об экскурсии по дворцу, которая у горожан пользуется большой популярностью.

— Пойдешь еще к замку привидение посмотреть? — полюбопытствовала Варя, сохраняя самый что ни на есть невинный вид.

— Конечно, нет! Я, честно говоря, очень боюсь, что оно и впрямь появится. Взрослые зря болтать не станут.

— А днем пойдешь? Например, на экскурсию?

— Вряд ли. А вдруг я потом уснуть не смогу!

— Ну и правильно, что не пойдешь, — сказала Варя, а сама подумала: «Теперь я вместо тебя пойду».

Потом она подошла к Владике и Жене. Мальчишки на-

блюдали за игрой в настольный теннис, ожидая своей очереди.

— Женя, мне надо с тобой поговорить по очень важному делу, — заявила Цветкова. — Владик, ты оставайся на месте, тебя это не касается.

Денисов сразу же взвился:

— А я, может, не хочу на месте оставаться! Женя мне друг. У него нет от меня секретов.

— Это отчего же нет? — возразил Филипчик. — Если Варя говорит, что дело только меня касается, так и сиди на месте.

— Что-о?! — Денисов даже привстал от возмущения. — Ты мне приказывать будешь?

— А почему бы и нет! — отвечал Филипчик, тоже поднимаясь. — Только ты у нас командир, что ли?

— Мальчики, мальчики, не ссорьтесь. Если Владик хочет послушать, о чем мы с Женей будем говорить, то пусть слушает. Я потом тебе, Женя, скажу что-нибудь такое, что другие слышать не должны, — сказала Цветкова. Она строила Филипчику глазки и с удовольствием отмечала про себя, что Денисов хмурится.

— Пацаны, мы сейчас вернемся, — сказал Владик мальчишкам, игравшим в настольный теннис, и троица удалилась в уединенное местечко.

В этом самом местечке Варя потребовала, чтобы Женя рассказал о своей ночной вылазке: якобы она уже знает, что он ходил с Алантьевой к замку, но теперь хотела бы узнать подробности.

— Так ты все-таки туда ходил? Без меня? — сказал Денисов, в упор глядя на Филипчика.

— А я лежал, лежал, вижу — не спится. Дай, думаю, схожу, — оправдывался Женя.

— Так оно и было, — проговорила Варя. — Ему не спалось, поэтому он зашел за Алантьевой, которой тоже не

спалось, и они пошли смотреть привидение. Как тебе это нравится, Владик?

— Могли бы меня разбудить, — проворчал Денисов.

— Но ты же не веришь в привидения, — заметил Женя. — И потом, ты так крепко спал, что мне совестно было тебя будить. А вообще, я хотел это сделать!

Затем Женя рассказал то, о чем Цветковой было уже известно. Однако она виду не подала, что знает, и слушала очень внимательно. Что же касается Владика, то его интерес к Гольшанскому замку, и без того невысокий, пропал окончательно.

— Нет там никакого привидения, — уверенно заявил он. — Я это с самого начала говорил.

— Почему же тогда взрослые только о какой-то прозрачной тетке и толкуют? — на всякий случай попытался возразить Женя.

— Потому что они дураки.

— Ну, не то чтобы дураки, так все-таки нельзя говорить о взрослых, — сказал Филипчик, — но что суеверные, это уж точно.

— А ты пойдешь на экскурсию? — спросила у него Варя.

Получив отрицательный ответ, она взяла Женю под руку и повела его в сторонку.

— Мы скоро вернемся, — бросила она через плечо Денисову.

Владик и сам не намерен был дожидаться, пока парочка надумает посвятить его в свои тайны. Он повернулся и пошел к мальчишкам играть в настольный теннис. А Варя, пройдя немного с Филипчиком под руку, отчего сердце у мальчика забилося часто-часто, вдруг произнесла горячо, с видом заговорщика:

— Женя, милый! Если бы ты знал, как я хочу побывать на этой экскурсии! Я не переживу, если ты меня не сводишь в Гольшанский замок!

Филипчик моментально растаял, словно кусочек льда,

облитый крутым кипятком. Он был настолько счастлив в эту восхитительную минуту, что на мгновение потерял дар речи!

— Неужели я тебе разонравилась, Женя? — жалобно проговорила Цветкова.

— Нет, что ты, Варя! Совсем не разонравилась! Даже наоборот! Если честно, я и сам хотел позвать тебя на экскурсию!

— Правда? Женечка, если бы ты знал, как я переживала, что вчера уснула! Просто очень хотелось спать.

— Варя! Да я!.. Да если бы я знал!..

— Неужели тебе приятно с Алантьевой привидение смотреть, а не со мной?

— Конечно, мне лучше с тобой его смотреть, а не с ней!

— Тогда пообещай мне, что больше с ней не пойдешь к замку.

— Обещаю! Больше ни с кем не пойду! Только с тобой!

— Хорошо, Женя. Я тебе верю. Да, но как же нам с тобой попасть на эту экскурсию?

— Да очень просто! — отвечал воодушевленный Филиппик, пребывающий на седьмом небе от счастья. — Вот сейчас возьмем и пойдем туда. Я ведь дорогу знаю.

— Отлично. Но вначале заглянем в клуб.

Более практичная в житейских делах Цветкова объяснила, что сперва лучше позвонить в Гольшанский дворец и узнать, в котором часу состоится ближайшая экскурсия. Просто так сходить с Женей к замку девочке было неинтересно. Она полагала, что экскурсия вдохновит впечатлительного Филиппика, и он сам будет с жаром о ней рассказывать, в том числе и Алантьевой. «Вот и послушай, Олесечка, как я с ним в замок ходила, — предвкушала Варечка сладость победы. — Может, мы с ним и привидение настоящее увидим. И уж поверь мне на слово, дорогая, я не стану умирать от страха, как это делала ты!»

Итак, гениальный план созрел окончательно, и доволь-

ная девочка повела Филипчика в клуб. Они поднялись на второй этаж и, ступая на цыпочках, неслышно подкрались к той комнате, где находился телефон. Вдруг ребята услышали голос самой Натальи Васильевны, которая разговаривала как раз по этому телефону.

— Будь спокоен, дорогой, — говорила кому-то старшая вожатая. — Он простофиля и совершенно не опасен... Да, конечно, буду как штык... Следует именно сегодня... завтра — нет, а послезавтра — снова... Да, я в этом уверена... Еще бы! Разумеется, я у тебя умница!..

Варя посмотрела на Женю весьма выразительно и многозначительно прошептала:

— Это ее любовник! Точно тебе говорю!

Филипчик не нашелся с ответом. Девочка продолжала:

— А что? Имеет право. Она ведь молодая и красивая. Правда же?

— Да! — мотнул головой Филипчик.

Между тем Наталья Васильевна, судя по всему, заканчивала разговор:

— До встречи, дорогой, — мурлыкала она. — Спасибо... Мне тоже приятно иметь дело с таким серьезным мужчиной.

Варя опять посмотрела на Женю и красноречиво качнула головой, как бы говоря: «Вот так! Видишь, я была права!» Потом она прошептала:

— Иди спрячься. Я все сделаю сама.

Женя полетел прятаться, а Варя вышла из укрытия и тотчас приняла грустный вид. Когда в коридоре появилась старшая вожатая, девочка промолвила печально:

— Наталья Васильевна, позвольте позвонить маме. Для меня это очень важно.

(Последние слова она произнесла дрогнувшим голосом.)

— Что-то случилось, Цветкова?

— Нет-нет, не беспокойтесь. Все хорошо.

Наталья Васильевна явно куда-то спешила. Ей вообще

было глубоко плевать на своих подопечных. Она разрешила Варе позвонить и велела после разговора просто захлопнуть дверь.

Когда она удалилась, Варя позвала громким шепотом: «Женя!.. Же-ня!» — и, увидев мальчика, помчалась к аппарату на столе. Она набрала 09, узнала телефон музея «Гольшанский дворец» и позвонила туда.

— Через полчаса прибывает автобус с экскурсантами! — ликовала Цветкова. — Ой, а у тебя есть деньги?

— Есть! — снова мотнул головой Филипчик.

— Тогда поспешим в замок. Мне почему-то кажется, что мы с тобой обязательно увидим это привидение!

Женя лишь нахмурился. Умудренный практическим опытом, он прекрасно понимал, что милая Варя еще не ведает настоящего страха, потому как покамест непуганая. А вот они с Олесей уже знают, что это такое — умирать от неописуемой жути, ожидая в зловещей ночи появления прозрачной женщины в темном окне.

Глава V

ВОТ ТАК!

Напротив аллеи, ведущей к парадным дверям Гольшанского замка, остановился автобус, из которого высыпала шумная и нарядная толпа экскурсантов. По их веселым физиономиям и безрассудно отпускаемым шуточкам можно было судить о том, что эти беспечные люди не только знают о привидении, обитающем в замке, но и страстно желают его увидеть.

— Эй, привидение! — веселилась толстенькая женщина. — Выходи, не бойся нас!

И начинала хихикать, словно ее щекотали. Остальные тоже посмеивались.

— Какие легкомысленные люди! — заметил Женя, когда ребята, выйдя из леса, принялись наблюдать за туристами.

Последним из автобуса вышел представительный мужчина довольно приятной наружности, не слишком толстый, однако отнюдь не худой, даже с небольшим животиком. Чувствовалось в этом человеке что-то очень основательное; его жизненный стержень, если судить по первому впечатлению (которое чаще всего оказывается верным), был тверже гранита.

— Владимир Васильевич! — капризным голоском обратилась к представительному мужчине толстенная женщина. — Даете ли вы гарантию, что мы увидим вашу Белую Даму? Нам бы этого очень хотелось!

— Во-первых, она не моя, — степенно отвечал мужчина. — Во-вторых, я с ней не так хорошо знаком, чтобы просить ее об одолжении. В-третьих, привидение появляется далеко не каждый раз — это вам не достопримечательность, в конце концов. В-четвертых, я не желал бы вам встречи с ним.

— Почему, Владимир Васильевич? — спрашивала капризная женщина.

— Потому что это очень страшно.

— А вы его видели? — спросил другой экскурсант.

— Слава богу, нет. Но туристы рассказывали. Вот буквально пару дней назад случай был. Подошел человек к старинному зеркалу... мы сейчас его увидим... и вдруг раз — с обратной стороны выплывает этакое... Нет, я вам плохого не желаю, так что обратите все внимание на этот интереснейший объект культуры и не отставайте от меня.

Закончив этот свой монолог, экскурсовод по имени Владимир Васильевич (ибо это был, несомненно, экскурсовод) сквозь расступившуюся группу пошел к замку, увлекая за собой веселых туристов. Женя подал девочке знак, и ребята примкнули к толпе.

Варя ликовала: пока все шло по ее гениальному плану.

Наверняка этот впечатлительный Филипчик станет взхлеб рассказывать об экскурсии, о том, как они ходили по жутким покоям замка и как она, Варя Цветкова, держалась с достоинством, приличествующим славной и милой девочке, в которую, в отличие от разных там Алантьевых, невозможно не влюбиться, даже если она не командир отряда. Подумаешь, командир! Варя совсем не хотела этой должности, когда выбирали, даже ни разу об этом и не подумала. У нее и мысли такой не возникало, честное слово!

Варя усмехнулась самодовольно:

— Так говоришь, Алантьева умирала от страха?

— Еще как! — отвечал Филипчик, совершенно не чувствуя женского коварства. — Ей было очень страшно.

— Гм! А еще командир отряда! Я бы не стала бояться на ее месте. Подумаешь, страшный замок ночью! Что в этом особенного?

Видя, что ее спутник молчит, девочка добавила:

— Ты согласен со мной?

— Да, конечно! Ты все правильно говоришь, Варя.

— Ты ведь не боялся, как Алантьева?

— Нет, что ты! Я совсем не боялся!

— Охотно тебе верю. Я же знаю, какой ты смелый.

Варя немного помолчала, а потом спросила у Жени:

— Наверно, не очень-то приятно, когда рядом трусит девчонка?

— Да, это несколько... ну как бы...

— Куда лучше ходить по ночам с храброй девочкой? Правда же?

— Да, да, конечно! — закивал Филипчик.

Тем временем экскурсовод взошел по ступенькам парадного подъезда и, взявшись за кольцо, постучался им в огромную дверь. Медленно и со скрипом, словно храня страшную тайну и не желая ее выдавать, дверь отворилась. Экскурсовод посторонился, пропуская группу. Ребята притихли и вместе со взрослыми, которые купили билеты еще в

городе, хотели прошмыгнуть внутрь, но тут экскурсовод перегородил им дорогу.

— Ага! — сказал он с ехидной физиономией. — Хотели без билета на моей экскурсии побывать? Ничего не выйдет!

— А мы и не думали без билета, — пролепетал Филиппчик. — Сколько мы вам должны?

— А сколько у тебя есть?

Женя выгреб всю свою наличность. Владимир Васильевич глянул, поморщился, однако все сгреб в свою громадную ладонь и разрешил войти. Ребята очутились в прохладном и довольно мрачном холле дворца.

В центре была просторная мраморная лестница, покрытая красным ковром. Извиваясь, она вела на верхние этажи. На стенах висели доспехи рыцарей, старинное дорогое оружие, портреты вельмож; горели электрические светильники в виде факелов.

Владимир Васильевич вышел вперед и начал экскурсию:

— Сегодня вы узнаете об одном из самых знаменитых замков, который играл важную роль в защите западных рубежей Московского государства. Этот замок окружен ореолом таинственных легенд, сколь романтических, столь и неправдоподобных, ибо мы с вами — современные культурные люди, вооруженные знаниями и, как говорится, новейшими достижениями науки. Однако дворец, в котором вы имеете счастье находиться, представляет исключительную ценность с точки зрения истории и архитектуры, то есть вообще культуры. Выразительный, неповторимый облик дворца определяет его своеобразная композиция — прямоугольное замкнутое здание. Жилые корпуса с башнями на углах образуют квадратный двор... пожалуйста, посмотрите на макет, здесь это хорошо видно... Со временем мощные стены, характерные для оборонного зодчества XVI века, уступили место фасаду жилого дома. Поднимемся, господа, по этой лестнице.

— А как же дамы, Владимир Васильевич? — игриво спросила толстенькая женщина.

— О, пардон! И дамы, разумеется, тоже. И даже дети, которые, как я вижу, увлеченно слушают мой рассказ. Вперед, друзья!

В самом деле, наши герои внимали Владимиру Васильевичу, затаив дыхание. Варя слушала внимательно не столько потому, что обожала историю, сколько в надежде увидеть где-нибудь там, на изгибе лестницы или в конце длинного мрачного коридора, прозрачную женщину. Что же касается Филипчика, то он и впрямь внезапно почувствовал огромный интерес к седой старине. И хотя рассказ экскурсовода мастерством отнюдь не блистал — очевидно, Владимир Васильевич при всей своей солидности был малоопытным гидом, — мальчик моментально воспарил душой под сводами этого великолепного дворца, который был когда-то и замком вельможи, и оборонительной крепостью, оставаясь при этом воплощением роскоши. То, что казалось покрытым пылью веков, вдруг ожило, зазвучало ярко и романтично. То были не призраки, а пленительные образы суровых рыцарей и обворожительных дам, когда-то обитавших в этих покоях. Владимир Васильевич, ловко примкнувший к истории, всего лишь разбрасывал вокруг себя сырые словечки, но, должно быть, место здесь было такое, что эти словечки вспыхивали огнем в душе впечатлительного Жени Филипчика. Видя, какой интерес у мальчика вызывает его рассказ, экскурсовод был польщен и даже сам воодушевился, начал импровизировать и порой нести околесицу, неприметную для непосвященных.

Поднялись на второй этаж и подошли к тому самому зеркалу.

— Вот здесь, господа, дело было, — сказал Владимир Васильевич. — И дамы тоже, пардон еще раз... Я сам не видел, а когда обернулся на крик и подбежал к ней, она стоит вся бледная, еле дышит... Ну туристка, вы понимаете.

Во все глаза смотрели экскурсанты на страшное зеркало. А вдруг и сейчас с обратной его стороны подплывет призрак? Но никто пока что не подплывал.

— В чем дело, спрашиваю, чего вы тут разорались? — говорил Владимир Васильевич. — Что вы мне тут, понимаете ли, панику между туристами сеете? А она — мэ, мэ... сказать ничего не может. Это потом уже, в автобусе, она обо всем рассказала. Но вы сами понимаете, господа, что все это плод больного воображения. Наслушались люди всякого — и готово дело.

— Я бы не стал биться об заклад, — в задумчивости произнес один из экскурсантов.

— Так и не бейтесь, никто вас не неволит, — отвечал ему Владимир Васильевич. — Продолжим, господа. Ну и дамы, разумеется.

Владимир Васильевич повел всех по коридорам и покоем Гольшанского замка, рассказывая об экспонатах дворца, а также немного из истории. Женя совсем позабыл о привидении и весь обратился в слух. Ему здесь все было интересно.

— Мы находимся, господа... и дамы, — говорил Владимир Васильевич, — в большой зале с колоннами. На эти колонны опираются... как их... крестовые своды. Стены, как видите, покрыты богатейшей живописью. Окна выходят на замковый двор. Каменные плитки пола гармонируют с дорогими коврами и мебелью. В этой башне, как и в остальных, имеется множество небольших комнат. Вот как эта — извольте взглянуть.

Женя вместе со всеми заглянул в уютную комнату, где когда-то жили люди, и увидел старинные кресла, мраморные столики с бронзовыми подсвечниками, камин и громадные мечи над ним, висевшие на стене крест-накрест. И еще родовой герб! В комнате царил полумрак, создаваемый электрической подсветкой в камине, которая имитировала тлеющие поленья.

— Вот бы жить здесь всегда! — прошептал восхищенный мальчик своей спутнице. — Это тебе не квартира в типовой девятиэтажке! Да, круто жили наши предки!

Варя глянула на него слегка презрительно и усмехнулась.

— А теперь прошу всех во двор, — позвал экскурсантов Владимир Васильевич. — Там тоже есть на что посмотреть. И чтоб я помер, если это не так!

Долго, очень долго будет жить лукавый Владимир Васильевич, дай ему бог здоровья. Ибо он, конечно, знал, что на замковом внутреннем дворе и впрямь есть на что посмотреть. Очарованный Филипчик ловил каждое слово экскурсовода и окидывал жадным взором все дворцовые постройки.

— Извольте видеть, господа... гмм... и дамы, — продолжал Владимир Васильевич. — Перед вами ряды аркад. А это... м-м... А действительно, что ж это такое у нас будет?... Короче говоря, одни ученые определяют архитектуру замка как барокко, другие — как новозеландский... простите, нидерландский... да, именно как поздний... а может быть, и ранний нидерландский ренессанс. Но это их проблемы. А теперь посмотрите туда.

Варя приподнялась на носочках и прошептала мальчику в ухо:

— Мне уже надоело. Пойдем отсюда.

Женя лишь помотал головой, а потом глянул на девочку со зверским выражением: не мешай, ради всего святого!

— Привидения все равно нет! — с раздражением произнесла Варя.

— Привидения? — не понял вначале Филипчик. — А!.. Оно нам и не нужно. При чем тут привидение?

— Не будем забывать, господа, — говорил экскурсовод, — что замок был оборонным. И вот эти башни позволяли вести боковой огонь по неприятелю...

— Вы не сказали «дамы»! — громко поправила гида Варя.

— Ты чего, рехнулась?! — глядя на нее страшными глаза-

ми, таким же страшным шепотом произнес Филипчик. — Стой и молчи!

— А чего! Дамы что, не люди, что ли?

— Хорошая девочка, — сказал, улыбаясь, Владимир Васильевич. — Итак, продолжим. Вон там — вход в подземелье Гольшанского замка.

— Как! — воскликнула толстененькая женщина. — Здесь есть подземелье?! Вы знали об этом и молчали?! Какой вы коварный, Владимир Васильевич!

— Успокойтесь, пожалуйста, — отвечал экскурсовод. — В подземелье мы не пойдем.

— Но почему?! — не унималась женщина. — Я хочу именно в подземелье!

— Мы туда не пойдем, потому что там очень страшно, — тихо проговорил Владимир Васильевич и потупил свой невинный взор. Но тотчас встрепенулся: — Итак, господа...

— Я вам заплачу! — вскричала толстененькая экскурсанта. — Отведите меня в подземелье, я требую! Там наверняка прячется привидение!

Впрочем, на нее зашикали со всех сторон, и она, насупившись, замолчала. Варя тоже насупилась, потому что этот невнимательный Филипчик совсем потерял к ней интерес.

Владимир Васильевич продолжил экскурсию:

— Сейчас мы пойдем вон в ту башню. Предупреждаю: легенда гласит, что в стене той башни замуровали какого-то человека. Оно и впрямь, мрачновато там малость. А еще одна туристка уверяла меня, что видела в башне призрака. Однако мы с вами грамотные и, как говорится, культурные люди, так что привидениями нас особо не проймешь. За мной, господа!

— И дамы! — хором воскликнули экскурсанты, устремляясь за Владимиром Васильевичем.

А Варя принципиально осталась стоять во дворе замка.

Пусть идет себе этот Филипчик! Женя вначале и в самом деле скрылся в дверях башни, но очень скоро вернулся.

— Ну что ты, Варя, — произнес он виноватым голосом. — Ты обиделась на меня?

Насупленная девочка ничего не отвечала, поигрывая носочком своей кроссовки.

— Ну ладно, извини. Я немного увлекся. Пойдем обратно в лагерь.

И они направились к другой башне, в которой был парадный вход в музей.

— Я как-нибудь после схожу, один, — сказал Женя, надеясь найти у девочки поддержку. — Правда же?

Но никакой поддержки, увы и ах, Евгений Филипчик не нашел.

Однако в следующую минуту они уже мчались обратно, в ту башню, в которой скрылись экскурсантаы.

ИБО ИЗ ЭТОЙ БАШНИ НЕССЯ ДУШЕРАЗДИРАЮЩИЙ КРИК!

Первым ворвался в старинное здание Филипчик. Увидев перед собой витую лестницу, он помчался наверх. Вскоре его взору предстали взрослые дяди и тети, в растерянности жавшиеся к стене из старинного красного кирпича. На уровне второго, а может быть, и третьего этажа мальчик увидел ту самую толстенькую туристку, которая до этого слишком легкомысленно веселилась. На бедной женщине лица не было.

— Успокойтесь, прошу вас, — говорил ей ласковым голосом Владимир Васильевич. — Вам наверняка показалось. Просто вы очень восприимчивая ко всем этим легендам.

Женщина в ответ только головой затрясла: нет, не показалось!

— Да быть этого не может, — продолжал Владимир Васильевич. — Мы же с вами современные интеллигентные люди.

Но бедняжка по-прежнему качала головой: видела, мол, и все тут!

Шагая совершенно бесшумно, как хитрый котик во время охоты, Женя обошел Владимира Васильевича стороной и глянул назад. Увидев среди взрослых людей девочку, он замахал ей: пошли смотреть привидение!

Однако Варя оставалась на месте и, по всему видать, вовсе не горела желанием лицезреть то же самое, что посчастливилось увидеть толстенькой экскурсантке. Женя красноречиво развел руками: ты же сама этого хотела! Но нет, Цветкова даже не щелохнулась. Тогда Филипчик отправился наверх один.

Он прошел совсем немного и остановился. Ни впереди, ни позади никого из взрослых не было видно, что неудивительно: ведь он стоял на винтовой лестнице, и поэтому обзор был скрыт. За спиной мальчика раздавались голоса людей, занятых напуганной до смерти туристкой. Постояв минуту, Женя собрался уже возвращаться. Вдруг его внимание привлек глухой шорох, которого, возможно, вовсе даже и не было. Однако Филипчик, удивляясь самому себе, сделал шаг-другой вперед. Затем быстро и бесшумно поднялся еще на десяток ступенек.

И в этот миг перед его глазами мелькнула чья-то призрачная тень...

Господи, что же это было?! Может, ему показалось? «Сдается мне, — подумал мальчик, чувствуя, как мурашки забегали по телу, — это был... подол белого платья! Вот что это было такое!»

Филипчик моментально вспотел. Орать он не стал, как никак мужчина, и в первую минуту благоразумно решил повернуть назад. Но вместо этого... безрассудно ринулся вперед! «А что, если мне тоже мерещится всякая дребедень? — пронеслось у него в мыслях. — Я должен знать наверняка!»

Женя пробежал совсем немного и снова встал как вко-

панный: впереди опять мелькнул низкий подол белого платья. Какое-то мгновение мальчик тупо смотрел перед собой. Но ведь это был реальный подол реального женского платья! Настоящего белого цвета! Лицо Евгения посуровело, и он мужественно прошептал:

— Если ты призрак, то я — Генеральный секретарь ООН.

После чего ринулся вперед. И бежал наверх не останавливаясь, чувствуя усталость в мышцах, наливавшихся свинцом... однако уже различая звуки легких женских шагов!

Наконец, лестница кончилась — и Женя повстречал-таки Белую Даму Гольшанского замка!

— Стойте! — крикнул ей в спину мальчик.

Сам он находился на последней ступеньке лестницы и видел перед собой просторное чердачное помещение, а также женскую фигуру в белом одеянии с капюшоном и подолом до самого пола. Фигура замерла — то ли в нерешительности, то ли по какой-то другой причине. Сперва Филипчик смутился, потому как в нем заговорила совесть.

— Простите меня, пожалуйста! — промолвил он горячо. — Если вы на самом деле привидение, то я сейчас же уйду и никому ничего не скажу. Но, может быть, я могу для вас что-нибудь сделать?

Фигура тронулась с места и вновь замерла, не зная, как наилучшим образом отреагировать на такие удивительные слова. И тут привидение допустило грубую ошибку — оно все же сделало шаг вперед, стукнув по каменному полу каблуком.

— Стойте! — твердо произнес Филипчик. — Покажите мне свое лицо!

Фигура задумалась ненадолго над услышанным, а затем начала медленно оборачиваться.

Когда она повернулась полностью, лица ее все равно невозможно было разглядеть: его скрывал низко надвинутый капюшон. Тут белая женщина двинулась в сторону дерзкого

— Вот так! — сию же минуту вскричал Филиппик.

мальчишки, приблизилась к нему, выдержала паузу и вдруг резко сбросила капюшон.

— Вот так! — сию же минуту вскричал Филипчик.

И он был абсолютно прав, ибо перед ним предстала... перекошенная от злости... НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ГРОНОВА, старшая вожатая детского лагеря «Сокол»!

Челюсть разоблаченной Натальи Васильевны аж тряслась от бешенства, зубы выбивали дробь, а глаза сверкали огнем. Господи! Это была настоящая ведьма!

— Вы-ы? — протянул в изумлении Филипчик. — Что вы здесь делаете?

Наталья Васильевна пронзила мальчика взглядом, исполненным величайшего презрения, почесала вначале у себя за ухом, досадно морщась, а потом внезапно ударила своего воспитанника кулаком в челюсть.

И Филипчик, у которого искры из глаз посыпались, покатился вниз по лестнице, кувыркаясь через голову.

Глава VI

НАТАЛЬЕ ВАСИЛЬЕВНЕ НЕ СТЫДНО

С тоило толстенькой экскурсантке прийти в себя, как тотчас же взрослые вспомнили о подростке. Ведь он смело ринулся вверх по лестнице — не иначе в надежде схватить белый кошмар и привести его на всеобщее обозрение. Очень, очень смелый молодой человек! Но потом все отчетливо слышали какой-то шум. Что бы это могло значить? Никто из взрослых не решался пойти и посмотреть, даже Владимир Васильевич, который на просьбы немедленно подняться наверх, сыпавшиеся со всех сторон, лишь отвечал, стыдливо пряча глаза:

— Я не могу... Я боюсь...

И тем только подогревал интерес туристов к происходящему в замке.

Тогда экскурсанты сами начали звать отчаянного подростка:

— Мальчик! Мальчик! — кричали они наперебой, и шагу не смея сделать в сторону уходящей вверх лестницы.

Вдруг наступила тишина, и люди слышали леденящие кровь шаги: кто-то медленно спускался сверху — оттуда, где обитало привидение. Неужели оно сейчас предстанет перед всеми?!

Взрослые ахнули, попятились, прижались к стене, а толстенькая женщина недолго думая помчалась прочь.

— Вы сами этого хотели, — в гнетущей тишине прошептал Владимир Васильевич.

А шаги раздавались все ближе, ближе... Взрослые опять ахнули и затрепетали еще больше.

Из-за поворота появился Женья Филипчик, бледный как смерть. Он двигался, подобно лунатику, поэтому ни у кого не могло быть сомнения в том, что мальчишка видел привидение Гольшанского замка, причем так же близко и ясно, как они все видели в эту минуту друг друга.

— Бедный мальчик, — промолвила какая-то сердобольная женщина.

— Очень страшно было? — участливо спросил другой турист.

Но Женья ничего не отвечал. Он медленно и торжественно прошел мимо и покинул эту жуткую башню, хранящую столь ужасную тайну. Во дворе мальчика ждала Цветкова, которая убежала еще раньше толстенькой женщины. И ребята, пока что ни слова не говоря друг другу, отправились в лагерь. Когда они уже были в лесу, Варя наконец нарушила молчание, снедаемая законным любопытством:

— Ты видел его? Страшно было? Какое оно? Прозрачное, да? Оно к тебе протягивало руки?

Женья медленно повернул к ней голову, посмотрел как-то странно и проговорил:

— Я потом тебе расскажу... Может быть.

— Воображаешь, да? Ну и пожалуйста!

Как только ребята перелезли через забор лагеря, Варя молча направилась в другую сторону, будто и не ходила с мальчиком в музей.

Экскурсия в замке между тем продолжалась. Туристы плохо слушали Владимира Васильевича, потому что головы их были забиты совсем другим. Все вздрагивали от малейшего шороха. Один мужчина даже отстал от группы, а потом примчался с горящими от воодушевления глазами. «Оно там! Я видел его!» Побежали смотреть. К сожалению, человек выдавал желаемое за действительное. «Это плод вашего богатого воображения», — тонко подметил Владимир Васильевич.

Очень скоро копилка слухов о Гольшанском замке наполнилась событиями этого дня — как водится в таких случаях, сильно приукрашенными, — и популярность музея возросла еще больше.

* * *

В комнате старшей вожатой раздался телефонный звонок. Наталья Васильевна смерила аппарат презрительным взглядом и медленно сняла трубку.

— Н-ну? — процедила она сквозь зубы, словно могла видеть на многие сотни метров вперед и знать, кто ей звонит, чтобы так высокомерно разговаривать. — Ну и что ты хочешь этим сказать?.. Чепуха!.. Бред сивой кобылы!.. Хорошо, приходи... Да, тихий час, но ты все-таки постарайся, чтобы эти мерзавцы тебя не увидели.

И хотя было совершенно очевидно, что на том конце провода еще что-то говорят, торопливо и взволнованно, Наталья Васильевна с гордым видом положила трубку.

Действительно, в скором времени в лагере наступил тихий час. Оставим пока нашего героя в его палате, где он лежит в постели, вперив взгляд в потолок, терзаемый смутны-

ми сомнениями, и снова проследим за Натальей Васильев-ной, этой деловой и стильной женщиной, преисполненной чувством собственной значительности. К ней во время ти-хого часа крался мужчина. Разумеется, это был не кто иной, как Владимир Васильевич. Двигаясь по территории лагеря короткими перебежками, он то и дело воровато озирался и невероятно сутулился, очевидно, для того, чтобы в любой момент настолько сильно вобрать голову в плечи, насколько этого потребуют обстоятельства.

Но никто на его пути не встретился, и Владимир Василь-евич благополучно проник в комнату Натальи Васильевны. Как только он юркнул в ее покои, женщина вышла в кори-дор, окинула его внимательным взглядом, высокомерно ус-мехнулась и, вернувшись в комнату, тихонько заперла дверь.

— О Наталья! — воскликнул Владимир Васильевич. (Он был бледен и, похоже, ужасно нервничал.)

— Говори тише, идиот! — прошипела Наталья Васильев-на, похожая на разъяренную дикую кошку.

Она плеснула в рюмку коньяку.

— Пей! — приказала старшая вожатая. И сразу же спо-хватилась: — Только ради бога, Владимир! Маленькими глотками!

— Ты моя богиня! — отвечал Владимир Васильевич.

Весь охваченный дрожью, он схватил рюмку и залпом ее прикончил. Наталья Васильевна лишь брезгливо помор-щилась.

— Этот чертов охотник за привидениями заложит нас ментовке! — яростным шепотом проговорил экскурсовод, вращая вытаращенными глазами.

— Гос-споди... — только и могла ответить на такое Ната-лья Васильевна.

— Нет? Не заложит? — с надеждой в голосе спросил экс-курсовод.

— Ну подумай сам своей дурацкой башкой! — сказала

ему вожатая и постучала себя по лбу. — Ну пойдет этот мальчик в ментовку. И что он там скажет? Что Наталья Васильевна Гронохова косит под привидение? Да кто ему поверит!.. Будто она всех пугает? А-а-а! — как бы набросилась на Владимира Васильевича Наталья Васильевна, демонстрируя, как она всех якобы пугает. — Брось, Володя, это смешно.

— Да? Не поверит?

— Посуди сам. Суеверные люди слагают об этом замке легенды. У всех воображение воспалено до предела. А тут приходит какой-то пацан и начинает плести небылицы. Что, по-твоему, о нем подумают?

— Умнейшая женщина! Просто богиня! — умиленно прошептал Владимир Васильевич и с жаром припал губами к ручке Натальи Васильевны.

— Конечно, богиня. Ты пошевели своими куриными мозгами. Вокруг только и разговоров что об этом привидении. Одни на самом деле его видели, потому что я им в этом помогла; другим только кажется, потому как люди и в двадцать первом веке по-прежнему темны и суеверны. Кто поверит какому-то сопляку? Да если хочешь знать, он сам себе вскорости перестанет верить!

— Умница, а не женщина! Но послушай, Наталья! А если он обо всем расскажет директору?

— Невелика беда. Наш Никодим Никифорович — лопух, а не директор. Я в два счета вокруг пальца его обведу. Во-первых, у меня алиби: девочки из первого отряда подтвердят, что в это время я была с ними. А во-вторых, я кое-что придумала.

Наталья Васильевна махнула Владимиру Васильевичу, чтобы он к ней приблизился, глянула по сторонам и зашептала ему что-то на ухо. Владимир Васильевич слушал вначале с видом весьма сосредоточенным, потом, когда смысл услышанного для него немного прояснился, губы его растянулись в гнусной ухмылке, и он начал злорадно хихикать.

— Тогда и директор будет думать, что из-за слухов людям мерещится чертовщина, — сказала Наталья Васильевна. — Поверит ли он после этого мальчишке?

— Какая женщина! — восхищенно покачал головой Владимир Васильевич. — Плесни мне еще немного.

— Обойдешься, пьяница несчастный!

А теперь вернемся к Евгению. Как мы уже сказали, он рассматривал потолок и предавался тягостным раздумьям. Женья не сомневался в том, что видел именно Наталью Васильевну и что эта самая Наталья Васильевна двинула ему со всей силы в зубы. Кулачок у нее, конечно, женский, но губа у мальчика все равно припухла. И вообще, что это за манера такая у людей: чуть что — сразу по лицу! Стукнуть живого человека по столь уязвимой части тела! Небось среди призраков такого не водится.

Но самым худшим мальчику представлялось другое, не то, что Наталья Васильевна дерется, как какой-нибудь грузчик.

Что теперь делать? Вот в чем был вопрос! Рассказывать ли кому-нибудь об увиденном? Если да, то кому? Пожалуй, Варе он точно ничего не расскажет. Ведь она считает его храбрым человеком и, чего доброго, подумает, что ему тоже привиделись ужасы.

Одно Женья знал наверняка: самой Наталье Васильевне он ничего не скажет и даже будет избегать встречи с нею. А все потому, что ему было очень стыдно, но не за себя, а за старшую вожатую. Как теперь этой женщине в глаза смотреть, раз она такое вытворяет? И для чего ей это все нужно?

Однако Наталья Васильевна сама пришла к мальчику после тихого часа. Женья заправлял кровать, когда за его спиной кто-то захлопнул дверь. Он резко обернулся...

Возле двери стояла ОНА! И взгляд ЕЕ... в смысле Натальи Васильевны... устремленный на Филипчика, был очень нехорошим, так что у мальчика в какое-то мгновение даже мурашки по телу забегали: а вдруг это все-таки призрак?

Или того хуже — ведьма?! Он совсем не знал, что следует сказать. А между тем сказать что-то не мешало бы, потому как Наталья Васильевна упорно молчала, просверливая мальчика своим острым взглядом.

Вдруг вожатая направилась в его сторону, приближаясь медленно, но неотвратно. Она подошла к Жене совсем близко и презрительно усмехнулась.

— Что, Филипчик, опять с Денисовым подрался?

Женя отвечал хриплым голосом: мол, нет, мы не дрались.

— Отчего же тогда у тебя губа разбита? — насмешливо спросила Наталья Васильевна. — Кто тебе так славно вмазал?

Мальчик промолчал, всем своим видом выражая достоинство.

— Смотри у меня, Филипчик. Еще одна драка... или если я узнаю, что ты самовольно покидаешь территорию лагеря... пулей вылетишь отсюда! — Наталья Васильевна подошла к мальчику близко-близко и прошептала с угрозой в голосе: — Я здесь главная, а не директор. Ты понял меня?.. Я спрашиваю: ты меня понял?

Но Женя все равно молчал, глядя на вожатую очень серьезными глазами. Тогда она произнесла утвердительно:

— Ты понял меня.

И, посмеиваясь, вышла вон.

А тем временем между Варей и Олесей также происходил нелестный разговор. Варя первой подошла к подружке и сказала с невинным видом:

— Ах, Олесечка, как хорошо ты сделала, что не пошла с Филипчиком на экскурсию!

— Конечно, хорошо, — отвечала Олеся, поначалу ничего не подозревая. — Я ведь говорила тебе, что, если схожу, буду потом бояться.

— Да, Олесечка, ты очень дальновидная. А вот я сходила, — тяжело вздохнула Цветкова. — Имела такую неосторожность. И что ты думаешь? Филипчик совсем не давал

мне слушать экскурсовода. Он мне мешал! А ведь экскурсия была очень интересной.

Олеся нахмурилась. Как! Филипчик ходил с Цветковой в Гольшанский замок?

— И что же он делал такого, что мешал? — спросила Алантьева.

— Да ничего особенного. Он просто не сводил с меня глаз! И это, признаться, отвлекало. А еще он шептал мне на ушко: «Ах, Варечка, ты такая храбрая девочка! Ты совсем не боишься привидений! Мне это в тебе ужасно нравится!» А я ему говорю: «Женя, ты мешаешь слушать экскурсовода». А он все равно: «Варечка, ты такая красивая девочка!»

Алантьева сорвалась с места и сперва помчалась куда глаза глядят. Но тотчас же прибежала обратно и проговорила довольно жестко:

— Ты покинула территорию лагеря. Если это повторится, пеняй на себя.

После этого она отправилась на поиски Филипчика, чтобы сказать ему то же самое. А Варя, глядя ей вслед, с удовлетворением произнесла: «Йес!»

Глава VII

ТАЙНОЕ ПОСТЕПЕННО СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Олеся молча схватила Филипчика за руку и с решительным видом повела его в укромное место. Там она поставила мальчика перед собой и, глядя на него в упор, сказала:

— Я знаю, что ты ходил на экскурсию с этой Цветковой! Ты же говорил, что в ней ни черта нет!

— Разве я такое говорил? — опешил Филипчик.

— Коротка же у тебя память! Да ты мне просто клялся в этом!

— Не может быть.

— Ну знаешь, дорогой мой! Я еще не сошла с ума! Короче, так. Говорю с тобой как командир третьего отряда. Еще раз увижу тебя с Цветковой, сразу доложу Никодиму Никифоровичу о твоих ночных похождениях.

— Но мы с ней ходили в замок днем.

— Тем более. Вокруг полным-полно взрослых, а они через забор — и готово дело.

— Послушай, Олеся. Ты не горячись, — тоном здравомыслящего человека проговорил Филипчик. — Рассуди: если ты расскажешь Никодиму Никифоровичу о том, что я с ней ходил в замок днем, то она расскажет, что я ходил в этот замок также и с тобой, но уже ночью. Понимаешь меня?

Олеся сузила глазки и поджала губки, давая тем самым понять, что железная логика Филипчика ее не смутила. Однако она ничего не смогла возразить. Помолчав какое-то время, девочка полюбопытствовала:

— Ну и как, тебе с ней было интересно?

— Я тебе так, Олеся, скажу: мне было очень интересно, но не потому, что я с Варей ходил, а потому, что Гольшанский замок — это суперкласс!

— В таком случае, ты должен и меня сводить.

— А у меня денег больше нет, — попытался схитрить Женья.

— Ничего. Займешь у кого-нибудь.

— Ты знаешь, если честно, мне не очень хотелось бы опять туда идти.

— Почему? Ты же говоришь, что там интересно.

— Да, конечно! Там очень интересно! Но понимаешь, Олеся... Ну как тебе объяснить?... Короче, могу сказать одно: чего мне второй раз туда идти? Я уже все видел.

— Может быть, ты боишься привидения?

— Вот еще! Как ты могла обо мне такое подумать!

— А что я, по-твоему, должна думать? Нет, я прекрасно вижу, что ты боишься.

— Да ты сама боишься! Между прочим, мне Варя говори-

ла: мальчишке всегда приятнее ходить в замок с девчонкой, которая ничего не боится. Что ж, потому что она девчонка, ей виднее.

— Ах, вот как! В таком случае заявляю тебе: я тоже ничего не боюсь! И если ты не сводишь меня на экскурсию, я буду считать, что ты просто трусил. И еще я пойду и обо всем расскажу — Наталье Васильевне, а не директору. Потому что Никодим Никифорович слишком добренький. А Наталья Васильевна — начальница будь здоров какая! Она всыпет тебе с твоей Цветковой по первое число! А что я с тобой ночью ходила к замку, так это никто не докажет. Ты же не станешь меня выдавать. Ведь не станешь?

— Нет, Олеся, конечно, не стану!

— Ну вот. Так что даю тебе сутки на размышление. Не поведешь меня в замок — пеняйте на себя. Оба!

Девочка повернулась и пошла. Женя бросился ее догонять.

— Послушай, Олеся! Я не могу вести тебя в замок. Я больше никого туда не поведу. А знаешь почему? Слушай, я тебе сейчас все расскажу. Со мной такое было!.. Только ты должна пообещать, что никому ничего не расскажешь. Обещаешь?

— Конечно! Разве я похожа на болтливую девчонку?

— Ясное дело, нет! Иначе тебя не выбрали бы командиром.

Далее Олеся услышала действительно сногшибательные новости. В такое трудно было поверить! Она дважды переспросила у Жени, не обознался ли он, не померещилось ли ему такое с перепугу. Но Филипчик божился и клялся ей с такой убедительностью, что девочка поверила, и теперь ей оставалось только ахать от изумления.

— Неужели она посмела тебя ударить?! Какая жестокая женщина! На ребенка руку подняла!

Итак, тайна Гольшанского замка, похоже, была раскрыта.

Зато теперь у Олеси появилась новая тайна, о которой знали только она и Женя. А Цветкова об этом не знала! Отправляясь в клуб по своим командирским делам и размышляя над обстоятельствами невероятных событий, Олеся произнесла: «Йес!»

В клубе старшая вожатая проводила собрание с командирами отрядов. Когда очередь дошла до третьего отряда, то, ни о чем не догадываясь, Наталья Васильевна велела Алантьевой обратить внимание на дисциплину Жени Филипчика. Поступил сигнал, говорила старшая вожатая, что Филипчик самовольно покидал территорию лагеря и болтался невесть где.

— С Виктором Ивановичем у меня уже был разговор на этот счет. Но и ты проследи за мальчишкой. Заметишь, что его нет, — сразу мне доложишь. Ты меня хорошо поняла?

— Да, Наталья Васильевна, — отвечала Олеся, глядя на эту коварную женщину своими ясными голубыми глазами.

Госпожа Гронохова занялась вторым отрядом; Олеся продолжила размышлять. Очень хорошо, что у нее все-таки есть преимущество перед Цветковой, и даже не одно, а целых два! Во-первых, она командир и поэтому может по-своему влиять на Филипчика. Во-вторых, у нее с Женей есть общая тайна — привидение Гольшанского замка по имени Наталья Васильевна; а у Цветковой такой тайны нет. Ничего, думала Олеся, в конце концов будет так, что Женя отвернется от этой Варьки, не менее коварной, чем сама Наталья Васильевна. «Посмотрим, Варечка, кто кого», — усмехнулась про себя Алантьева. И еще она решила, что завтра надо обязательно сходить с мальчиком на экскурсию и самой глянуть хоть одним глазком на знаменитое привидение Гольшанского замка. То-то они с Женей повеселятся!

А Цветкова опять же — нет.

Закончив совещание, старшая вожатая отпустила своих командиров и еще раз напомнила Олесе, что та должна проследить за Филипчиком.

— Можете не беспокоиться, — с достоинством отвечала Олеся, вкладывая в эти слова несколько иной смысл, чем хотела бы госпожа Гронохова.

Первым делом Олеся проверила, на месте ли Филипчик. Женя был на месте. Тогда она присоединилась к водителю Виктору Ивановичу, который собирался с ребятами на речку. Олеся стала во главе отряда, построенного в колонну по трое, и бодро повела всех купаться. Ей было радостно на душе, и шаг ее был твердым. Девочка знала, что делает. Отряд затянул песню, и громче всех распевала Алантьева.

Вскоре мальчишки и девчонки с визгом ринулись в реку — наступили самые долгожданные для детей мгновения. Как и все, Олеся плавала, брызгалась, кувыркалась, смеялась, визжала, и сердце ее было переполнено счастьем. Но тут к ней подплыла Цветкова, встала на ноги, потому как ребята купались в том месте, где вода доходила им от силы до плеч, и произнесла ласковым голосом:

— Красивый у тебя купальник, Олеся.

Ничем особенным купальник Алантьевой не выделялся, был не хуже и не лучше, чем у других девочек, и слова Цветковой прозвучали с плохо скрытой издевкой. Тем более что у нее самой купальник был действительно великолепный. Однако Олеся сохраняла достоинство.

— Я бы тебя попросила, дорогая моя, держаться от меня подальше, — сказала она и отвернулась.

— Что ты, Олесечка! — раздалось у нее за спиной. — Я хотела сделать тебе приятное. А то Филипчик только на мой купальник и обращает внимание, а на твой нет. Женя сразу сказал, как только мы разделись: «Ах, Варя, какой у тебя классный купальник!» Мне тебя стало так жалко.

Олеся задержалась на миг, потом повернулась и, разгребая воду руками, быстро приблизилась к Цветковой.

— Хочешь, я тебя утоплю? — проговорила она, готовая расцарапать Варю лицо.

— Ну конечно, нет, Олеся. — Голос Цветковой по-преж-

нему был мягким и спокойным. — Иначе тебя посадят в тюрьму, а я не желаю тебе плохого.

Алантьева пристально посмотрела ей в лицо. Где-то в глубине Вариных глаз пряталась жестокая насмешка, в этом нечего было сомневаться.

— Ты врешь, что Филиппчик хвалил твой купальник, — сказала Олеся.

— Вовсе нет! Можем подойти к нему и спросить.

И снова недолгая, но острая дуэль, когда глаза в глаза, а в душе — вулкан.

Олеся первой отвела взгляд и глянула в сторону Филиппчика: было мгновение, когда над водой торчала его голова, но в следующий миг там виднелись одни лишь ноги. «А вдруг и в самом деле хвалил?» — с тревогой подумала девочка.

— Ну и радуйся, — буркнула Олеся и снова отвернулась.

Она первой вылезла из воды и, расстроенная, уселась на песке. Но потом, когда немного успокоилась, рассудила, что едва ли Женя хвалил этот дурацкий купальник. «Тут ты, Варечка, переигрываешь», — думала она.

Но, может быть, все-таки хвалил? Олеся решила так: нечего себя терзать — хвалил, не хвалил, — надо нанести Цветковой ответный удар!

Через некоторое время, когда ребята вылезли из воды и обсохли, Олеся отозвала Варю в сторонку.

— Извини, что я так... ну насчет того, чтобы тебя утопить.

Голос и весь вид командира были на удивление беззаботными, и Варя тотчас насторожилась, почувствовав опасность.

— У тебя действительно самый красивый купальник, — продолжала Олеся, — но дело не в этом. Слушай, Варя. Есть одна новость. Ты просто упадешь и не встанешь. Но ты должна пообещать, что никому ничего не скажешь.

— Ну?

— Что — ну?

— Ну говори, какая новость?

— Ты, Варечка, не нукай, а вначале слово дай.

— А зачем тебе надо, чтобы я знала про твою новость?

— Во-первых, это не моя новость, а Женина. Он кое-что видел, когда вы в замок ходили. Просто тебе ничего не сказал. А во-вторых, ты права: мне это совсем не надо. Я думала как подружке тебе рассказать, но если не хочешь... Ладно, проехали.

С невозмутимым видом Олеся отошла от Вари, но та забежала вперед.

— А почему он тебе рассказал, а мне — нет?

— Признаться, для меня это тоже загадка. Он ведь на твой купальник внимание обратил, а не на мой.

Пожав плечами, Олеся обошла соперницу и двинулась дальше. Варя опять забежала вперед.

— Ладно, даю тебе слово.

— Во-первых, так слово не дают. Во-вторых, мне кажется, я погорячилась. Ведь я сама дала слово Жене, что никому ничего не скажу. И чуть было не проболталась. Так что извини.

— Да ладно тебе, Олеся! Что ты заладила: во-первых, во-вторых!.. Слушай: я тебе сейчас слово дам. Олеся! — торжественно произнесла Варя. — Я обещаю, что никому ничего не скажу насчет того, что ты сейчас сама мне скажешь!

— Во-первых, Варя, я буду всегда говорить так, как мне нравится. А мне нравится говорить «во-первых», «во-вторых» и даже «в-третьих». Так вот, во-вторых. Слово «обещаю» не годится. Оно слишком слабое. И в-третьих. Я все-таки не решаюсь нарушить свое обещание... Нет, не могу.

— Олесечка, ну постой! Ну пожалуйста! — Варя почти бежала следом за Олесей. — Ты не можешь бросить меня и уйти! Это было бы очень жестоко с твоей стороны! Ты послушай, как я сейчас буду клясться!

Олеся остановилась:

— Ну?

— Сейчас... — Варя сосредоточилась и заговорила про-
никновенно, с большим чувством: — Клянусь тебе, Олеся,
что никогда никому ничего не скажу насчет того, что сей-
час от тебя услышу! Клянусь!.. Ну как?

Алантьева подумала немного и сказала:

— Поклянись своим здоровьем.

— Здоровьем? — испуганно переспросила Цветкова.

Однако делать было нечего. И Варя снова начала гово-
рить торжественно:

— Клянусь тебе, Олеся, своим...

— Постой! — внезапно вскричала Алантьева. — Не надо,
Варя, своим здоровьем клясться. Это все-таки опасно. Ни-
ко-гда не клянись своим здоровьем, если что-то обещаешь.

— Да-а, пожалуй, ты права. Ой, а что же делать? Я уже
почти произнесла это слово!

— Что делать? — Олеся посмотрела вокруг, и взгляд ее
упал на высокую сосну. — Иди за мной.

Девочки подошли к сосне, и Олеся объяснила подружке,
что обычно делается в подобных случаях.

Варя трижды поплевала через левое плечо и трижды по-
стучала по стволу высокого дерева. Потом дважды повтори-
ла эту процедуру, с тем чтобы в сумме получилось три раза.
Затем то же самое проделала Олеся — на всякий случай.

В итоге тайна Гольшанского замка перестала быть тако-
вой и для Вари Цветковой.

Глава VIII

ЗА ДЕЛО БЕРЕТСЯ ВЛАД ДЕНИСОВ

Но для чего? Для чего Наталье Васильевне понадоби-
лось изображать из-за себя привидение? Вот что хо-
телось бы все-таки знать. Это был самый главный и
самый естественный вопрос, который мог бы и должен был
возникнуть у всех, кто раскрыл бы тайну Гольшанского

замка. У Жени он возник, а вот у Олеси — нет. Так полагал Филиппчик, видя, в какой восторг привело Олесю известие о том, что Наталья Васильевна прикидывается привидением: Алантьевой тоже хотелось увидеть старшую вожатую в облике призрака, чтобы классно повеселиться.

— Да она теперь не скоро появится в замке, — пытался Филиппчик отговорить девочку. — Если вообще появится. Она теперь напугана.

— Во-первых, никто и ничто на этом свете не может испугать Наталью Васильевну, — отвечала рассудительная Алантьева, которая недаром была командиром отряда. — Это она кого хочешь испугает, если ей дорогу перейти. Во-вторых, она обязательно появится в замке в самое ближайшее время, потому что этого хотят туристы.

— Ну и что из того, что они этого хотят?

— Ты что, ничего не понимаешь?

— Не-ет.

— Ну ты даешь, Женя! Я думала, ты более догадливый. Если бы в замке были только исторические ценности, то в него бы не стремилось столько народу. Но все вокруг знают, что там обитает привидение, поэтому недостатка в туристах нет. Теперь понимаешь?

Женя задумался, прищутив глаза. А потом сказал:

— Все равно не понимаю. Зачем это надо Наталье Васильевне?

— Ты хочешь спросить, какую выгоду она имеет? Я думаю, что ее выгода — процент от прибыли. И хороший процент, потому что за копейки Наталья Васильевна придуриваться не станет. Не такой она человек.

— Олесья! — вскричал пораженный Филиппчик.

— Я здесь, чего ты кричишь?

— Извини. Но тогда получается, что она с кем-то заодно! Точно тебе говорю! Она должна состоять с кем-то в сговоре!

— Отлично, молодой человек, вы делаете успехи. И кто же, по-вашему, этот кто-то?

— Так это же... Боже мой! — схватился Филипчик за голову. — Как же я сразу не догадался! Это же Владимир Васильевич!

— Что и требовалось доказать.

Олеся от души поздравила мальчика за то, что он вполне может соображать, когда захочет.

— Ой, Женя! Я просто умираю, так хочется посмотреть, как эта парочка разыгрывает спектакль. Ты не можешь не сводить меня в замок.

А тем временем Варя искала человека, которому можно было бы рассказать о неслыханных вещах, происходящих в Гольшанском замке, да и в лагере тоже. Вначале она перелопачивала имена нескольких девочек, потом нескольких мальчиков и наконец пришла к выводу, что лучшей кандидатуры, чем Владик Денисов, ей не найти. У нее и в мыслях не было придержать язычок, чтобы остаться верной своей клятве. Но не будем строго судить эту девочку. Похоронить в самой себе такую потрясающую новость? Нет, это невозможно. Хорошо еще, что Варя не поклялась своим здоровьем! Все-таки надо отдать должное мудрости командира отряда.

Владик внимательно выслушал Варю с видом совершенно невозмутимым, так что поначалу невозможно было понять, какие думы бродят в его голове в связи с услышанным и бродят ли вообще. Однако очень скоро все встало на свои места.

Денисов посмотрел на девочку очень хитрыми глазами. Губы его тронула легкая, но чрезвычайно выразительная усмешка. Варя не сомневалась, что у него родился план. Влад проговорил в задумчивости:

— Хорошую новость ты мне сообщила. — Он немного помолчал и спросил на всякий случай: — Кто еще об этом знает, кроме Алантьевой и Филипчика?

— Думаю, что больше никто. Если только Олеся не успела кому-нибудь проболтаться.

— Эти двое меня не очень волнуют. Они лопухи. Олесья, конечно, может проговориться... Но скорее это сделаешь ты.

— Кто, я?! — с нарочитым негодованием переспросила Варя.

А потом взяла и помахала рукой перед лицом Владика, чтобы он вернулся к ней из своего воображаемого далека. Мальчик вздрогнул, после чего и впрямь возвратился к действительности.

— Если ты умная девочка, то никому больше ничего не скажешь, — произнес он странные слова, дающие пищу для разного рода догадок, а затем повернулся и пошел своей дорогой.

Такой поворот дела Цветкову, естественно, не устраивал.

— Нет, постой! Ты должен сказать мне, что ты задумал.

— Абсолютно ничего.

— Как же, ничего! — отвечала Варя, быстро шагая рядом с Владиком. — Почему тогда я должна держать язык за зубами?

— Потому что ты дала клятву.

— Чушь собачья, вот что это такое. И я знаю, что ты задумал.

Владик остановился, украдкой глянул по сторонам.

— И что же я задумал, интересно узнать?

— Ты хочешь потребовать от Натальи Васильевны денег! За твоё молчание!

— Ты считаешь, я на такое способен?

— Ой, Денисов, только не надо меня за дурочку держать.

— Ладно, не буду. Сколько ты просишь?

— Пятьдесят процентов!

— Свести у тебя нет, Цветкова. Я же буду вести дело, а не ты.

— Могу и я.

— Нет, Варя, это неразумно. Не в том смысле, что ты глупая. Наоборот, ты очень умная, даже чересчур. Но Наталья Васильевна должна думать, что об этом знают только Фи-

липчик и я. Потому что я — друг Филипчика. А ты здесь каким боком? Этак Наталья Васильевна посчитает, что в курсе уже весь лагерь и что платить за молчание незачем.

— Логично. Хвалю тебя.

— Я тебя тоже хвалю. У тебя бульдожья хватка, я таких уважаю.

— Сам ты бульдог! — обиделась Варя и сказала в сердцах: — Придурок!

— Я ж тебя похвалил, дурочка.

— В общем, так, умник. Сколько ты будешь просить?

— Пятьсот рублей!

— Мало. Они бабки, знаешь, какие гребут!

— Почему — они? А, да-а, точно! Но кто ее сообщник? А, экскурсовод!

— Я об этом уже давно догадалась!

— Серьезно? Нет, Варя, я тебя в самом деле уважаю. Из тебя должна выйти умнейшая женщина. Ты и с виду очень даже ничего. А точнее, просто красавица.

— Не подлизывайся, не поможет. Итого, дорогой мой. Завтра вечером ты даешь мне тысячу рублей. В противном случае я пойду к Наталье Васильевне.

С этими словами, а также с красивой ровной спиной и немного вздернутым носиком Варя пошла по аллее. Опешивший Денисов некоторое время смотрел ей вслед, а потом крикнул:

— Побойся бога, Цветкова!

— Я все сказала, — ледяным голосом бросила через плечо девочка.

Итак, на следующий день Женя должен был вести Олесю на экскурсию, с тем чтобы командир отряда не только расширила свой кругозор, но и развлеклась, увидев старшую вожатую в облике привидения, а также взрослых людей, которые будут принимать этот спектакль за чистую монету. Женя даже усмехнулся, подумав, что поведение туристов еще смешнее, чем фокусы Натальи Васильевны.

Однако мальчик прекрасно понимал, что, если завтра они с Олесей не увидят привидение по фамилии Гронохова, ему придется вести командира в замок и послезавтра, и послепослезавтра — до тех пор, пока не объявится эта великая актриса. Но и после того, как она объявится, еще неизвестно, что взбредет на ум Алантьевой! В общем, надо было придумать что-нибудь такое, чтобы отговорить Олесю идти в замок.

И тогда Женя подумал: а не пойти ли самому к Наталье Васильевне и не потребовать, чтобы она прекратила безобразничать? Но тут же отбросил эту мысль. У него на такой отважный поступок духа не хватит.

Но, может быть, попросить это сделать Олесю? Нет, так тоже нехорошо получается. Женя отчетливо представлял себе, как девочка подбоchenится и скажет насмешливо: «Вечно эти мужчины за женские спины прячутся!» (Она уже дважды такое произносила, насмехаясь над мальчишками, которые были не слишком активными в лагерной жизни.)

Предаваясь своим размышлениям, Женя проходил мимо столовой и увидел Елену Александровну, шеф-повара лагеря «Сокол». И тут мальчик подумал: интересно, а зачем Наталье Васильевне понадобилось пугать повариху? А жителей Замосточья — зачем? А сторожей замка? Ведь иначе получается, что все это — суеверие и слабование взрослых людей! И мальчик направил стопы к шеф-повару.

— Скажите, пожалуйста, Елена Александровна, а почему все вокруг только и говорят что о привидении Гольшанского замка? Разве привидения существуют?

— Ох, Женечка, — ответила добрая женщина, — уж и не знаю, что тебе сказать.

— Наверное, это все предрассудки и суеверие?

— Предрассудки, Женечка, предрассудки. И суеверие тоже. А как же! Только все равно страшно.

— А правда, что вы видели Белую Даму?

Мгновенно испугавшись, Елена Александровна быстро глянула по сторонам и зашептала:

— Кто тебе об этом сказал?

— Честное слово, никто! Но я случайно подслушал разговор двух человек. Вы не могли бы рассказать, как это было?

— А зачем тебе знать?

— Видите ли... Мне хотелось бы взглянуть на это привидение.

— Господь с тобой, мальчик!

Елена Александровна еще раз оглянулась вокруг, потом схватила Филиппчика за руку и потащила в столовую.

Здесь она завела его в свой кабинет и заперла за собой дверь на ключ. А перед этим еще раз удостоверилась в том, что их никто не видел. Елена Александровна усадила Женю на стул, сама села за свой шеф-поварский стол; и так как в ее маленьком кабинете без окон горела одна лишь настольная лампа, лицо женщины преобразилось: благодаря игре света и тени оно вызывало трепет. Слегка выпучив глаза, повариха заговорила тихо, но со страстью и ужасом в голосе:

— Я видела такое, мальчик, что тебе даже и не снилось никогда! Привидение Гольшанского замка существует! Я видела его так же близко и отчетливо, как вижу тебя!

Ее убежденность в том, что она говорила, была столь велика, что Женя и сам на миг поверил в это, отчего будто тысяча иголок прокололи его кожу по всему телу.

— Обещаешь ли ты хранить тайну? — страшным шепотом спросила Елена Александровна.

— Клянусь! — торжественно отвечал Филиппчик.

— Тогда слушай! Однажды я хотела уехать в город вечерним автобусом. Было уже совсем темно, когда я вышла на дорогу и направилась к остановке. Взошла я на пригорок и увидела, что никого из людей на ней еще нет. Странно, подумалось мне. Ведь автобус должен прийти через десять ми-

нут. Но я продолжала идти, ни о чем не подозревая. А справа возвышался Гольшанский замок! А я иду себе и иду. Замок все ближе и ближе... Только в одном окошке на первом этаже горел свет. То была комната сторожей. И вот я приблизилась к аллее, которая ведет к парадному входу в музей. Я как-то случайно повернула голову... потому что не собиралась ее поворачивать... короче, посмотрела я направо... Господи боже мой, что это!.. Я даже немного от страха... Ну, ты понимаешь... Но тут ничего смешного нет, потому что на самом деле это очень страшно!

— А я совсем не смеюсь, Елена Александровна!

— Да, Женечка, спасибо тебе! Это действительно ужасно! Потому что я все видела собственными глазами, так что померещиться мне никак не могло. А было вот что... В окне на втором этаже — как раз над той комнатой, где сидели сторожа, — появился вначале огонек. Он быстро приближался. И вот я вижу в окне совсем даже не огонек... а прозрачную женщину! Мало того! Женщина выплыла из окна наружу и зависла над землей! Я хотела закричать, но голос не слушается меня, и я только мычу как сумасшедшая. А женщина плывет ко мне и руки протягивает, будто о помощи просит. И вся такая несчастная... и прозрачная. Полностью прозрачная, Женечка, потому что это был настоящий призрак. И сомневаться даже нечего... Но я все-таки пересилила себя и как заору! Привидение вмиг исчезло. Тут я еще подумала, что, может быть, мне показалось. Первый и последний раз об этом подумала. Потом я услышала, как сторожа говорят, окно у них раскрыто было. Ага, думаю, подойду-ка я к мужикам. Подошла. Хотела сразу спросить, как им тут работается. Однако услышала, о чем они говорят, — и оторопь меня взяла. Один говорит: «Во, во, слышишь? Опять шаги!» Другой отвечает, шепотом таким... от которого мороз по коже: «Ну ее к черту, эту работу. Завтра же уволюсь отсюда». А первый ему: «Ну что, пойдем посмотрим, кто там бродит?» — «Иди, если тебе охота. А я из

комнаты ни ногой». — «Ладно. Раз такое дело, я тоже здесь посижу». — «И правильно. Утром посмотрим, что там и к чему. Слышь, закрыл бы ты окошко, что ли». Ну, я как это услышала, сразу в сторону — шасть! А тогда передо мной — другое окошко, темное. Тот мужик подошел, окошко прикрыл. Я уже хотела повернуться — и скорым шагом да на остановочку, к автобусу, к людям поближе. И вдруг!.. Ой, Женечка, мальчик ты мой хороший!

Елена Александровна даже руками всплеснула и головой качачала. После чего продолжила:

— И вдруг в этом самом окне, которое прямо перед моим носом, выплывает из тьмы лицо черта! И глаза его так и вперились в меня!.. Я осела, как простреленная врагом, и даже пикнуть не смогла. Меня словно околдовали! Сползла вниз, спиной прислонилась к стене — сижу и вижу, как далеко впереди автобус остановился, из него вышли паратройка человечков — и бегом в сторону Замосточья. А навстречу им бегут другие человечки — те, которые хотят в город уехать. Им-то не надо мимо замка идти, он только вдали будет маячить... Вот какие дела со мной были, дорогой мой мальчик. Уж и не знаю, откуда во мне силы появились, только вскочила я — и бегом за этими, замосточинскими, потому как автобус быстро уехал. А в нужном месте в лагерь свернула. Так что, Женечка, Белая Дама существует, это я тебе точно говорю. Но не советую, ох, не советую за нею охотиться! Потому как в замке том еще и черти водятся!

— Вы кому-нибудь рассказывали об этом случае?

— Конечно! Чтобы такое в себе схоронить? Да боже упаси! Многим рассказывала... А Наталье Васильевне так даже посоветовала не ехать в город вечерним автобусом! И она меня послушалась, потому что женщина весьма благоразумная.

В это время «благоразумная женщина» пронзала своим острым ненавидящим взглядом дерзкого мальчика, который сидел перед нею в кресле и вел себя вежливо, но уве-

ренно. Таких людей, как она сама, Наталья Васильевна вначале ненавидела, потому что они были ее врагами, а потом, если ей не удавалось одержать над ними победу, начинала их уважать. Всех прочих она просто презирала, ибо таковые, по ее глубокому убеждению, «не умели жить». Например, в ее представлении Владик Денисов, который, собственно, и сидел в данную минуту перед нею, вежливо и одновременно нагло улыбаясь, «жить умел», а вот Женя Филиппчик — нет.

— Вы понимаете, Наталья Васильевна, что с Женей мы друзья, поэтому он мне все рассказал, — говорил спокойным тоном Денисов. — Больше о том, что происходит в Гольшанском замке, не знает никто. Кроме вас с Владимиром Васильевичем, разумеется. Так что решайтесь.

— Владик, дорогой мой, — с такой же улыбкой и так же вежливо отвечала Наталья Васильевна, — ты не боишься, что тебя могут заставить молчать без всяких денег?

— Не боюсь. Другого способа, кроме как заплатить за мое молчание, нет.

— Способ всегда найдется. Тебя могут задушить в лесу или отравить.

У Натальи Васильевны ни один волосок не шевельнулся и ни один мускул не дрогнул, когда она с очаровательной улыбкой такое говорила.

— Это меня не пугает. Вам пришлось бы убивать двух мальчиков, а не одного. Нет, на такое вы не пойдете.

Взгляды врагов встретились, и каждый прочел в них свое. Влад увидел, что вероятность убийства хоть и ничтожная, но существует; однако нисколько не оробел. Наталья Васильевна поняла, что мальчик готов идти до конца.

— Ну что ж, — нарушила она молчание, — убивать тебя, наверное, действительно не станут. Хотя... я ведь еще не говорила со своими друзьями насчет твоего предложения. Итак, какую сумму ты просишь?

— Сто долларов, Наталья Васильевна. Это более чем по-божески, и торговаться я не стану.

— Хорошо. Тебе придется подождать до завтрашнего утра. Раньше я физически не смогу найти эти деньги.

И Наталья Васильевна улыбнулась мальчику весьма и весьма двусмысленно: может, деньги буду искать, а может, и киллера.

— Жду до девяти часов. В одну минуту десятого иду к Никодиму Никифоровичу, и мы с ним звоним куда следует.

Сказав это, Влад Денисов встал со стула и тоже улыбнулся Наталье Васильевне — если и не двусмысленно, то уж наверняка нагловатого.

Глава IX

КРИКИ В НОЧИ

Никодима Никифоровича хлебом не корми — дай только составить отчет для начальства или поприсутствовать на каком-нибудь совещании, послушать докладчика, похлопать в ладоши и наконец вместе со всеми проголосовать. Это самые приятные минуты в его жизни. У Никодима Никифоровича есть фотография, которую он просто обожает и хранит очень бережно. На ней запечатлен зал заседаний: ряды кресел, а в них — мужчины и женщины с поднятыми руками, по большей части правыми; и среди прочих — Никодим Никифорович, у которого самое одухотворенное лицо.

Один раз директор лагеря «Сокол» даже читал доклад с высокой трибуны! Делился опытом со своими коллегами. Это было в прошлом году, и Никодим Никифорович готовился целую неделю. Зато сколько потом было радости, когда он собрал вещи в новенький чемодан и поехал на поезде в другой город, где проводилось это крупнейшее в жизни

Никодима Никифоровича совещание! То были мгновения истинного счастья и наслаждения.

Назавтра Иван Петрович собирал директоров детских лагерей, чтобы прочесть им свой доклад, кое-кого поругать, кое-кого похвалить и отпустить всех с миром. Никодим Никифорович надеялся, что Иван Петрович не забудет отметить добрым словом и его в числе других руководителей. Ведь обычно так оно и бывало. И вот теперь директор «Сокола», мурлыча себе под нос различные песенки, собирал свой замечательный портфельчик и пребывал в прекраснейшем расположении духа.

В это время Наталья Васильевна говорила по телефону со своим сообщником, поглядывая из окна клуба в сторону директорского домика. На этой коварной, но стройной женщине были надеты джинсы и курточка, а поблизости находился рюкзак, в котором было сложено одеяние призрака — то есть костюм Белой Дамы.

— Наталья! — говорил взволнованный Владимир Васильевич. — Ты смотри не переиграй! Он ничего не должен заподозрить!

— Недоиграть тоже нельзя, — возразила дружку Наталья Васильевна. — Его надо испугать как следует. А за меня можешь не беспокоиться: я все сделаю в лучшем виде... Нет, назавтра привидение отменяется. И ради бога, Володя, почитай книжки по Гольшанскому замку.

Она положила трубку, погасила в кабинете свет, встала возле окна и закурила сигарету. Пряча огонек в ладони, женщина посматривала на светящееся окошко Никодима Никифоровича и размышляла. А правильнее сказать — негодовала! Почему в жизни все так устроено: только твои дела пошли неплохо, как вскоре раз — и уже не очень хорошо?

Ишь чего удумал ушлый пацан! Сто долларов ему подавай! Да за такие деньги Наталья Васильевна голову оторвет

маленькому наглецу! Собственными руками! В буквальном смысле!

Ну, может, не совсем в буквальном, и тем не менее... Жадно затягиваясь, Наталья Васильевна вспоминала, как после вечерней линейки к ней подошел этот наглый Владик Денисов и спросил, облизывая пересохшие губы:

— Вы одной банкнотой дадите? Или двумя?

Мальчишка явно полагал, что дельце его обязательно выгорит; сто долларов затмили ему все на свете. Наверное, он уже предвкушал приятные ощущения от прикосновения к новенькой купюре, от прекрасной бумаги, по которой скользит подушечка пальца.

— Не знаю, — холодно отвечала Наталья Васильевна. — С тобой будет расплачиваться другой человек.

— Что за человек? Я хочу, чтобы со мной расплатились вы.

— Ага! Сейчас! — взорвалась было старшая вожатая, но сумела взять себя в руки и пошла поскорее прочь от этого места.

Денисов тоже был не промах. Он также довольно жестко бросил женщине вслед:

— Будут доллары старые, я их не возьму. А дальше — по схеме.

Вот тогда-то и почувствовала Наталья Васильевна острейшее желание подскочить к этому маленькому человеку, который уже «умел жить», и оторвать ему голову — в буквальном смысле. К счастью, она снова сдержалась.

В окошке директорского домика погас свет, и через минуту появился сам Никодим Никифорович. Он направился по центральной аллее в сторону главных ворот лагеря. Наталья Васильевна затушила в пепельнице окурки, вскинула на плечи рюкзачок и, сперва выглянув осторожно в коридор, вышла из комнаты и заперла дверь. Она спустилась вниз, быстро перебежала от здания к забору, ловко на него вскарабкалась и бесстрашно спрыгнула на землю. После чего скрылась в густых зарослях.

Когда Никодим Никифорович вышел за ворота лагеря, до отправления последнего автобуса оставалось полчаса. У директора все было рассчитано с поразительной точностью, и он намеревался прийти на остановку за минуту до прибытия из города автобуса. Никодим Никифорович посмотрит, как показавшиеся вдалеке огоньки будут быстро расти, превращаясь в такую нужную всем добропорядочным гражданам машину. Водитель высадит пассажиров, которые все как один поспешат в сторону Замосточья (потому как давно уже замечено, что жители Мишкова последний рейс из города и обратно отчего-то недолюбливают), затем развернется и предоставит директору возможность чинно и благородно войти в салон. Хорошо!

Шагая с портфельчиком по лесной дороге, Никодим Никифорович предался размышлениям, более естественным, нежели предвкушение того мгновения, когда он займет место в автобусе. Директор думал о Наталье Васильевне, а в этой связи — и о себе.

Наталья Васильевна — заместитель весьма и весьма независимый, со своей, и только со своей, точкой зрения. Другому директору такой зам наверняка пришелся бы не по душе, и он уволил бы гордую женщину. Но Никодим Никифорович — руководитель новой волны, то есть прогрессивно мыслящий, в меру строгий и всегда справедливый. Для него важнее всего — чтобы дело не страдало. А раз так, пусть Наталья Васильевна имеет свою точку зрения и больше ни с кем не считается. Лишь бы воз свой исправно тянула. А заодно и его возок, директорский, тоже пусть тянет.

А если не станет тянуть, ежели надумает брыкаться, как норовистая кобылка, вот тогда он и укротит надменную даму. Он добренький-добренький, но если понадобится... О-о! Он может быть очень, очень строгим директором! Голоса не повысит, однако рано или поздно провинившийся работник горько пожалеет о своей непокорности.

Никодим Никифорович с удовлетворением крикнул и переключился на другие, уже не столь естественные мысли — об Иване Петровиче и предстоящем завтра совещании.

Когда он вышел из лесу и увидел вдалеке конечную остановку автобуса, а справа — громаду Гольшанского замка, чья главная, самая высокая, башня вздымала к черному мрачному небу свой шпиль, мысли его и вовсе перескочили на... привидение!

Директор усмехнулся вздорным предрассудкам и суевериям, однако зябко при этом поежился. «Место здесь и впрямь глухое, — подумал он. — А между тем хорошо известно, — размышлял Никодим Никифорович, — скажи человеку, что за ним черт по пятам идет, так и будет человек вечно оглядываться: а ну как и в самом деле — черт?»

Никодим Никифорович остановился и, медленно поворачиваясь всем телом, глянул назад. На пустынной дороге никаких чертей не было.

«Так уж устроен человек, — продолжал думать директор, отмечая свою собственную образованность, — что из всех пережитков прошлого суеверия самые живучие. Скажи человеку двадцать раз «халва» — и слаще во рту не станет. Но скажи ему: «Ведьма!» Или: «Покойник!»...

Он опять замедлил шаг и вдруг резко обернулся... И снова никого не было на безлюдной дороге.

— Этого и следовало ожидать, — произнес Никодим Никифорович, теперь уже вслух.

Он увидел одинокий свет в окошке — на первом этаже главной башни. «Сторожа!» — отметил Никодим Никифорович не без удовольствия.

Внезапно этот свет отчего-то погас. И только тяжелая туча, чернее черного на темном небе, низко проплывала над шпилем башни. «Наверное, делают обход, — подумал директор о тех, кто охранял ценности Гольшанского дворца. — Однако нельзя не согласиться, что место тут довольно-таки мрачноватое... И пассажиров на остановке нет...»

Никодим Никифорович глянул на часы и немного успокоился. У тех, кого нужда гнала в город в столь поздний час, было еще достаточно времени, чтобы поспеть к последнему автобусу. Это только он, Никодим Никифорович Сенечкин, образцовый руководитель превосходного детского лагеря, все всегда делает с толком, с расстановкой, заблаговременно: на вокзал прибудет заранее, чтобы запас времени был на всякий случай; за электричество заплатит второго числа, хотя государство позволяет ему это сделать пятнадцатого. То есть вот как: первого числа каждого месяца он снимает показания счетчика, а на следующий день идет на почту, получая невыразимое удовольствие... И так далее. Тут примеров можно приводить великое множество.

А вот остальные люди по природе своей беспечны и безалаберны, потому и нет еще никого на автобусной остановке. И Никодим Никифорович снова перешел на неторопливый, степенный шаг, тогда как мгновение назад почему-то спешил.

Более того! Он даже позволил себе вольность в отношении народного суеверия и прочих предрассудков необразованных людей. Проходя мимо молодого деревца, Никодим Никифорович вспомнил: чтобы не случилось того, чего не желаешь, надо трижды поплевать через левое плечо и трижды постучать по дереву.

— А вот и не буду это делать! — громко произнес директор.

В ту же секунду из-за тучи вынырнула луна и зависла над огромным Гольшанским замком, погруженным во мрак. Никодим Никифорович, видя все это, чуть было не начал плевать через левое плечо; но дерево было уже позади. Да и не пристало как-то...

Автобусная остановка приближалась чертовски медленно, к тому же на ней по-прежнему не было ни души. Луна спряталась за тучу и снова выглянула, засветив ярко и как-то многозначительно.

— Что за черт, — пробормотал директор.

Тут он почувствовал за спиной что-то странное и замедлил шаг. Потом вовсе остановился и замер. «Скажи человеку, что призрак за ним крадется...» — прошептал Никодим Никифорович. После чего медленно обернулся...

Вдалеке, на возвышении, висела над дорогой белая женщина в светящемся одеянии и протягивала руки в мольбе.

В первую минуту у директора язык отнялся, и он лишь тихо простонал, с ужасом осознавая, как силы его оставляют; у него даже ноги в коленях подкосились, и он чуть не повалился наземь.

— Белая Дама! — выдохнул Никодим Никифорович в следующий миг.

Ни о чем больше не думая, кроме как о собственном спасении, не в силах сказать что-либо дельное самому себе — вслух ли, мысленно ли, на худой конец, — он бросился в кусты, как заяц. И молча бежал через лес, не разбирая дороги; бежал довольно долго, понимая, что пора бы уже остановиться, перевести дух, задуматься. Но нет! Он мчался, как вихрь, ловко лавируя между большими деревьями и тараня кусты. И хоть бы слово вымолвил, пока чесал с невероятной скоростью! Только портфельчик иногда к груди прижимал, а потом снова им размахивал, делая очередной рывок.

Едва Никодим Никифорович исчез, подобно миражу в пустыне, губы «призрака» расплылись в презрительной усмешке. Госпожа Гронохова хотела дальше действовать по плану: плавно двигаясь задом, сойти с того места, где дорога взбегала на пригорок, а затем броситься в укрытие. Но, похоже, надобности в этом не было: ничто не говорило о том, что директор находится поблизости лагеря. Наоборот, где-то вдалеке мертвая тишина леса была нарушена диким воплем какого-то человека. Судя по всему, это кричал Никодим Никифорович, у которого сдали нервы.

Тогда Наталья Васильевна сошла с дороги на обочину, где

Вдалеке, на возвышении, висела над дорогой белая женщина
в сияющем одеянии и протягивала руки в мольбе.

сняла с себя белую просторную накидку с капюшоном и спрятала ее в рюкзачок.

Эта умная женщина была совершенно права, предположив, что ночную тишину прорезал крик бедного директора. В самом деле, добежав до ворот лагеря и мужественно храня при этом молчание, Никодим Никифорович вскинул голову и увидел вывеску. «Сокол» — возвещали разноцветные буквы о названии учреждения, расположенного за белым высоким забором. Тут же гордая птица расправила крылья в парящем полете.

— Как «Сокол»! — прошептал Никодим Никифорович побелевшими губами.

Он глянул на часы — и звериный рык вырвался из его груди: последний автобус в город отправлялся через пять минут. И если на нем не уехать, завтра Иван Петрович проведет совещание без директора лагеря «Сокол». После некоторой заминки Никодим Никифорович вторично прорычал, как дикий зверь, и помчался обратно на остановку.

Какое-то время он бежал по лесной дороге, потом подумал: если он хочет успеть, надо чесать напрямик, то есть через лес. И Никодим Никифорович свернул с дороги.

Вскоре, однако, зловещие тени начали появляться вокруг. Было такое чувство, будто за каждым деревом прячется некто мерзкий и жуткий. «Черти!» — пронзила директора страшная мысль, и его воспаленное воображение тотчас стало рисовать ему картины одна другой ужаснее. Лес полон чертей! В этом не могло быть никакого сомнения. Они окружили Никодима Никифоровича со всех сторон и потешаются над ним. В прятки с ним играют! И где-то среди них наверняка есть главный черт! Так всегда бывает, потому что, кем бы ни были существа — людьми или чертями, — над ними обязательно должен быть начальник.

Только трясущийся Никодим Никифорович об этом подумал, как сверху кто-то громко произнес: «Ухуу-ху! Ухуу-ху!»

— А-а-а!!! — заорал директор, взмахнув руками.

И портфельчик его полетел куда-то в сторону. Никодим Никифорович закружил на месте в тщетной надежде отыскать такую нужную и дорогую ему вещь. Но отовсюду за ним наблюдали черти, это факт!

Вдруг где-то треснул сучок. Звук был настолько отчетливым, что Никодим Никифорович ломанулся обратно в лагерь, чудом избегая жестокого столкновения с каким-нибудь деревом.

Добежав до забора, он оперся на него обеими руками и начал переводить дыхание. Лоб его взмок, рубашка прилипла к телу. Директор ослабил узел галстука, намереваясь в следующую минуту накрыть ладонью сердце, чтобы унять его бешеное биение. Однако директорская рука замерла на горле: где-то позади снова треснул сучок.

Так и стоял некоторое время Никодим Никифорович, не смея глянуть назад. Затем все-таки положил руку на сердце и уже собирался обернуться, как вдруг дикий вопль разорвал тишину.

— А-а-а!!! — заорал кто-то за его спиной. (Кажется, женским голосом.)

— А-а-а!!! — крикнул тотчас директор и лишь после этого, набравшись храбрости, глянул назад.

Перед ним стояла ужасная Наталья Васильевна, только что вышедшая из леса. На ней лица не было! Точнее, лицо женщины было перекошено от неопишуемого страха, охватившего старшую вожатую до кончиков волос.

Увидев своего родного директора, Наталья Васильевна бросилась к нему; подбежав, ткнулась головой ему в плечо, словно искала у него защиту (мужчина все же), и разрыдалась. Никодим Никифорович непроизвольно приобнял Наталью Васильевну, и они стояли в таком положении несколько минут.

Потом, когда оба пришли в себя, Наталья Васильевна начала вытирать слезы, продолжая всхлипывать.

— Это было ужасно, Никодим Никифорович, — сказала она. — Вы не представляете, что я только что пережила.

— Вы кого-то видели, Наталья Васильевна? — тихо спросил директор.

К нему все больше и больше возвращалось самообладание, и он был полон решимости взять ситуацию под свой директорский контроль, с тем чтобы впредь ни при каких обстоятельствах этот контроль не терять. При этом он был твёрдо убежден... хотя и не собирался предавать огласке свои убеждения... убежден в том, что ПРИВИДЕНИЯ НА СВЕТЕ СУЩЕСТВУЮТ.

— Да, Никодим Никифорович, — ответила Наталья Васильевна таким голосом, словно была маленькой девочкой и на кого-то жаловалась.

Директор погладил старшую вожатую по голове и мягко, даже с нежностью, произнес:

— Успокойтесь. Я рядом с вами. И я никому ничего не скажу.

— Спасибо, Никодим Никифорович. Вы добрый человек.

— А вы — отличный работник. Я безмерно ценю вас как специалиста. Однако позвольте, Наталья Васильевна! — сказал вдруг директор строгим голосом. — Где вы были так поздно?

— Я молодая интересная женщина, — отвечала Наталья Васильевна. — Разве мне некуда сходить после рабочего дня?

— Есть куда, — снова подобрел Никодим Никифорович. — Давайте я вас провожу. Что мы тут стоим как два придурка? Еще увидит кто-нибудь.

— Буду вам благодарна, если вы меня проводите.

Они пошли вдоль забора в сторону центрального входа в лагерь. Голова Натальи Васильевны по-прежнему касалась мужского плеча Никодима Никифоровича, который продолжал слегка поддерживать женщину за талию. И поэтому

очень скоро сторож «Сокола» имел возможность лицезреть удивительную картину.

— Позвольте и мне спросить, — сказала Наталья Васильевна. — Почему вы не уехали в город?

— Решил, что будет лучше, если я обойду спящий лагерь, — отвечал Никодим Никифорович мужественным голосом.

— А как же совещание у Ивана Петровича?

В ответ директор лишь тяжело вздохнул.

Глава X

ЖЕНЯ ФИЛИПЧИК НАЧИНАЕТ СОБСТВЕННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Наступило еще одно чудесное летнее утро. А вместе с ним все те же сомнения посетили Женю Филипчика. Женя не мог повести Олесю в Гольшанский замок на экскурсию. Во-первых, он обещал Варе, что больше никого туда не поведет. Во-вторых, ему очень не хотелось снова видеть Наталью Васильевну в облике призрака.

Насчет своего обещания он ничего не сказал Олесе, потому что не был врагом самому себе. Попробуй такое скажи командиру — вмиг на экскурсию с ней отправишься. Что же касается стыда за Наталью Васильевну, то Олесе это было странно слышать. Тут она никак не могла Филипчика понять.

Словом, несмотря на то что в природе все пело, радуясь жизни, Женя ходил с весьма сосредоточенным видом, озабоченный своим обязательством перед Олесей, которого он, впрочем, ей не давал. А также новыми, пока еще смутными идеями.

Удивительное дело! Он заметил, что и Наталья Васильевна с утра была какой-то другой, совершенно не такой, как всегда. Обычно она ходила по лагерю с очень надменным

видом, и если веселой и не казалась, то уж грустной ее никак нельзя было назвать. А тут ее словно подменили. Взгляд у нее сделался долгим и напряженным, в глазах появилась грусть; пропала царственная осанка; она вся была какой-то притихшей, словно добрый чародей коснулся ее волшебной палочкой.

Женя ожидал, что часам к одиннадцати Наталья Васильевна исчезнет, чтобы изображать привидение в замке; но старшая вожатая упорно не желала исчезать. Впрочем, и слава богу, что не желала: благодаря этому обстоятельству Олеся согласилась пока воздержаться от экскурсии. В самом деле, что сейчас делать в замке, если Наталья Васильевна здесь, рядышком?

— Может, у нее горе случилось? — предположила Олеся, украдкой наблюдая за старшей вожатой.

— Не исключено, — отвечал Филипчик, делая то же самое. — А может, совесть в человеке заговорила.

— В ком? В Наталье Васильевне? — Олеся звонко рассмеялась.

— Ничего смешного в этом нет. В жизни всякое бывает. Почему, по-твоему, она такая шелковая?

— Да мало ли почему человек может сделаться шелковым! На то существует тысяча причин.

— Нет, Олеся, не тысяча. А только две. Или в ней заговорила совесть, или...

— Горе случилось!

— Да не горе... Или она видела настоящее привидение! Вот что я тебе скажу!

Девочка подозрительно покосилась на Филипчика.

— Как Наталья Васильевна могла видеть привидение, если она и есть это самое привидение?

— А как его могли видеть другие взрослые?

— Мы же говорили с тобой, что это их предрассудки!

Женя многозначительно промолчал.

Итак, госпожа Гронохова временно утратила по неиз-

вестной причине свой надменный вид. Зато двое других человечков ходили в это утро с очень важными лицами. Сразу же после линейки Владик хотел помчаться к старшей вожатой и потребовать свои сто долларов, однако передумал и даже ходить стал очень медленно, настолько его распирало самоуважение. Нет, он не побежит к Наталье Васильевне и ничего ей не скажет, потому что дважды Влад Денисов свои условия не выдвигает. Как только объявится Никодим Никифорович, который с утра куда-то запропастился, Владик сразу же вызовет его на разговор.

Варя также решила ни о чем не расспрашивать Владика. Если она не получит свою законную долю, вечером у нее будет разговор со старшей вожатой. И тогда выйдет так, что Денисов получил деньги за сохранение тайны, которой уже не существует.

Да, вот именно! Варя не из тех, кто повторяет свои условия дважды!

И поэтому несколько раз, проходя мимо друг друга, Денисов и Цветкова строили рожицы, демонстрируя гордость.

* * *

Во время тихого часа чуткое ухо Олеси уловило легкий шлепок. Несомненно, с таким звуком приземляются кроссовки мальчика на узкую асфальтовую дорожку, что пролегла под окнами третьего отряда. Нет сомнения и в том, что теперь этот мальчишка крадется, подобно хищнику из отряда кошачьих, с тем чтобы сигануть через забор и умчаться в Гольшанский замок. «Ну уж нет, дорогой мой! — рассудила командир третьего отряда. — Обещания свои надо выполнять!» Она молниеносно влезла в джинсы, натянула майку, зашнуровала кроссовки и бесшумно выскользнула в окно — как раз в тот момент, когда Женя свернул за угол. Только тень его мелькнула.

Между тем Варя тоже быстро оделась, но прыгать в окно не стала, а спокойно вышла в коридор. Она увидела, как вначале Филипчик, пробежав мимо корпуса в сторону забора, пулей на него взлетел и, спрыгнув наземь, исчез в густых зарослях. Затем — и это удивительнее всего! — то же самое проделала командир отряда, призванная служить примером во всем. Ну разве что на забор не так ловко взбиралась, как ее дружок. «Ладно, Олесечка, — сказала про себя Цветкова. — Не уверена, что это пройдет тебе даром».

Подгоняемый своей новой идеей, простой и ясной (так что оставалось только разводить руками, как же он раньше об этом не подумал), Женя мчался через лес в Гольшанский замок. Ему не нужны были экскурсии и клоунада Владимира Васильевича с Натальей Васильевной. Ему нужны были сторожа и их свидетельства! Женя надеялся, что эти люди согласятся с ним поговорить.

— Постой! — услышал вдруг Филипчик. — Я не успеваю за тобой!

Обернувшись на крик, Женя чуть не завопил от досады. Выследила-таки!

— Нет, нет, Олеся! — схватился за голову мальчик. — Ты не понимаешь! Я не на экскурсию!

Алантьева подошла к нему и вначале ничего не сказала, переводя дыхание.

— Неужели это так интересно — смотреть, как притворяются два взрослых человека? — спросил Женя. — Ну, увидишь ты, как мелькнет тень. Побежишь за ней. Сдернешь с нее покрывало. Под ним окажется Наталья Васильевна. Она тебе скажет: «Тише, Олесечка, не выдавай меня! А я тебе службу сослужу». И что, тебе это надо?

Олеся задумалась, внимательно глядя мальчику в лицо. Потом сказала:

— Еще, чего доброго, она меня тоже кулаком стукнет.

— Запросто! Она такой человек, что кого хочешь ударит.

— Может, ты и прав, Женя. Но, понимаешь, дело не только в том, что я хотела посмотреть, как Наталья Васильевна притворяется. Если честно, мне этого как раз не очень хотелось.

— А чего же тебе тогда хотелось?

— А ты не догадываешься?

Женя напряг все свои извилины, о чем можно было судить по его чуточку туповатому взгляду, устремленному куда-то мимо девочки. Но он так ничего и не сообразил.

— Вечно ты мне ребусы подкидываешь, Олеся.

— Ну ладно. Так и быть, скажу тебе. — Она посмотрела вниз, на носок правой кроссовки. Потом рассмеялась. — В принципе я тебе уже говорила об этом.

— Серьезно? Ну, значит, я забыл. Но мне кажется, ты ничего такого мне не говорила.

— Ну в общем... Ты обещал сводить меня на экскурсию. Разве не так?

— Что-то я не припомню, чтобы я такое тебе обещал. Ты мне просто сказала: поведешь на экскурсию, и все тут.

— Но ты ведь промолчал! Значит, обещал.

— Ну, не знаю, можно ли это считать обещанием, — покачал головой Филипчик.

— Ах, Женя, какой ты недогадливый! Я просто не хочу, чтобы ты ходил в Гольшанский замок с Цветковой.

— А-а, — протянул Филипчик и замолчал, не зная, что сказать дальше.

— В общем, так, Женя. Я хочу, чтобы ты дал мне слово, что не поведешь Цветкову в этот замок.

Тотчас же Варя всплыла в его воображении. Он вспомнил вышитые цветочки на штанинах ее джинсов, ее изумительную расческу, которую она прятала в своей маленькой сумочке, и еще — красивейший купальник... Нет, он, наверное, не сможет дать такое обещание... Нет, это решительно невозможно!

— Понимаешь, Олеся... Дело в том... — Положение было

безвыходным, и Женя решил раскрыться. — Я тебе честно скажу.

— Нет, не надо честно! — вдруг испуганно проговорила Олеся.

— Да ты не бойся! Днем оно здесь не появится!

Олеся посмотрела на него с удивлением.

— Кто не появится? Привидение, что ли?

— Ну конечно! Кто же еще? Ты меня послушай. Мы с тобой говорили, что это все предрассудки взрослых. Так вот мне кажется, что дело не только в предрассудках.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что привидение существует на самом деле?

— Да, Олеся! — с важностью произнес Филипчик. — Во всяком случае, у меня есть серьезные подозрения на этот счет. И сейчас я иду, знаешь, куда? Не на экскурсию. А к сторожам Гольшанского замка!

Олеся тотчас выразила желание идти вместе с ним. Купив себе таким образом право не давать никаких обещаний, Женя отправился с Олесей в замок. Ему начинало казаться, что он небезразличен этой девочке, и Женя был ей благодарен в глубине души. Но ведь у Олеси не было на штанинах вышитых цветочков...

Впрочем, главное сейчас — привидение!

— Не знаю, как это объяснить, но я почему-то уверен, что такое в жизни бывает, — говорил Женя, когда они уже вышли из леса и громада замка выросла перед ними во всем своем таинственном величии.

— В это трудно поверить, — отвечала девочка, решив отложить разного рода обещания на более поздний срок. — Можно испугаться каких-то теней. Можно бояться одной дома ночевать, потому что все время будешь думать, что в соседней комнате покойница сидит. Это я понимаю. Это естественно. Но чтобы на самом деле... Я, конечно, буду бояться, если что-нибудь такое случится, но все равно вряд ли поверю.

— Посмотрим, — уверенно отвечал Филиппчик. — Я тебе так, Олеся, скажу: привидение Гольшанского замка меня очень интересует.

Возле парадного входа они увидели автобус с туристами и легковой автомобиль, в котором никого не было. Ребята замедлили шаг, но вскоре водитель завел двигатель, и автобус тронулся с места. Экскурсанты, наверное, так и не увидев привидение, отправлялись в город несолоно хлебавши.

— Интересно, почему сегодня Наталья Васильевна решила не прикидываться призраком? — спросила Олеся.

— Логика мне подсказывает, — с важностью отвечал Филиппчик, — что эта парочка должна делать перерывы. Иначе люди заподозрят, что их обманывают. Нельзя, чтобы привидение было доступно. Кому-то повезет, а кому-то нет.

— Будем считать, что тебе с Цветковой повезло, — не без ехидства заметила Олеся.

Женя пропустил эту шпильку мимо ушей. Они уже приблизились к отворенному окошку, и мальчик полностью переключился на главное. Тут ребята услышали, как какая-то женщина спросила, по всей видимости, у сторожей:

— Объясните мне толком наконец, что здесь произошло.

— Так мы ж тут все время сидим. Это только ночью обходим замок... если храбрости хватает. А за туристами мы следом не ходим.

Голос человека, который ответил женщине, показался Жене знакомым.

— Это Кузьмич, — шепнул мальчик. — Он сегодня снова дежурит.

Олеся кивнула ему: она тоже вспомнила, что один из сторожей так называл другого, когда они с Женей в прошлый раз подслушивали их разговор, стоя под этим же окном.

— Чеслава Ивановна, я вам скажу, — произнес другой сторож, голос которого ребята также слышали тем поздним вечером. — Сидим мы тут спокойно, о том о сем разговор ведем. Ну, за жизнь, вы понимаете. Кузьмич и говорит:

«А не пора ли нам чайку попить?» У нас с ним чаепитие строго по графику. Кузьмич — большой любитель чая, и меня к этому приобщил. А сколько случаев из своей жизни...

— Петр, по существу, пожалуйста, — прервала его женщина. — Ты всегда отвлекаешься на второстепенные вещи.

— Хорошо-хорошо!.. Ну вот, взял я чайник и пошел за водой. Моя была очередь. Нельзя же все время Кузьмича за водой гонять. Совесть надо иметь, он ведь не мальчик какой-нибудь. Вон у него какая жизнь богатая...

— Петр!

— Все-все, не буду... Но я это к тому, Чеслава Ивановна, что так я за водой ни за что не пошел бы. Место тут у вас не совсем хорошее, это вам многие могут подтвердить. Пойдешь, бывало, куда-нибудь по замку... ну, в подсобку или просто обход делать, надо ведь все-таки иногда... так обязательно что-нибудь да происходит. Вам уже про это сто раз рассказывали. А вы все не верите. То шаги чьи-то наверху, то половица рядом скрипнет, так что вздрогнешь и деру отсюда, будто пацан какой. А вот Кузьмич рассказывал, было дело тоже: свечи вдруг загорелись сами собой. Он удивился, задул их, а назад идет — опять горят!

— Было такое, — кивнул Кузьмич. — Уж на что я нехристь по жизни, и то перекрестился.

— Мужчины! — строго произнесла женщина. — Я вижу, мне от вас толку не добиться.

— Нет-нет, сейчас добьетесь, — сказал тот, кого звали Петром. — Ну вот, возвращаюсь я, стало быть, с водой. Вдруг из графского зала вываливает толпа туристов. И как бросится на меня! То есть это мне показалось, что они на меня бросились. А на самом деле они просто мимо бежали. Все такие радостные... «Привидение, привидение!» — кричат эти дурачки. Я говорю: «Тихо вы, ненормальные! Чайник из-за вас чуть было не уронил!» Но им никакого дела до меня. «Где, где привидение? — орут они. — Покажите мне!

Я тоже хочу!» Тут вижу — ага! Сверху ведут по лестнице туристку. Чеслава Ивановна, поверите или нет...

— Не поверю.

— Так вы послушайте! Я не то хотел сказать, что я сам привидение видел. Я его никогда не видел, хотя разные там шаги и шорохи слышал много раз. Я хотел сказать, что на этой женщине, которую под руки вели, лица не было!

— Не было лица. Это уж как пить дать, — подтвердил Кузьмич. — Я потом тоже вышел и все видел.

— В каком смысле не было лица? — спросила Чеслава Ивановна.

— А в прямом! — воскликнул Петр. — Ну то есть испугалась она сильно. Я таких бледных людей никогда еще не видел! Ее под руки двое ведут — турист и Владимир Васильевич. Женщина трясется вся. Никогда еще не видел, чтобы так тряслись! И что вы думаете? Оказывается, эта сумасшедшая женщина отстала от группы и пошла себе по коридору вдаль — приключений на свою голову искать. И нашла!

— Кто ищет, тот всегда найдет, — весело заметил Кузьмич.

— Вот именно! Владимир Васильевич нам потом рассказывал: идет она, значит, по коридору, приключения ищет. Тут видит — вдалеке еще один турист стоит. А кто, не разглядеть, темно ведь. Спинай к ней стоит. Ага... Она ему говорит этак весело: «Ну как, встретили Белую Даму?» Турист оборачивается... А это и не турист вовсе! Черный-пречерный весь, и лицо страшное! Как у мертвеца, который уже того... давно в земле лежит. Женщина закричала, естественно. И на пол плюхнулась, даже бежать не смогла. А эти, в графском зале которые, услышали, что кто-то где-то закричал, обрадовались, загалдели: «Привидение, привидение!»

Стоя под раскрытым окном, Женя и Олеся с удивлением внимали таким речам. Мальчик при этом хмурился, словно понимал многое из того, что слышал. Олеся приблизилась

к нему и прошептала: «Вот видишь! Она все-таки пошла на экскурсию!» Женя ничего не отвечал, но подумал: «Не уверен, что Наталья Васильевна покидала лагерь. Надо проверить все ее передвижения».

— Люди очень впечатлительные и видят то, что хотят увидеть, — говорила тем временем женщина, находящаяся в комнате сторожей.

— Владимир Васильевич тоже так считает, — отвечал ей Кузьмич. — Он сказал, что люди нынче пугливые пошли, нервные. Но ведь нам от того не легче, Чеслава Ивановна, что народ суеверный и в призраков верит. Я, между прочим, тоже подумываю написать вам заявление. Все-таки неприятно быть все время в напряжении.

— Да какое напряжение, Кузьмич! — воскликнула женщина. — От тебя ли я это слышу? Ты, лучший мой работник! Я всегда старалась тебе угодить! Как только появляется возможность, сразу премию выписываю! Не к лицу тебе, Кузьмич, столько в жизни повидавшему, всяким байкам верить да к шорохам прислушиваться.

— А почему же вы, Чеслава Ивановна, отказались здесь ночь провести, как это сделала ваш заместитель? — с хитрой улыбкой спросил Петр.

«Ночь провести? — изумился Женя. — Ну конечно! Это же очевидно!»

— У меня что, своего дома нет? — отвечала женщина. — Или семейных обязанностей? Это была причуда Леночки — переночевать в замке. Доказать что-то хотела.

— Так ведь и доказала! — сказал Петр.

— Ничего она мне не доказала! Как можно на слово верить своему заместителю?

И тут, к неудовольствию Олеси, Женя сорвался с места и стал подпрыгивать, пытаясь дотянуться до края окошка, которое, хоть и находилось на первом этаже, было расположено достаточно высоко. Он явно хотел продемонстрировать всем свою физиономию. И выкрикивал при этом:

— Можно мне с вами поговорить? У меня тоже есть что рассказать!

— Ты что, с ума сошел? — шикнула на него Олеся. — Бежим отсюда!

— Кто здесь? — раздался суровый голос Кузьмича. — Еще одно привидение?

После чего из окна показалась седовласая голова мужчины, глянувшего на ребят сверху вниз. Девочка хотела бежать без оглядки, но, так как это совершенно не входило в планы ее приятеля, пришлось и ей остаться, уповая на снисхождение взрослых.

Глава XI

ЗДРАВОМЫСЛЯЩИЙ ДИРЕКТОР

Из музея вышел все тот же человек — в годах, с морщинистым лицом, но еще сохранивший атлетическую фигуру. По одному его облику можно было судить о том, что Кузьмич — а это был именно он — крепкий орешек и привидениями его особо не проймешь. И вместе с тем лучший смотритель Гольшанского замка, как мы только что узнали, уже заговорил об увольнении по собственному желанию. Это обстоятельство и отметил Женя, когда по предложению Кузьмича поднимался вместе с девочкой по ступенькам замка.

Ребят ввели в чистенькую и довольно просторную комнату. Было очевидно, что недавно здесь сделали ремонт. Бросив взгляд на шкафчик с посудой, за стеклом которого хранилась даже кофеварка, на шикарную мягкую мебель, телевизор и заметив другие незначительные, но важные мелочи, Женя пришел к выводу, что начальство делает все возможное, чтобы удержать своих сторожей.

Из-за стола поднялась представительная дама, одетая весьма стильно. Чувствовалось в ней что-то властное: на-

верное, многие могли бы попасть под влияние этой женщины и подчиняться ей беспрекословно, пока сами не ощутили бы крепость в ногах, чтобы хорошенько опереться ими о землю и жить своим умом. Словом, директор музея — а это была именно она — так же, как и Кузьмич, производила впечатление здравомыслящего человека, мы бы даже сказали, женщины-материалиста, которая не станет верить в гостей с того света и в прочие плоды воображения темных и суеверных людей.

— Кто вы? — первым делом спросил Женя у представительной дамы.

— Меня зовут Чеслава Ивановна. Я директор музея «Гольшанский дворец». А вы кто такие?

— А мы просто ребята из лагеря «Сокол», — ответила Олеся, опережая приятеля, который уже открыл рот, чтобы что-то сказать. — Мы тут случайно.

— Вы подслушивали наш разговор? — строго спросила директор.

Теперь уже Женя опередил Олесю. Он тотчас же ответил Чеславе Ивановне:

— Да, это так. Но мы подслушивали с благородной целью!

— Что вы говорите, юноша! — воскликнула директор, и лицо ее вмиг прояснилось. — А с какой же, позвольте узнать?

— Если честно, я хотел встретиться с ними. — Филипчик указал на сторожей. Тут он глянул на девочку и добавил: — А Олеся пошла со мной просто так, за компанию. Я хотел, чтобы ваши работники, Чеслава Ивановна, рассказали мне о привидении. А я бы тоже им кое-что рассказал. И мы бы вместе еще раз убедились в том, что привидение существует.

— А меня уже не надо убеждать! — сказал Петр, напарник Кузьмича, мужчина средних лет. — Ты, Кузьмич, еще толь-

ко думаешь насчет заявления, а я сегодня же его напишу. С меня хватит!

— Будете отрабатывать месяц! Оба! — жестко бросила в их сторону Чеслава Ивановна. — Не мужики, а... черт знает что! Так, теперь вы, молодые люди. Вы зачем панику сеете среди моих работников? Хотите, чтобы я пожаловалась вашему директору? Кстати, кто там у них? — обратилась она через плечо к Кузьмичу.

— Сенечкин. Никодим Никифорович, — отвечал насупившийся Кузьмич.

— Мы ничего такого не сеем! — воскликнул Женя. — Мы не для паники, а для правды сюда пришли!

— Господи, мальчик, — сказала Чеслава Ивановна, снова подобревшая от таких слов. — Ну зачем тебе эта правда? Разве в лагере плохо живется?

— В лагере живется очень хорошо, — отвечал Женя совершенно искренне. — Но поймите, Чеслава Ивановна: какая же это жизнь, если не знаешь, существует привидение или нет? То есть я хочу сказать: если ты начал сомневаться, надо все выяснить. Или ты живешь и знаешь, что никаких привидений на свете не бывает, или ты тоже живешь, но имеешь неопровержимые доказательства, что привидения существуют. Я вам так скажу, Чеслава Ивановна: или ты живешь с привидениями, или без них. Согласитесь, в этом есть разница!

— Еще какая! — Петр даже кулаком по столу легонько стукнул.

А Кузьмич молча и с глубокомысленным видом закивал.

Чеслава Ивановна пристально посмотрела на мальчишку, но пока что ничего не сказала. Тогда Женя выдвинул еще один, последний, аргумент:

— Представьте себе на минуту, что призраки на самом деле могут к нам приходить с того света. А люди точно еще не знают, приходят они или нет. Но им это нравится. Они начинают подражать призракам, наряжаться в костюмы при-

видений, пугать других. И при этом все веселятся, визжат... Как вы думаете, такое поведение легкомысленных людей понравилось бы призракам?

Петр ничего не сказал, но достаточно громко стукнул кулаком по столу. Нахмурившийся Кузьмич вначале молчал, потом поднял голову и бросил на директора пристальный взгляд:

— У нас такой цирк и происходит, Чеслава Ивановна.

— Прекрати, Кузьмич! — резко ответила ему директор. — Такого гида, как Владимир, я больше нигде не найду. Люди в очередь записываются, чтобы сюда приехать. И если он сумел подогреть интерес этими байками, то и слава богу.

— Мне кажется, — сказал Женя, — люди могут видеть в галереях замка не только то, что хотят увидеть. Но еще и то, что существует на самом деле. У меня есть тому подтверждения.

— Пойдемте-ка, ребята, ко мне в кабинет, — сказала директор. — А то вы окончательно работников моих напугаете.

Здесь же, на первом этаже, Женя и Олеся вместе с Чеславой Ивановной прошли в дальний конец темного коридора, где находился директорский кабинет. Первое, на что обратил внимание Филипчик, когда они вошли к директору, — большой диван, обтянутый кожей, на котором очень даже удобно было бы спать, тем более что ночи сейчас теплые. Помещение также было просторным, с книжными полками и компьютером, но, в отличие от комнаты смотрителей, слегка мрачноватым, — возможно, из-за старомодной мебели.

Чеслава Ивановна велела выкладывать, какие там еще подтверждения имеются у мальчишки. И Женя начал рассказывать. Олеся в это время сидела тихонько на диване, глаз не сводя со своего приятеля и поражаясь его рассказу.

Ничего себе! Оказывается, он действительно всерьез взялся за дело — дело о призраках Гольшанского замка!

Прежде всего Женя поведал директору музея о том, что шеф-повар лагеря «Сокол» собственными глазами видела в замке вначале прозрачную женщину, которая протягивала руки в мольбе, а затем — какого-то ужасного черта, а может быть, просто мужчину, но не живого, это уж как пить дать. Лицо мертвеца выплыло из тьмы, и глаза его вперились в бедную повариху.

Затем Женя рассказал о напуганных пассажирах автобуса, уходящего в город поздно вечером. Все они тоже говорили о привидении, и даже водитель заметно нервничал, поглядывая на часы.

— У него была внутренняя борьба, — говорил мальчик. — С одной стороны, ему хотелось поскорей уехать, но с другой — он должен был исполнить свой долг. В смысле отправиться в рейс по расписанию.

Чеслава Ивановна узнала также о том, что жители Мишкова последним рейсом автобуса не пользуются, потому что в противном случае им надо проходить мимо Гольшанского замка. И еще о том, что старшую вожатую лагеря «Сокол» зовут Наталья Васильевна Гронохова и что эта самая Наталья Васильевна Гронохова, скорее всего, тоже видела привидение, но никому об этом не сказала, а только сделалась очень грустной и тихой, что на нее совсем не похоже.

— Это так на нее привидение подействовало, — закончил Женя свой рассказ.

Когда он замолчал, Чеслава Ивановна выдвинула в своем столе ящик и после непродолжительного поиска, сказав: «Ага, есть!» — вынула большую шоколадную конфету.

— Вот тебе, мальчик, за твой рассказ.

— Спасибо, Чеслава Ивановна, — сказал Женя, принимая угощение. — Я Олеся ее отдам.

— Это по-джентльменски, мой юный друг. Вы потом ре-

шите, как вам лучше поступить с этой конфетой. Что же касается разных чертиков, то я вам, дети, скажу одну вещь. Пожалуйста, сохраните в тайне то, что сейчас услышите. Призраков старинных замков все нормальные смотрители и директора музеев любят нежно и преданно, потому что нет лучшей приманки для туристов, чем леденящие кровь легенды. Конечно, все легенды основаны на реальных событиях, но это не означает, что бесплотные тени в самом деле бродят по галереям и машут из окна проходим. Раньше наш новый гид водил экскурсантов в подземелье, где похоронены все прежние владельцы Гольшанского замка. Там он рассказывал о том, что произошло много лет назад, и, в общем-то... да, он не скрывал, что исстари существуют слухи о призраках, обитающих в этих стенах. Володя это делал с моего дозволения. Но сейчас в подземелье началась реконструкция, и я очень боялась, что у нас будет меньше туристов. Ничуть. Экскурсии Владимира по-прежнему очень популярны.

— А с нашей Натальей Васильевной вы не знакомы? — спросил Женя и посмотрел директору прямо в глаза.

— Нет, — спокойно отвечала Чеслава Ивановна. — А почему тебя это интересует?

— Да так... Она ведь тоже видела привидение.

— Да, разумеется. Бедная женщина. Мои смотрители также шаги отчетливо слышат и увольняться из-за этого хотят.

Сказав это, директор улыбнулась, и Женя понял, что она просто шутит, а в призраков по-прежнему не верит.

— Чеслава Ивановна, — вкрадчиво произнес мальчик. — Вы так хорошо к нам отнеслись... Спасибо вам большое, но... вы не могли бы сводить нас в подземелье?

Женя не рассчитывал на успех, когда у него созрело решение обратиться к директору с такой просьбой. Однако Чеслава Ивановна неожиданно рассмеялась и сказала:

— Почему нет? Я и сама туда собиралась.

— Одна?! — изумился Женя. — И вы не боитесь?!

— Дитя мое! Я это проделывала тысячу раз!

— Тогда не будем терять время! — сказал Филипчик и вскочил с кресла, куда его успела усадить директор.

* * *

Когда вышли в коридор, Олеся вдруг ни за что не захотела спускаться в подземелье. Она честно призналась, что боится, хотя добавила при этом, что все равно не верит в существование выходцев с того света. Девочку отвели к сторожам, которым Чеслава Ивановна, продолжая проявлять снисходительность, наказала беречь ребенка как зеницу ока.

После этого Женя и директор вернулись назад, потому что в конце коридора, рядом с директорским кабинетом, была еще одна дверь, которую Чеслава Ивановна отперла своим ключом. Они оказались в другом коридоре, очень длинном, так что не видно было его конца, и очень мрачном. Чеслава Ивановна опять заперла дверь и пропустила Женю вперед, говоря с улыбкой:

— Вперед, мой юный храбрец!

Долго шли они молча и даже торжественно, минуя старинное оружие и портреты вельмож на стенах, гобелены и головы лесных зверей. Вельможи и лесные звери смотрели на Женю более чем выразительно, поэтому холодок понемногу закрадывался ему в душу.

— Эти люди, что на портретах, и похоронены в подземелье? — прервал молчание мальчик.

— Многие действительно нашли свой последний приют в семейной усыпальнице. Например, граф Евстафий Каменский, один из хозяев замка. — Они остановились перед мужским портретом, и давным-давно покойный вельможа тотчас же, если можно так выразиться, устремил на Женю

пугающий взгляд. — Кстати, именно с ним связана одна из самых печальных легенд Гольшанского замка.

В скором времени директор и мальчик остановились перед массивной современной дверью с кодовым замком. Чеслава Ивановна велела Жене отвернуться, после чего набрала комбинацию цифр, несколько раз крутанула колесо и попыталась открыть тяжеленную дверь; когда мальчику разрешили повернуться, он увидел, что это была очень толстая дверь, как в банке. Она еле-еле приоткрылась, и Женя, взявшись за небольшое никелированное колесо, с усердием потянул ее на себя. Образовалась щель, достаточная для того, чтобы в нее протиснулись сперва директор, а за нею и мальчик.

Вначале Женя ничего не увидел, потому что стоял крошечный мрак. Однако Чеслава Ивановна привычным движением нащупала где-то выключатель, и вспыхнул тусклый свет, от которого ступеньки, ведущие в подземелье, приняли довольно зловещий вид. Затем Женя рассмотрел, что горели все-таки электрические лампочки, но они были вставлены в старинные факелы, укрепленные на стенах.

Чеслава Ивановна попросила помочь ей закрыть дверь, и Женя с таким же энтузиазмом проделал обратную процедуру, изо всех своих сил потянув на себя железную махину за такое же колесо, которое имелось и с внутренней стороны.

— Нельзя, чтобы кто-нибудь проник вслед за нами, — объяснила директор.

— А смотрители знают шифр? — поинтересовался на всякий случай Филипчик.

— В этом нет необходимости. Когда здесь проводятся экскурсии, я сообщаю гиду новую комбинацию.

— А привидение может проникнуть сквозь эту дверь?

— Если верить людям, то может, — рассмеялась Чеслава Ивановна.

Они спустились по широкой лестнице, похожей на вход в метро, и очутились в просторном, но недлинном коридоре,

на стенах которого горели все те же светильники в виде факелов. В конце этого коридора была еще одна дверь, закрытая на два замка; Чеслава Ивановна отперла ее большими ключами, которые въезжали внутрь замка и были похожи на пилы. Когда директор и мальчик проникли за эту дверь, женщина сразу же заперла ее обратно.

Женя увидел старинную каменную лестницу, круто уходящую вниз. Они начали спускаться.

Ступеньки сперва вели прямо, потом делали плавный поворот, и лестница становилась винтовой; она как бы вилась вокруг своей оси, уводя куда-то вниз, в самую бездну замка, где царили мертвая тишина и страх.

— Не бойся, мальчик, — проговорила Чеслава Ивановна глухим голосом.

Женя бросил на нее короткий взгляд: лицо директора, освещенное причудливым образом, показалось ему зловещим. «А вдруг это и есть призрак!» — пронеслось у него в голове. Но он тут же отбросил эту мысль по причине ее смехотворности.

Начав собственное расследование по делу о призраках, Филиппчик рассуждал так: если уж привидения шалят в коридорах и покоях замка, то в усыпальнице, среди гробов, им сам бог велел водиться. «Да ими там все кишмя кишит! — полагал мальчик и делал заключение: — Вот и хорошо, что кишит. Потому что если не кишит, значит, никаких привидений на свете нет. Вон Чеслава Ивановна, умнейшая женщина, даром, что ли, не боится?»

А между тем, если бы он внимательнее пригляделся к директору, то, может быть, и заметил бы, что она тоже человек и что ей, как и любому другому человеку, который попал бы в это мрачное место, также становится не по себе. А заметив такое, Женя мог бы заподозрить, что Чеслава Ивановна обманула его, когда говорила, что тысячу раз ходила сюда одна.

На самом же деле ничего подобного не было! Директриса

никогда сюда не ходила одна, а только с толпой. Она решительно не верила в привидения и даже не поверила бы, если бы когда-нибудь ей повстречался хоть один, самый заваливающий призрак; но она боялась разных чертиков точно так же, как их боится всякий нормальный человек.

Однако Чеслава Ивановна поблагодарила небо, за то что появился этот мальчик. Она его сводит в усыпальницу, где никаких призраков он, естественно, не увидит, и это будет укором для зрителей, прежде всего для Кузьмича. Даже мальчик не боится! А двое здоровых мужиков... Стыд какой!

Наконец они ступили под своды галереи, где во мраке виднелись массивные, как будто бы мраморные, ящики на постаментах.

— Это гробы? — шепотом спросил Женя.

— Я думаю, что да, — ответила директор дрогнувшим голосом. Но тотчас спохватилась: — Ну да, конечно! Я же говорила тебе, мальчик, что здесь похоронены бывшие владельцы замка. Подойдем к одному из них, и я расскажу тебе легенду.

Все двенадцать гробов, по шесть на каждой стороне, действительно были изваяны из черного мрамора. Женя прикоснулся к первому же, и холод обжег ему руку.

— Я бы не советовала это делать, — проговорила директор каким-то странным голосом.

— Почему? — удивился Женя.

— На всякий случай... Ах, при чем здесь случай! Это ведь музейная ценность.

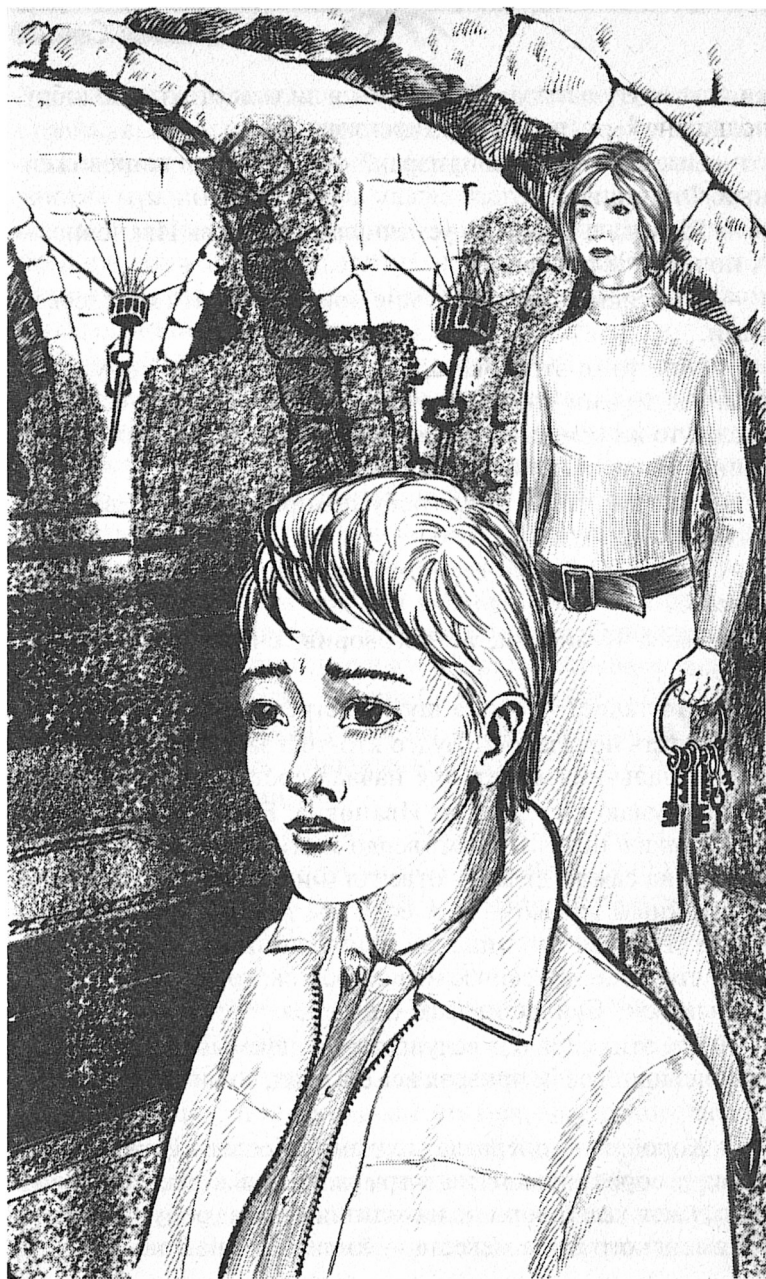
Они остановились рядом с одним гробом.

— Ну вот... — прошептала Чеслава Ивановна. Затем прокашлялась: — Здесь покоится прах Евстафия Каменского.

И тут им обоим вдруг почудилось нечто! То ли это был шорох за их спинами, то ли легкие шаги, словно кто-то прятался среди гробов на противоположной стороне и наблюдал за женщиной и мальчишкой, что дерзнули нарушить покой усопших. Женя и Чеслава Ивановна посмотре-

— Это гробы? — шепотом спросил Женья.

ли друг другу в глаза. «Не убраться ли нам отсюда подобру-поздорову?» — подумала директор.

— Вы, случайно, не призрак? — прошептал встревоженный Филипчик.

— Господь с тобой, — усмехнулась Чеслава Ивановна. — А почему ты спросил?

— На всякий случай. Но мне показалось, что мы здесь не одни.

— Мне тоже это показалось. — Женщина обернулась и окинула долгим внимательным взглядом весь склеп. Женя сделал то же самое. — Да, местечко не из приятных... Ну да ладно. Итак, на чем мы остановились?

— На том, что в этом гробу похоронен граф Евстафий Каменский.

— Верно. Он умер страшной смертью. Никто не знает, отчего...

Чеслава Ивановна, не договорив, снова резко обернулась.

— Что такое? — не на шутку встревожился Женя.

— Опять показалось. Будто кто-то в затылок мне дышал. А что, мальчик, может, для начала достаточно?

— Я думаю так, Чеслава Ивановна. Если мы сейчас увидим привидение, то будем твердо знать, что призраки существуют на самом деле, — отвечал Филипчик тихим, но мужественным голосом. — А если мы никого не увидим, то будем уверены, что никаких привидений на свете нет. Потому что если они сейчас не появились, то когда же им еще появляться? Сейчас им сам бог велел.

После этих слов оба вслушались в двусмысленную тишину; очевидно, если призрак все слышал, то он тоже был озадачен.

— Хорошо, — прервала молчание Чеслава Ивановна. — Итак, у сорокапятилетнего графа Каменского, прах которого, как я уже говорила, находится в этом гробу... в общем, у Каменского была невеста — княжна Анна Гольшанская.

Девушка была чудо как хороша. Хрупкая, как тростиночка; стройная, как молодое деревце; а на щеках — вечный румянец юности; ее нежное личико было таким красивым, что многие мужчины, взглянув на нее всего лишь раз, навсегда оставались с разбитым сердцем. Но Анна полюбила безродного юношу и однажды призналась ему в любви. Молодой человек с благодарностью ответил взаимным чувством, осознавая вполне, чем ему это грозит.

Чеслава Ивановна на минуту замолчала, чтобы узнать, какова реакция тех или того, кто ее слушал, исключая, разумеется, этого милого мальчика. Женя прекрасно ее понял и тоже стал слушать, не раздадутся ли чьи-то легкие шаги и прочие шорохи. Пока стояла мертвая тишина.

— Влюбленные встречались тайно, по ночам, в одной из башен замка. Короткими были их встречи. Они смотрели друг другу в глаза и говорили о любви. А потом расходились, чтобы встретиться следующей ночью. Однажды граф Каменский выследил девушку и поднял тревогу. Бедных влюбленных схватили. У графа был необузданный нрав. Он велел замуровать княжну живьем, в стену той самой башни, где она встречалась с любимым. А юношу по его приказу разорвали лошаадьми.

Тут Жене почудилось, будто Чеслава Ивановна нехорошо усмехнулась, рассказывая такую ужасную историю. Он быстро глянул ей в лицо, но ничего особенного на нем не разглядел. Директор тоже посмотрела на мальчика и спросила:

- Ты подумал, что это я усмехнулась?
- Честно говоря, да. Но если не вы, то кто же?
- Ты. Кто же еще?
- Нет-нет! Клянусь вам, я не смеялся!
- А знаешь... пойдём-ка мы отсюда. Да поскорее!

Далее произошло нечто такое, чего Женя никак не ожидал от Чеславы Ивановны, которая решительно не верила в привидения и даже стыдила мужчин за их боязливость. Директриса отскочила от гроба графа Каменского как ошпа-

ренная и почти бегом направилась к выходу. В первую минуту Женя провожал ее удивленным взглядом, потом опомнился и поспешил за ней.

Тут директриса обернулась, и тотчас же ее лицо исказило изумление, переросшее в ужас. Чеслава Ивановна даже заслонила рукой, как от удара. Женя остановился и вобрал голову в плечи, не смея глянуть назад. А когда снова поднял глаза, женщина лихорадочно вставляла ключ в замок.

Она первой шмыгнула сквозь узкую щель из усыпальницы, так что мальчик даже испугался: уж не оставят ли его здесь одного?! Слава богу, не оставили. Женя выскочил вслед за директором, и та, навалившись всем телом на дверь, сразу же закрыла ее, словно боялась, что кто-то, кто был вместе с ними в усыпальнице, также успеет выскочить наружу.

— Обстановка действует мне на нервы, — оправдывалась директор, когда они шли обратно. — Это все болтовня глупых зрителей повлияла на меня. Пожалуйста, мальчик, ничего им не говори. Обещаешь?

— Обещаю, Чеслава Ивановна! — с готовностью откликнулся Филипчик. — А что вы увидели, когда обернулись?

— Абсолютно ничего. А ты почему не глянул назад?

— Побоялся. А как умер граф Каменский?

— Он повредился в уме, тоскуя по своей невесте. Занялся черной магией, чтобы вызвать ее дух. Когда же призрак Анны Гольшанской явился к нему, он встал перед ним на колени и принялся просить прощения. А потом обнял дух... И с тех пор начал усыхать на глазах, словно из него все соки выкачивали. Очень быстро он стал походить на живой скелет.

— Почему же он не разрушил стену, чтобы похоронить умершую?

— Этого никто не знает. Когда же после его смерти стали искать останки несчастной Анны, то ничего не нашли. Но видишь ли, дорогой мой Евгений, это было так давно, что ученые уже не могут доподлинно поручиться, где тут кон-

чается правда и начинается легенда. Только молва исстари утверждает, что призрак графа Каменского стоит на страже той стены, где была замурована княжна. И горе тому, кто разгадает эту тайну, чтобы предать земле прах несчастной девушки. Впрочем, если верить темным людям, именно об этом и просит ее тоскующий дух.

Глава XII

АЛИБИ НАТАЛЬИ ВАСИЛЬЕВНЫ

Когда Чеслава Ивановна привела Олесю в комнату сторожей, она велела им присмотреть за девочкой, потому что та боится идти в усыпальницу. «Ребенку это простительно», — говорила Чеслава Ивановна. Кузьмич заверил ее, что беспокоиться нечего. Как только директор с мальчиком ушли, он сходил за водой, поставил чайник. Взрослые не собирались заводить разговор о привидениях Гольшанского замка, но, очевидно, место здесь было такое, что другие разговоры, в конечном счете, сводились к одной и той же теме. Впрочем, Олеся сама ее затронула, обратившись к Кузьмичу:

— Вы и в самом деле хотите поменять работу?

— Похоже на то, девочка, — отвечал Кузьмич на полном серьезе. — Сколько можно жить в постоянном напряжении?

Напарника поддержал Петр, говоря, что место тут нечистое и что он точно напишет заявление об уходе. И сразу же рассказал недавний случай:

— Дело близилось к вечеру, но солнце еще светило всю. Экскурсии уже закончились. А Кузьмич в это время вздремнул на диванчике. И так ему хорошо спалось, что я не решился его будить, когда слышался шум в дальнем конце правого коридора. Это там, за кабинетом Чеславы Ивановны.

— Галерея призраков — так называется этот коридор, — мрачно произнес Кузьмич.

— Точно подмечено. Ну вот я и думаю: что там за беготня? Пойду взгляну. Взял табельное оружие, нам положено... А настоящих злоумышленников, ну то есть живых людей, я бы ни за что не испугался... Вышел я, значит, в этот коридор; а вдалеке кто-то раз — и за дверью скрылся. Что за чертовщина! Был там кто или нет? Стою и раздумываю. Может, привиделось? И вдруг... поверишь ли, девочка... душе-раздирающий крик раздается в глубине замка... Я, короче, выяснять не стал: пулей назад. Кричу: «Кузьмич, вставай! Там привидение!» А он потянулся и говорит: «Поставь-ка ты, Петр, чайник».

— Вы не поверили напарнику? — живо спросила Олеся.

— Отчего же? Очень даже поверил, — степенно отвечал Кузьмич. — Только зачем беду на себя накликать? Ну привидения... ну расшумелись они... Зачем к ним лезть? У них, может, своя жизнь. Сами разберутся.

— Кузьмич, расскажи девочке, как ты за мной однажды шел.

— Да, было такое. Вижу раз — Петр мой вдалеке по коридору идет. Удаляется от меня. Чего, думаю, он в ту сторону пошел? «Петр! — кричу ему. — Ты куда?» А он не оборачивается, дальше идет. Я пошел за ним. «Да подожди ты!» — опять ему кричу. А он уже за угол свернул. Я прибавил шаг, сворачиваю в другой коридор — гляжу: фигура вдалеке маячит. Торжественно так движется, странно как-то... «Да Петр ли это?!» — подумал я. А потом решил: «Ну и пусть себе идет, если ему так надо». Возвращаюсь сюда в комнату — Петр тут сидит, на меня во все глаза смотрит. И спрашивает: «Кузьмич, ты чего такой бледный?» И вдруг подскакивает, как ужаленный: «Кузьмич, это ты?!» — «Да я, я, успокойся», — отвечаю ему.

Был шестой час вечера, и Женя с Олесей, покинув Гольшанский замок, спешили в лагерь. Они знали, что теперь им здорово влетит, и поэтому о привидениях разговор пока не заводили. Женя чувствовал себя виноватым перед командиром отряда; но с другой стороны, рассуждал Филиппик, разве он не предупреждал Олесю, что у него важное дело в замке, тогда как ее присутствие там совсем не обязательно?

Была и другая причина, по которой Женя не торопился рассказывать о том, как он сходил в усыпальницу с Чеславой Ивановной и вел с ней беседу среди гробов. Этой причиной был страх девочки перед ужасами Гольшанского замка. Олеся только одно сказала, едва они вышли на дорогу:

— Бедные люди — эти сторожа. Теперь я знаю, как им тут живется. Дверь в комнату была приоткрыта, и когда я слушала их рассказы о привидениях, мне все время казалось, что в коридоре кто-то сейчас обязательно проплывет.

Они шли через лес. Вдруг Женя остановился и подал девочке знак: тсс! Олеся тоже начала прислушиваться, пытаясь разглядеть, что там могло быть впереди. И тут Женя быстро отвел Олесю за дерево, а сам спрятался за другое.

Ждать долго не пришлось: послышался хруст ветки, и, к великому изумлению ребят, из еловой чащи появился Никодим Никифорович, чем-то крайне озабоченный. Он явно что-то искал. Директор лагеря бросил вокруг внимательный взгляд, всем своим видом выразил досаду, встал даже на четвереньки, чтобы лучше видеть расстилающийся перед ним лесной ковер; наконец, прополз немного в левую от ребят сторону и, все так же оставаясь на четвереньках, исчез в зарослях молодых елей. Какое-то время еще раздавался производимый им шум, после чего установилась тишина, если не считать жизнерадостного пения лесных птичек.

Вернувшись в лагерь, Олеся и Женя застали весь третий

отряд в сборе. Торжеству Цветковой предела не было — это Олеся сразу заметила.

— Наконец-то вы появились! — сказал Виктор Иванович. — Мы как раз и дожидались вас, чтобы провести сбор отряда. А знаете, зачем?

Провинившаяся парочка опустила очи долу. Еще бы не знать! Сейчас станут разбирать их поведение, и, скорее всего, Олеся Алантьевой уже не ходить в командирах. «Вот что значит связываться с призраками», — промелькнуло в голове у Олеси. Она теперь жалела, что так неосмотрительно выбрала своей симпатией Женю Филипчика, увлеченного, подобно поэту, своими бредовыми идеями. Олеся была благоразумной девочкой. Если у нее что-то выходило скверно и все это видели, она очень переживала, ибо везде ей хотелось быть первой. А хуже всего было то, что теперь командиром отряда могут избрать эту гадкую Цветкову.

— Я считаю, что нам не нужен такой командир, — заявила Варя. — Какой она пример подает ребятам?

Несмотря на свой маленький рост, Виктор Иванович был великодушным человеком. Ему очень не хотелось, чтобы командиром отряда вместо Олеси стала Варя. Однако инициативой уже завладела Цветкова, и Виктор Иванович сейчас ничего не мог поделать. Ведь он должен был выглядеть в глазах ребят справедливым воспитателем!

— Она не только уходит из лагеря сама, — гневно выговаривала Варя, — но еще и других за собой уводит. Куда ты ходила? Отвечай сейчас же! И зачем Женю за собой потащила?

Филипчик произнес твердым голосом:

— Это не она меня, а я ее потащил за собой. Олеся не хотела идти. А я как пристал: пойдем да пойдем.

— Куда, Женя, если не секрет? — спросил Виктор Иванович.

— Да какой секрет! В лес, конечно! Куда же еще?

— А зачем туда идти? Свежим воздухом дышать? — задиристо спросила Варя.

— Еще чего! — отвечал Женя. — А, ну да, и для этого тоже! И еще ягоды собирать.

Виктор Иванович намеревался сказать, что, мол, мы все завтра в лес пойдем, это отличная идея, и на том закончить разбирательство; однако снова все его карты смешала Цветкова. Она произнесла насмешливо:

— Ой, ой, гляньте на них! Влюбленная парочка!

Дальнейшее никто не мог предугадать. Олеся подлетела к Варе, намертво обхватила ее за шею и повалила наземь. И так как последовало всеобщее оцепенение, в следующий миг сменившееся оживлением, Алантьева успела еще и оседлать поверженную, а Цветкова — пребольно укусить соперницу за руку, на что Олеся даже не пикнула, яростно стиснув зубы.

— Вы что, с ума сошли! — завопил Виктор Иванович, перекрикивая зашумевший отряд.

Он подбежал к девчонкам и как пушинку поднял Олесю, после чего, можно даже сказать, отбросил ее в сторону.

— Ты больше не командир! — сказал он Алантьевой.

Варя быстро поднялась и с гордым видом начала отряхиваться от пыли.

— Тебе тоже не быть командиром! — заявил Цветковой воспитатель. — Теперь мы мальчика поставим во главе отряда. А вы, дорогие мои красавицы, чтобы не смели даже подходить друг к другу!

Виктор Иванович рекомендовал отряду одного мальчика, и тот вскоре был избран командиром. На этом собрание закончилось, дав прекрасный повод для досужих сплетен, особенно среди девчонок.

Между тем Филипчик был слишком занят своим важным делом, чтобы сесть и разобраться в тонкостях женских сердец. К Владику Денисову он не пошел, чувствуя в нем недоброжелателя, а справился у других пацанов, как провела

сегодняшний день старшая вожатая. Мальчишки третьего отряда оказались не лучшими свидетелями, поэтому Женя допросил парней второго отряда, а затем и первого. Постепенно обозначилась удивительная картина: сегодня Наталья Васильевна пределы лагеря не покидала. Вначале старшую вожатую видели в одном месте, затем — в другом, далее — в третьем. Так что по времени госпожа Тронохова никак не успевала изображать из себя привидение.

После ужина Женя хотел все-таки поговорить с Олесей, которая, по всему было видно, тяжело переживала крах своей карьеры. Данное обстоятельство явилось для Филиппика откровением. Вот какие нынче женщины пошли, что даже любовью ради жизненного успеха способны пренебречь!

Итак, он хотел поговорить с бывшим командиром, извиниться, если в чем-то был виноват, и утешить ее; однако случайно проходил мимо административного корпуса и вдруг увидел в окне старшей вожатой мелькнувший силуэт мужчины. Филиппик замер на месте, как охотничий пес, учуявший зверя. А затем, после того как убедился, что его самого не заметили, помчался к зданию. Но в дверь не вошел, избрав иной путь.

Кабинет Натальи Васильевны был расположен на втором этаже. Рядом с ним находилась просторная комната с балконом, на который никого не пускали. Вот этот балкон и нужен был мальчишке. Он с ловкостью обезьяны взобрался на стоящее поблизости дерево, повис на ветке, достаточно толстой у основания, и, перебирая руками, начал приближаться к балкону. Ветка все больше и больше гнулась, но в последний момент, когда она вот-вот должна была обломиться, Женя вытянул руку, насколько это было возможно, и ухватился за перила. После чего на помощь пришла его вторая рука. Еще миг — и он бесшумно спрыгнул на балкон.

Отсюда хорошо был виден директорский домик, однако

Никодим Никифорович, замеченный недавно в окрестностях лагеря, сейчас мало волновал Филипчика. Мальчик сел на корточки, переместился в таком положении на другой край балкона и с радостью обнаружил, что окно в кабинете Натальи Васильевны раскрыто. Голос мужчины, который там находился, несомненно, принадлежал Владимиру Васильевичу.

— Ах, Наталья, я восхищен тобою! — страстно говорил экскурсовод. — Какая женщина! Какая сильная натура! Где твои миленькие ручки? Дай мне их немедленно! О, какие ручки! — Последовали горячие поцелуи ручек госпожи Гроноховой. — Но почему ты такая невеселая?

Наступило молчание, и Женя готов был поспорить, что в эту минуту Владимир Васильевич смотрит на Наталью Васильевну преданными, как у пса, глазами. Но вот экскурсовод снова заговорил:

— Ты великая женщина! Популярность наших экскурсий растет с каждым днем! Да мы с тобой скоро озолотимся! — Раздался хохоток донельзя счастливого человека. — Но скажи мне, о моя актриса! Почему ты на этот раз оделась во все черное?

В наступившей тишине послышался слабый вздох, вслед за которым зазвучал жалобный голосок Натальи Васильевны:

— Ах, Володя, какой же ты все-таки придурок. Сто раз тебе надо повторять, что в замок я не ходила. Потому что в этом проклятом замке водится настоящее привидение. И совсем даже не Белая Дама, которую видели многие, если верить всем этим впечатлительным идиотам. Совсем не та Белая Дама, которую изображала я для твоих дебильных туристов. То был Черный Господин! Так его называют сельские жители... И после того как я испугала этого болвана с портфельчиком, я увидела в окне замка такой ужасный силуэт... с таким страшным лицом...

Бедная Наталья Васильевна всплакнула, и сердце мальчика затрепетало от жалости к ней.

— Глупенькая, — ласково произнес Владимир Васильевич. — Ну какое еще лицо могло быть у зрителя замка, одетого в черный плащ?

— Это было лицо нечеловека, — отвечала старшая вожатая, продолжая всхлипывать.

— Постой-ка, радость моя, — проговорил Владимир Васильевич совершенно другим голосом. — Уж не хочешь ли ты сказать, что больше не станешь изображать привидение?

— Я тебе это повторяла уже двести раз. Но ты ведь кретин, поэтому не слышишь, о чем тебе говорят.

— Подруга моя, — совсем уже сурово произнес Владимир Васильевич. — Ты не можешь уйти в сторону в самый разгар нашего бизнеса.

— Это почему же?

— А потому, счастье мое ненаглядное, что я могу рассказать кое-кому, как ты стала старшей вожатой и как теперь пытаешься выкурить добрейшего Сенечкина из его директорского кресла! Знай, коварная женщина! Если моему бизнесу придет конец, я пойду на этот шаг!

— Делай что хочешь, пьяница несчастный. Пусть меня покроет позор, пусть меня выгонят из высшего общества, но в этот чертов замок я больше не пойду.

«Мудрое решение», — подумал Женя. Тут он услышал, как в дверь постучались.

— Володя! Быстро в шкаф! — прошипела Наталья Васильевна.

— А ты не открывай! — таким же свистящим шепотом попытался возразить экскурсовод.

— Лезь, болван, без разговоров!

Глава XIII

ВО ИМЯ ДАМЫ СЕРДЦА

Наталья Васильевна, мне надо с вами поговорить, — услышал Женя голос девочки, ради которой еще недавно, до того как взялся всерьез за дело о привидениях, мечтал совершить какой-нибудь подвиг.

— Ну,ходи, раз пришла, — отвечала госпожа Гронохова не слишком вежливо. — Чего тебе, Цветкова?

Затем возле самого окна раздались торопливые шаги, и створки были наглухо закрыты. Жене оставалось только гадать да рядить, с какой все-таки целью Варя пожаловала к Наталье Васильевне. И вдруг мальчика озарила догадка, от которой душа его преисполнилась благодарности по отношению к этой девочке, а также умиления и любви. «Наверное, Олеся проболталась, и теперь Варя хочет предупредить Наталью Васильевну, что в замке живут настоящие призраки!» — подумал Филипчик, после чего под наплывом светлых чувств прошептал:

— Ты лучшая девочка на свете, Варя!

Вдруг он заметил, что к директорскому домику приближается человек. Это был сам директор лагеря, но какой-то очень странный, словно он крался в чужой дом. Никодим Никифорович обшарил взглядом все вокруг себя, потом опустился на колени и заглянул под скамейку. Очевидно, его поиски по-прежнему оставались напрасными; он вошел в дом, но очень скоро снова появился, уже с фонариком в руках, и тотчас проверил, хорошо ли тот светит. Фонарик светил великолепно. Убедившись в этом, Никодим Никифорович немедленно удалился в неизвестном направлении.

Раздался стук — окно кабинета старшей вожатой вновь было отворено. Щелкнула зажигалка, потянуло дымком сигареты.

— Ну что ж, спасибо за предупреждение, — слышался близкий голос Натальи Васильевны. Она прошла в глубь комнаты и там сказала: — Только ваши подозрения совершенно напрасны. Как вы вообще могли такое обо мне подумать! — Женщина, по всей видимости, с жадностью затянулась, потом проговорила: — Но я не в обиде на вас. У многих в этих местах воспалено воображение. И ты знаешь, Варя, я не то чтобы верю слухам... однако сама ужасно боюсь встречи с призраками Гольшанского замка. Хотя бы даже из этих соображений я никогда бы не решилась на такой поступок.

(«Не хочет признаваться! — сообразил Женя. — Но, Варя, это не главное! Важно то, что ты предупредила ее!»)

— Наталья Васильевна, мне, наверное, следует поговорить с директором? — спросила Цветкова.

— Насчет чего, Варечка?

— Насчет того, что вы меня не до конца поняли.

— Я прекрасно тебя поняла, девочка моя. Ты гнешь ту же линию, что и твой дружок. (На балконе ликование: «Она считает меня Вариным дружком!») Можешь говорить с Никодимом Никифоровичем о чем угодно. Мне даже интересно, что из этого получится. Только знай: в Гольшанском замке я никогда не бывала и уж точно теперь никогда там не появлюсь.

— Я бы советовала вам еще раз подумать, Наталья Васильевна.

(«Какая умница! Она не верит Наталье Васильевне и думает, что та все равно пойдет в замок! Только зря не веришь, Варя!»)

Из окна полетел окурок, а потом створки снова с грохотом захлопнулись, так что Филиппик уже не мог слышать, как Наталья Васильевна сказала: «А я бы посоветовала тебе выйти вон, наглая девчонка. Отправляйся к своему Денисову, потому что вы два сапога пара. За дверь, живо!»

Далее в поле зрения притаившегося охотника за приви-

дениями появились Никодим Никифорович и Владик Денисов. Они направлялись к директорскому домику, беседуя на ходу. Женя напряг слух.

— ...Ты ошибаешься, мой юный друг, — услышал Филипчик обрывок фразы, которую произносил директор. — Этого попросту не может быть, потому что Наталья Васильевна повидала такое...

Они скрылись за дверью дома, и Женя больше ничего не расслышал. В этот момент хлопнула другая дверь — из административного корпуса вышла Варя. Когда она удалилась, Женя подождал еще немного — в надежде, что заветное окошко снова откроется. Ожидание оказалось напрасным. Тогда Филипчик быстро перелез через перила, опустился к самому низу балкона, повис на руках и в следующую минуту спрыгнул на землю.

На вечерней линейке изрядно подбравшая Наталья Васильевна объявила радостную новость: сейчас состоится дискотека, на которой старшая вожатая, так уж и быть, разрешает повеселиться и третьему отряду. Товарищи Жени возликовали, хотя имели еще недостаточно четкое представление о том, что обыкновенно делают на дискотеках, кроме как прыгают под стремительные ритмы.

В действительности же, как нам представляется, дискотеки существуют прежде всего для того, чтобы мальчишки танцевали с девчонками под лирическую музыку, вели во время танца приятную беседу или просто медленно кружились вместе, испытывая легкий трепет. В этом вся прелесть, вся неизъяснимая сладость милых дискотек под летним небом, среди соснового леса, когда мягкий воздух напоен песенками сверчков и ароматами хвои, а время так быстро течет и жестоко.

Впрочем, едва ли пацаны третьего отряда сознавали такие слишком уж тонкие материи, да и ни к чему им это было делать. То же самое можно было бы сказать и про Филипчика, если бы не одно маленькое обстоятельство: питая

к Варе нежные чувства, Женя все же хотел бы поговорить с Олесей, чтобы утешить ее. Было слишком очевидно, что девочка совсем пала духом, тяжело переживая свое оглушительное падение.

На дискотеке третий отряд держался в стороне от больших ребят. Женя пропустил несколько быстрых танцев и, когда зазвучала подобающая музыка, намеревался уже подойти к Алантьевой, но вдруг оробел. Никто ведь из мальчиков не танцевал с девочками, а он вдруг станет танцевать, и это после того, как его с Олесей называли влюбленной парочкой. Потом старшие ребята прокрутили еще парочку ритмичных композиций и снова включили медленный танец. Зазвучала чарующая мелодия, под которую герой неотразимого Бельмондо совершал подвиги, а после, терзая сердца кинозрителей, уходил из жизни.

Виктор Иванович приблизился к Евгению и прошептал ему в ухо:

— Пригласи Олесю.

— Зачем? — произвольно воскликнул Филипчик.

— Тише!.. Она ведь из-за тебя пострадала, между прочим.

— А зачем вы сняли ее с командиров? Теперь мне из-за этого танцуй с ней, — проворчал Филипчик.

— Ты много говоришь. Достоишься, что музыка кончится... Давай, Женя, иди. Будь мужчиной наконец!

Виктор Иванович незаметно подтолкнул парня, и теперь тому возвращаться было неловко. Получилось бы, что он боится девочек как огня. А между тем Жене хотелось бы, чтобы о нем думали, что он никого и ничего на этом свете не боится.

Под пристальными взглядами мальчишка направился к Олесе Алантьевой. Она в первую минуту нахмурилась и даже немного вобрала голову в плечи.

— Олесея... можно я приглашу тебя на танец? — проговорил Филипчик с очень серьезным выражением.

Девочка вначале помедлила с ответом, потом как бы не-

хотя отделилась от стайки подруг, и они пошли рядышком к взрослым ребятам; встали друг против друга, опустив глаза; Женя осторожно обнял девочку за талию, Олеся тотчас положила ему руки на плечи. И они начали не спеша кружиться, в то время как печальная мелодия бредила романтические души.

Исключая Варю, которая была ужас как уязвлена, скоро на них перестали обращать внимание, и все теперь было хорошо. Они все делали, как большие ребята. Для Олеси это был первый в ее жизни медленный танец; успокоившись, она завела разговор:

— Я эту Цветкову просто ненавижу!

Женя тоже впервые танцевал с девочкой. Он ничего не ответил, подыскивая нужные слова, которые могли бы утешить Олесю.

— Представляешь, она мне сказала, что ты хвалил ее купальник. (Молчание. Сладко звучит главная мелодия кинофильма.) Мне кажется, она обманула меня.

Оба вновь ничего не сказали, отдаваясь во власть музыки. Наконец Женя произнес:

— Для тебя это важно, Олеся?

— Не знаю, — подумав, ответила она.

— Я тебе честно скажу. Мне Варя нравится... Но я не хвалил ее купальник.

Женя почувствовал, как Олеся горько усмехнулась, и ему стало жалко бывшего командира отряда. Но что же он мог поделать, если его сердце принадлежало другой?

— Я тебе тоже честно скажу, — вдруг проговорила Олеся спокойным, даже равнодушным голосом. — Вначале ты мне очень нравился. И мне было неприятно, что ты обращаешь внимание только на Цветкову. Даже дрался из-за нее... Но потом... Только не обижайся, Женя, но ты какой-то ненормальный. Все чего-то ищешь, с привидениями своими носишься... Я с тобой связалась, и вот результат.

— Но при чем здесь я?

— Я не говорю, что ты в чем-то виноват. Просто я жалею, что все так вышло... Ну ничего. Теперь буду знать, что значит с мальчишками связываться.

Женя подумал немного и спросил:

— Я тебе больше не нравлюсь?

— Нет. Ни капельки.

— Скажу тебе честно, Олеся: мне бы очень хотелось, чтобы ты говорила сейчас неправду.

— Я говорю правду, Женя. А поверишь ты или нет, мне это безразлично. А что, ты начал переживать из-за того, что я охладела к тебе?

— Мне кажется, что да.

— Не переживай. У тебя есть Варя.

— Но я не знаю, нравлюсь ли я ей.

— Я думаю, что Цветкова страшная эгоистка, и поэтому ей никто не может нравиться.

— А Владик?

— Да, Владик мог бы ей понравиться. Но я думаю, что и его она не любит.

Эти слова рассудительной Алантьевой утешили того, кто сам только что собирался выступить в роли утешителя.

Тем временем танец подходил к концу: звучали его заключительные аккорды.

— Послушай, Олеся. Пойдем сейчас в беседку, я тебе кое-что расскажу. Ты сразу поймешь, что не такой уж я ненормальный.

Олеся сразу поняла, что Филипчик хочет снова завести речь о призраках, и сперва чуть было не отказалась. Но потом она подумала, что Цветкова обязательно увидит, как они уединились и ведут душевный разговор. «Отлично, Женя! — обрадовалась девочка. — Я потерплю немного твои сказочки».

Пять минут назад, когда зазвучала медленная музыка и Варя увидела, как Женя направляется в сторону девочек, она была почти уверена, что мальчик пригласит именно ее.

И вдруг такой страшный удар по самолюбию! Сердечко Вари зашло от негодования и отчаяния. Она уже склонна была считать, что Женя ей не совсем безразличен. Когда же — о ужас! — он уединился с этой гадкой Алантьевой, Цветкова поняла, что так оно и есть: Женя ей определенно нравится.

— Давным-давно жила в Гольшанском замке прекрасная юная княжна, светлая, как майский день, — усевшись на скамейку (беседку оккупировали ребята из первого отряда), начал тем временем свой рассказ Филипчик и поведал девочке романтическую историю графа Каменского и его несчастной возлюбленной.

Когда он закончил, Олеся глянула в сторону ребят, которые веселились на дискотеке, и, не увидев среди них Варю, сказала:

— Сказки это, Женя. Серьезнее надо быть.

— Я и так серьезный! — попытался возразить Филипчик.

— Нет, не очень. Конечно, страшно спуститься в усыпальницу, где так много черных гробов. Это то же самое, что пойти ночью на кладбище и тебе будут ужасы мерещиться за могильными крестами. Можно даже что-нибудь увидеть... Но всего этого не существует на самом деле. Извини, Женя, я пойду к ребятам.

— Ну ладно, иди, — пожал плечами мальчик. — Я хотел как лучше.

— Ага! — слышалось вдруг за их спинами. — Влюбленная парочка!

Из кустов вылезла Цветкова и тотчас подбоченилась:

— Воркуете, голубки?

Олеся хотела уже уйти, но, увидев соперницу, решила остаться. Она не намерена была уступать поле боя просто так.

— Чего тебе здесь надо? — грозно спросила Алантьева. — Не видишь, люди разговаривают!

— А может, мне тоже надо с Женей поговорить! — бойко отвечала Варя, опасаясь, однако, приближаться к Олеся

слишком близко. (Алантьева была крупнее Цветковой и физически сильнее.)

— Ты, я вижу, еще не уgomонилась? — сказала Алантьева. — Мало получила от меня?

Тут уже возмутился Евгений, потому что ему было неприятно, что так дерзко обижают девочку, которую он уже почти боготворил за ее благородный поступок.

— Погоди, Олеся, — сказал Филипчик и стал между девочками. — Ты же сказала, что я тебе разонравился.

— Серьезно? — весело переспросила Варя. — Она тебе такое говорила?

— Женя, я сказала неправду! — быстро произнесла Алантьева.

— Нет уж, Олесечка! — пошла в наступление Цветкова. — Первое слово дороже второго. Пойдем, Женя, отсюда, если она не хочет уйти.

Губы у бедной Олеси задрожали от жуткой обиды, нанесенной коварной соперницей.

— Ну и целуйтесь тут без меня! — выкрикнула она и убежала.

Женя и Варя остались одни. На дискотеке в это время снова зазвучала лирическая мелодия. Филипчик сказал, указывая на скамейку:

— Присаживайся, Варя. Я очень жалею, что пригласил не тебя, а Олесю.

— Ничего страшного, — тихо отвечала девочка. — Даст бог, еще потанцуем.

— Можем сейчас пойти, если хочешь.

— Нет. Давай просто так посидим.

— Хорошо, — с готовностью отвечал Женя. — Мне очень нравится просто так с тобой сидеть.

После этих слов он сразу же приблизился к девочке и поцеловал ее в щеку. Варя тотчас отодвинулась от него.

— Ты что, Филипчик! — прошептала она, изумленно глядя на мальчишку.

— Извини, — пробормотал Женя. — Я больше не буду так, честное слово!

— Ладно... На первый раз прощается.

Некоторое время они сидели молча и слушали приятную мелодию, доносившуюся издалека. Потом Варя сказала:

— Я слышала ваш разговор с Олесей. Я подслушивала... Это, наверное, очень плохо, да?

— Не думаю... Нет, это совсем даже неплохо! Честно тебе говорю!

— Да? Ну, тогда хорошо... Грустную историю ты рассказал, Женя. Это все на самом деле было?

— Еще как было, Варя! Мне об этом Чеслава Ивановна рассказала, директор музея. А вот существуют ли призраки Гольшанского замка, этого никто не знает. Нет, конечно, привидения многие люди видели. Но можно ли им верить?

— А ты сам веришь в призраков?

— Верю, Варя! Только ты никому не говори об этом, ладно?

— Постараюсь, Женя.

— Олеся назвала меня ненормальным за то, что я ношусь со своими привидениями как с писаной торбой. Я не хочу быть ненормальным. И поэтому я больше не буду заниматься привидениями Гольшанского замка.

— Почему? Мне, может, как раз это и нравится в тебе.

Женя открыл рот от удивления. Все мальчишки в лагере жили нормальной жизнью пацанов, и только он, Евгений Филипчик, был одержим каким-то дурацким исследованием. После разговора с Олесей он уже решил, что надо быть таким, как все, и тогда у тебя не будет никаких проблем. Но вдруг оказывается, что, может, и не следует походить на других, иначе это не понравится такой замечательной девочке, как Варя Цветкова.

— Тот юноша не побоялся пойти на смерть из-за любви. Да-а, — мечтательно протянула Варя. — Раньше мужчины умели любить женщин. А теперь...

Она посмотрела мальчику в лицо и вдруг спросила:

— А ты мог бы совершить ради меня подвиг?

— Конечно! — с жаром произнес Филипчик. — Хочешь, ради тебя я проведу ночь в Гольшанском замке? Как это сделала однажды заместитель Чеславы Ивановны?

— Ночь в замке? Ну ладно, проведи.

— Так и сделаю. Но послушай! А как ты узнаешь, что я не вру?

— А я поверю тебе на слово. Ты честный человек.

— Я переночую там, вот увидишь! Я не испугаюсь!

— Очень хорошо. Потом расскажешь, были там привидения или это все выдумки. Только дождись, пока все уснут, а не то сорвется твой подвиг. Ну все, я пошла, — сказала Вара, поднимаясь. — А ты через минуту приходи. Незачем, чтобы нас обзывали влюбленной парочкой.

Глава XIV

ЛЕГКИЙ ТРЕПЕТ

Но таким ли уж бесстрашным был наш герой, решивший посвятить свой подвиг девочке с цветочками на джинсах? Суровая правда жизни вынуждает нас повременить с дифирамбами в его адрес. Когда тайное ликование, вызванное благосклонностью Вари, улеглось, страх обуял душу Евгения Филипчика. И немудрено! Одно дело держаться молодцом в присутствии слабого пола и мнить себя героем, и совершенно другое — являться таковым, пребывая в полном одиночестве, когда твое хладнокровие сможет оценить разве что призрак.

В этот раз мальчишки будто специально болтали неохотно, и очень скоро во всем корпусе установилась мертвая тишина. Женя бесшумно оделся и выскользнул в окошко, в котором он заранее приподнял шпингалет.

Весь лагерь был погружен в глубокий сон, словно нароч-

но давая возможность безумцу покрывать себя славой или несмываемым позором. Фонари таинственно освещали лесные заросли. Требовалось немалое усилие над собой, чтобы бесстрашно вступить в ночной лес, зная наверняка, что отправляешься навстречу призракам. И Женя смело вошел в этот лес. Повсюду ему мерещились тени, но мальчик говорил себе: «До замка еще далеко. Здесь страшно быть не может». В те же минуты, когда благоразумие призывало повернуть назад, он думал о Цветковой и о том, как он завтра будет держать перед ней ответ.

Женя вышел на дорогу, и вскоре перед ним вырос Гольшанский замок, погруженный во мрак. И только одинокое окошко сторожей светилось во тьме. Взрослые люди боялись в такой час проходить мимо замка; а мальчик шел себе и шел, рискуя в любую минуту увидеть прозрачную женщину, протягивающую руки в мольбе. Он знал: то был еще не страх, а всего лишь прелюдия к нему или просто легкий трепет.

Смелчак встал под раскрытым окном, прислушался. Разговор наших старых знакомых, дрожащих от охватившей их жути, не заставил себя долго ждать.

— Почему ты не пьешь чай, Петр? — тихо спрашивал Кузьмич. — Посмотри, он совсем остыл.

— Не могу я больше тут находиться, — отвечал другой смотритель так же глухо. — Знаешь опечатанную дверь возле графских покоев? Дернул меня черт мимо пройти, когда за водой ходил. Как ты думаешь, что я за ней услышал?

— Приглушенные голоса, вот что ты услышал. Словно туристы шепчутся.

— Верно. Но туристы ли там были?

— Конечно, нет. Откуда им там взяться?

— Вот и я про то же, — грустно произнес Петр.

— Так что же нам теперь, чай из-за этого не пить? Давай будем всю ночь здесь сидеть и никуда не пойдем. А завтра уволимся.

— А как же обход?

— В гробу я видал этот чертов обход.

— И то правильно. А не захотят завтра увольнять, так я и без расчета уйду. С меня хватит.

— И с меня хватит. А сейчас давай все-таки чаевничать.

— Давай, Кузьмич. Все лучше, чем сидеть и дрожать от страха.

— О том и речь, дорогой мой товарищ, — со шемящими нотками в голосе проговорил Кузьмич.

Женя больше не стал подслушивать несчастных мужчин; задрав голову, он крикнул:

— Эй! Впустите меня, пожалуйста!

С минуту стояла гробовая тишина. Затем показалась голова старшего охранника. На лице Кузьмича сперва читалась растерянность, но потом его губы расплылись в доброй усмешке.

— Отбой воздушной тревоги, Петр, — сказал он напарнику, обернувшись к нему. — Это тот пацан, который сегодня к нам приходил.

— А что ему надо? — послышался голос Петра из глубины комнаты.

— Наверное, тоже привидение хочет увидеть.

— Такпусти его, пусть погуляет по замку.

Кузьмич свесился из окна и протянул Жене обе руки.

— Хватайся и влезай, а то дверь на сигнализации.

Без лишних разговоров Женя взялся за крепкие руки Кузьмича и спустя мгновение уже находился в комнате. Мужчины обрадовались неожиданному гостю, и мальчик понял, почему: на какое-то время страх покинул этих больших и на первый взгляд неустрашимых людей.

— Ты Петра не слушай, — сказал Кузьмич. — По замку мы тебе, конечно, разгуливать не разрешим, а вот чаем напить можем.

— Скажите, пожалуйста, — начал Женя немного издалека. — Вы сегодня ночью спать будете?

Сторожа переглянулись, еще не зная, куда клонит их гость. Кузьмич ответил:

— Ну, вообще-то, у нас так было заведено: один дремлет, другой замок сторожит. Потом меняемся. Но сегодня мы спать не будем.

— Мы последнюю ночь здесь дежури́м, — сообщил Петр. — Это я тебе, парень, точно говорю.

Тогда Женя перешел к сути дела.

— Позвольте мне переночевать в кабинете Чеславы Ивановны, — проговорил он умоляющим голосом. — Я буду хорошо себя вести. Точнее, никак не буду себя вести, потому что засну как убитый. А вы станете проверять, на месте я или по замку пошел бродить.

— Что за блажь тебе в голову взбрела! — возмутился Кузьмич. — Да нам за это знаешь как влетит!

— Но вы же все равно увольняе́тесь! А я хочу доказать, что никаких призраков не существует и что вы просто трусите, как девчонки!

Петр грозно глянул на мальчишку и даже привстал, но Кузьмич, рассмеявшись, остановил его властным жестом.

— Мальчик помешан на привидениях, — сказал старший охранник напарнику. — Такое в жизни бывает. Только вот что я тебе скажу, маленький храбрец. Диван у Чеславы Ивановны, конечно, кожаный, но мне совсем не хочется мыть его тряпочкой, после того как ты от страха... того. В штанишки сходишь.

— Хорошо сказано! — воскликнул Петр.

— Никуда я не схожу! — возмутился Филипчик. — Вы просто боитесь, что вам будет стыдно! Взрослые дрожат, как трусливые девчонки, а ребенок не дрожит! Спит себе спокойно, и все тут!

Мужская натура Петра не вынесла таких оскорблений. Он вскочил и сказал Кузьмичу:

— Дорогой мой напарник! Давай посмотрим эту кассету!

И мальчик пусть с нами посмотрит! А потом увидим, что он запое!

— Ну что же, — рассудительно произнес Кузьмич. — Раз такое дело... Видишь ли, мальчик, тут к нам турист вечером приезжал. Кассету привозил. Говорит, что вчера, во время экскурсии, отстал от группы, чтобы повстречать привидение и снять его. Представь себе: и повстречал, и снял! И подарил нам эту кассету.

— Мы ее еще не смотрели, — сказал Петр. — Но раз такое дело, как говорит Кузьмич...

— А у вас есть видак? — спросил Женя.

— Найдется, — отвечал Кузьмич. — В кабинете у Чеславы Ивановны.

Было бы несправедливо полностью отнести сторожей Гольшанского замка в разряд заячьих душ. Сперва они нашли себе хорошую отговорку: без директора смотреть кассету не следует. Но сейчас дело приняло несколько иной оборот, и Кузьмич с Петром смело отправились в кабинет Чеславы Ивановны, увлекая за собой мальчишку; отважно вставили в магнитофон кассету.

— С богом! — торжественно произнес Кузьмич. И тут же сказал Филипчику: — Только ты смотри на экран. Не отворачивайся и глаза не закрывай.

У Жени и в мыслях такого не было. Он прилип взглядом к экрану телевизора.

Изображение появилось внезапно, и все тотчас увидели, как в дальнем конце коридора кто-то исчез за дверью, так что невозможно было понять, человек ли это промелькнул секунду назад или призрак.

— И все? — весело спросил Петр.

— Подождите, друзья, — степенно проговорил Кузьмич. — Я понимаю так: турист шел по коридору, увидел привидение, вскинул камеру — привидение исчезло. Посмотрим, что дальше будет.

Пока ничего не происходило: видеокамера пронируливо-

го туриста с унылым упорством снимала пустой мрачный коридор и сумрачную дверь в дальнем его конце.

— Это Галерея призраков, — прокомментировал Кузьмич. — Коридор ведет в усыпальницу.

— Я был там с Чеславой Ивановной, — заявил Женья.

— Да уж мы знаем, — отозвался Петр. — А девочка твоя побоялась идти.

— Очень благоразумная девочка, — сказал Кузьмич. — Все бы ребята были такими.

Больше никто ничего не говорил. Казалось, что наступившая в директорском кабинете тишина длится бесконечно, но интерес ни у кого из наблюдавших не ослабевал. Вдруг Кузьмич проговорил в крайнем удивлении:

— А посмотрите-ка! Что за чертовщина! Да я глазам своим не верю!

От этих слов у Жени мороз по коже пошел. Он начал всматриваться в экран более внимательно, однако никакого привидения пока не видел. Тогда Женья подумал: «Может, они смеются надо мной?» Но тут же отбросил эту мысль, потому что Петр произнес дрожащим голосом:

— Не смейся над нами, Кузьмич! Что ты видел?

— То же, что вижу сейчас! Разуьте глаза!

— Ну, разули, — сказал Петр. — И ничего нет.

— Вот именно, что ничего нет. Двери нет! Видите?

Напарник многоопытного Кузьмича откинулся и медленно закрыл ладонью рот. Впрочем, Женья уже сам прекрасно видел удивительную картину, от которой бросало в жар: дверной проем оставался, но массивная старинная дверь бесследно исчезла, а вместо нее образовалось темное мрачное пятно, или пустота, правильнее сказать.

— Выключи это немедленно! — с каким-то ужасающим отчаянием прошептал Петр.

Кузьмич, глядя на экран во все глаза, отрицательно пока-

чал головой. И в следующую минуту произошло то, чего все так ждали и боялись.

Из мрака, окутанная клубами тумана, медленно выплыла фигура в черной старинной одежде. Лица вначале никто не рассмотрел, но потом все с ужасом осознали, что если лицо и было, то это было не человеческое лицо, а нечто совершенно неясное и вместе с тем ужасное.

Фигура начала медленно и плавно приближаться к тому, кто ее снимал... И вдруг все моментально исчезло с экрана, словно и не было ничего.

— Все понятно, — сказал Кузьмич. — Турист бросился наутек.

После этого всеобщее молчание длилось еще добрую минуту, пока его не нарушил Петр. Он сказал:

— Чтобы я остался в этом замке? Да черта с два!

— Да уж, — глубокомысленно проговорил Кузьмич.

Сторожа заперли кабинет директора и повели мальчика обратно. Спрашивали, надо ли его проводить в лагерь. Женя отвечал, что, мол, сам дойдет. Настроение у него было отвратительное, потому что завтра ему будет нечем блеснуть перед Варей. Конечно, он расскажет об ужасной касете, но ведь они договаривались о другом. Да и вообще: ах, как наивно было надеяться, что кто-то разрешит ему остаться в Гольшанском замке на ночь!

Женя сказал добрым зрителям: «Везет вам. Можете всю ночь здесь сидеть», — после чего простился с ними, пожелав бодрости духа, и выпрыгнул в окно.

Однако в лагерь сразу не пошел, а решил вначале обойти замок. Не думая о том, что в любую минуту на его пути может встать привидение (о, если бы это произошло!), он отправился вдоль высокой крепостной стены. «Ухуу-ху... Ухуу-ху» — послышалось вдруг из леса. Но мальчик лишь горько усмехнулся. Он свернул за угол, через некоторое время опять свернул, двигаясь вдоль третьей стены. Надо

Из мрака, окутанная клубами тумана, медленно выплыла фигура
в черной старинной одежде.

было еще раз повернуть направо, чтобы в конце концов снова оказаться возле парадного входа, пройдя под закрытым окошком сторожей.

До угла оставалось всего ничего, когда Женя увидел низенькую дверь в стене. На всякий случай мальчик подергал ее: ну, естественно, она была заперта. Женя двинулся дальше.

Неожиданно за его спиной раздался какой-то звук, похожий на щелчок! Мальчик резко обернулся и уставился на эту дверь. Возможно, кто-то за крепостной стеной открыл замок? Или он сработал сам по себе? «Надо подойти и попробовать толкнуть», — мелькнула мысль у мальчишки.

Только он так подумал, как дверь медленно и совершенно беззвучно отворилась. Женя постоял в нерешительности с минуту, затем быстро подошел, наклонился и скользнул внутрь дворца, сразу же очутившись в кромешной тьме. Не успел он что-либо сообразить, как вдруг сзади послышались стук закрываемой двери и все тот же щелчок, что могло означать одно: снова сработал замок. Женя повернулся, нащупал ручку двери и подергал на себя. Так оно и было! Дверь опять заперта!

Некоторое время он просто стоял, пока глаза привыкали к темноте. И только слышал, как бешено колотится его сердце. Затем нащупал стену справа от себя и вдоль нее двинулся вперед. Скоро он споткнулся о ступеньку; потрогав ее ногой, определил, что перед ним лестница, и, продолжая держаться за стену, начал подниматься.

Подъем длился недолго: Женя натолкнулся еще на одну дверь, судя по всему, очень массивную. Внезапно и эта дверь бесшумно отворилась перед ним, и тотчас мрак рассеялся, уступая слабому свету, который струился где-то впереди. Женя двинулся на свет и уже не оборачивался, когда стало ясно, что дверь за ним была тихо затворена.

Вскоре он вышел в огромный коридор. Бросив взгляд на портреты вельмож и старинное оружие, мальчик догадался, что находится в Галерее призраков, как точно выразился старший сторож замка. Но куда сейчас путь держать? С одной стороны галерея заканчивалась кабинетом директора, в другой ее стороне была расположена усыпальница. Женя посмотрел направо — туда, где, подобно стражникам, застыли рыцари в доспехах, все как один повернувшие головы в сторону мальчика. Но, может, ему все это привиделось такое? Женя стряхнул с себя оцепенение, подумал еще немного... и принял решение — пробираться к директорскому кабинету.

Мальчик двигался по этому жуткому ночному коридору, ступая на носочки и не смея обернуться. Ему казалось, что если он посмотрит назад, то обязательно кого-нибудь увидит.

Наконец он дошел до конца, собрал все свои душевные силы и обернулся. В мрачном коридоре никаких привидений не было видно, однако всматриваться в дальние очертания предметов Женя не стал. Он заметил, что дверь, которую у него на глазах заперала Чеслава Ивановна, так же, как и все другие двери, сквозь которые он только что проходил, была отворена. Ничему больше не удивляясь, Женя свернул в еще один коридор, ведущий к парадному входу в музей и в помещения сторожей. Из комнаты Кузьмича с Петром лился мягкий ровный свет.

Подойдя на цыпочках к директорскому кабинету, Женя попробовал приоткрыть дверь. О чудо! Ему удалось это сделать без малейших усилий! Когда же мальчик вошел в темную комнату, дверь плавно, но быстро затворилась сама по себе. Послышался глухой щелчок в замке.

Женя лег на диван, на бок, сжал коленями ладони. Мальчика слегка трясло от нервного напряжения. Очень скоро, однако, бог сновидений Морфей смежил ему веки.

Глава XV

МОЛЬБА

Никогда такого не было, чтобы Варя Цветкова просыпалась среди ночи от непонятной тревоги и даже ужаса, побуждающего запищать тоненьким голоском: «Ой, мамочка!» Слава богу, не маленькая уже!

Но этой ночью именно так и произошло: Варя проснулась, резко села на кровати и начала всматриваться в темные очертания комнаты. Все девчонки были на месте, и все крепко спали. Кто-то тихо посапывал, но этой девочкой была отнюдь не разжалованная Алантьева. Варя некоторое время смотрела на свою соперницу. Дыхание Олеси было бесшумным и легким.

Варя тихонько прыгнула с кровати, влезла в джинсы, натянула майку, сунула босые ноги в кроссовки, но не стала их зашнуровывать. Она на цыпочках вышла в коридор. Настенные часы размеренно тикали в тишине и показывали далеко за полночь. На месте ли Филипчик, подумала девочка. А если нет, если он все же отправился в Гольшанский замок совершать свой подвиг, то как ему там, бедному? Очень ли страшно?

Она прошла к палате мальчишек, осторожно приоткрыла дверь, заглянула в комнату. Здесь тоже посапывали. Вначале Варя увидела, что там, где должна была находиться кровать Филипчика, кто-то спал, накрывшись одеялом с головой, и почувствовала разочарование. Однако тотчас поняла, что ошиблась: это были другая кровать и другой мальчик. Варя обрадовалась, и тотчас же Филипчик вознесся в ее представлении на довольно значительную высоту. «Бедный Женя, — подумала девочка, вздыхая. — Видел ли ты кого-нибудь в своем замке? Кричал ли от страха?»

В этот момент Владик также проснулся непонятно отчего. Полежав мгновение с открытыми глазами, он обернулся и увидел в дверях фигуру. Владик быстро накрылся одеялом

с головой и там, под одеялом, вдруг жалобно и протяжно закричал: «А-а-а...»

Цветкову как ветром сдуло: она помчалась в свою палату. Забравшись в кровать, она какое-то время лежала тихо, как мышка. Потом глаза ее стали слипаться, и девочка заснула.

* * *

Женя проснулся в холодном поту оттого, что какие-то маленькие существа пытались проникнуть в комнату сквозь дверные щели и при этом отвратительно хохотали. Когда же он сел на диване и протер глаза, существа исчезли. Щелей в дверях тоже никаких не было. «Это всего лишь сон», — подумалось мальчику.

В следующее мгновение он услышал в коридоре шаги. «Что ж, — рассудил Филипчик, — сторожа делают обход». Однако, во-первых, он вспомнил, что Кузьмич и Петр не собирались покидать свою комнату этой ночью; во-вторых, шаги были слишком размеренными для обыкновенного обхода. Более того, внезапно Женя осознал, что шаги приближаются к директорскому кабинету... Подумав: «Ну все, началось!» — мальчик призвал все свое мужество.

Тот, кому принадлежали эти странные шаги, приблизился к двери и замер. Последовавшая затем тишина длилась очень долго, и все это время Женя сидел на диване ни жив ни мертв.

Но вот снова раздались шаги — кто-то за дверью начал удаляться, и вскоре опять стало очень тихо. Женя посидел еще немного, потом подошел к двери, отпер замок, выглянул в коридор. Абсолютное безмолвие царило в замке. В комнате сторожей не подавали признаков жизни. Возможно, Кузьмич и Петр заперлись и уснули, выпив перед этим по две чашки своего любимого чая.

Женя прикрыл дверь, запер замок и лег на диван, повернувшись к двери спиной. Он уже начинал проваливаться в

сон, когда в коридоре вновь слышались шаги: кто-то опять медленно приближался к кабинету Чеславы Ивановны. Подошел, остановился... Потекли минуты томительного ожидания. «А что, если призрак уже в комнате?» — мелькнула мысль у мальчика. Он решил, что будет просто лежать, не оборачиваясь. И незаметно уснул.

Его разбудил стук в дверь. Вначале Женя испугался, но затем уяснил себе, что это самый обыкновенный стук в дверь: привидения так стучаться уж точно не станут.

Тут мальчик увидел, что в кабинете находится Петр. Смотритель встал из-за стола Чеславы Ивановны и пошел открывать. Дверь отворилась, Женя услышал приглушенный голос Кузьмича. Сторожа о чем-то шептались, стараясь не разбудить своего гостя: они полагали, что он спит. Мальчик мысленно поблагодарил их за это.

Потом Петр вышел в коридор, прикрыл за собой дверь, и сторожа, очевидно, отправились в свою комнату, продолжая тихо беседовать. Когда их голоса смолкли, Женя почувствовал себя одиноким и захотел поскорее очутиться в комнате смотрителей. Он попытался вскочить с дивана, но вдруг с ужасом осознал, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Женя вознамерился заорать что было сил, но и это его стремление успехом не увенчалось.

И тут мальчик почувствовал, что к нему приближается некто, одетый во все черное. Женя тотчас же закрыл глаза — единственное, что он смог сделать.

Так он лежал долгое время, ясно ощущая чье-то присутствие рядом с собою. Ужас, исключаящий все другие чувства, ледяным холодом сковал его душу.

В какой-то момент ему показалось, что в дверь постучались. Женя прислушался, не повторится ли стук. Спустя минуту этот отчетливый звук повторился: в дверь явно кто-то стучал. Одновременно силы вернулись к мальчику — он вскочил с дивана, не думая о том, что рядом с ним может кто-то находиться.

В комнате никого не было. В этот момент снова раздался стук в дверь, и Женя вначале обрадовался: значит, до этого ему всего лишь снился кошмарный сон. Однако, когда мальчик подбежал к двери и распахнул ее, в пустынном и жутком коридоре никого не оказалось.

В следующий миг он услышал легкие удаляющиеся шаги. Выглянув в коридор и посмотрев вначале налево, а затем направо, Женя чуть не вскричал: перед ним мелькнула белая женщина, свернувшая в Галерею призраков. Дверь, которую директор музея запирала своим ключом, была распахнута. Постояв какое-то время в нерешительности, Женя заставил себя сдвинуться с места и войти в эту галерею.

В конце ее, удаляясь все больше и больше, плыл настоящий призрак — прозрачная женщина, состоящая как бы из одного струящегося воздуха. Женя быстро пошел за нею, не слыша своих шагов.

Когда он проходил мимо одной из многочисленных комнат, за дверью слышались глухие голоса, словно там шепталась целая толпа: люди вели себя почтительно, но казалось, что они были возмущены; раздавались звон оружия и доспехов, торопливые шаги.

Женя миновал эту комнату и едва не вскричал, обливаясь холодным потом: со стены на отчаянного мальчишку смотрел в упор граф Каменский. Его живые глаза горели огнем ненависти, а бледные уста трогала усмешка.

Привидение между тем скрылось за дверью в конце галереи, и Женя поспешил за ним. Достигнув этой двери, он посмотрел назад, побуждаемый произвольным импульсом: в сторону мальчика медленно плыло нечто страшное, черное, с лицом, совсем не похожим на лицо человека.

Женя закрыл за собой дверь и тотчас увидел вдалеке прозрачную женщину. Не могло быть сомнений в том, куда она держала путь: призрак направлялся в усыпальницу. Мальчик бросился бежать в том же направлении, лишь бы поскорее удалиться от другого призрака, идущего следом.

Массивная металлическая дверь с кодовым замком была распахнута настежь. Струился лунный свет, благодаря чему виднелись ступеньки, ведущие в подземелье. Терзаемый страхом и отчаянием, Филипчик ринулся вперед. Он спустился по широкой лестнице, словно вошел в вестибюль метро, и точно так же, как и тогда, с Чеславой Ивановной, оказался в небольшом коридоре, где на стенах висели светильники в виде старинных факелов. Только теперь от них исходило лунное сияние.

Женя прошел через еще одну раскрытую дверь и начал спускаться по винтовой каменной лестнице в самое чрево Гольшанского замка, полное жутких тайн и мертвого безмолвия.

Наконец он очутился в галерее с черными мраморными гробами на постаментах. Женя быстро прошел вперед и остановился возле гроба графа Каменского. В тот же миг оттуда донесся отвратительный хохот.

— А я все равно не боюсь! — закричал мальчик, хотя у самого слезы на глазах выступили.

Только он произнес такие смелые слова, как во всех остальных гробах разом зашевелились, заговорили глухо, и вся усыпальница наполнилась возмущенным ропотом. У Жени волосы встали дыбом: над гробами заструились ввысь черные контуры, принимающие очертания человеческих фигур. Мальчик повернул было назад, чтобы бежать без оглядки из этого страшного места, но в усыпальницу кто-то медленно спускался, преграждая путь. Тогда Женя помчался в противоположную сторону, хотя прекрасно знал, что сейчас он упрется в стену. «Пусть уж лучше я разобьюсь насмерть, чем такое видеть и слышать!» — решил Женя.

Он разгонялся все больше и больше, в то время как восставшие из гробов тени обступали его с двух сторон. Но в самый последний момент, когда казалось, что столкновение с каменной стеной неминуемо, перед ним образовался

длинный и мрачный коридор — Женя ворвался в него и припустил во весь дух, удивляясь тому, что ноги его касаются пола совершенно беззвучно, словно все происходило не наяву, а по-прежнему в кошмарном сне.

Каменный тоннель плавно уходил вниз и в сторону. Женя видел, что бежит как бы по спирали, опускаясь под землю все глубже и глубже. Он не смел остановить свой бег, чтобы перевести дух и оглянуться. Мальчик даже споткнулся и, грохнувшись наземь, разорвал до крови коленки и ладони. Но он тут же вскочил и снова припустился бежать, не обращая внимания на самую настоящую боль.

В скором времени он влетел в еще одну галерею, в конце которой мелькнула призрачная женщина, свернувшая, очевидно, в другой коридор. Тут Женя позволил себе замедлить бег и с содроганием глянул назад. Вначале он ничего ужасного не заметил, но в следующий миг скорее почувствовал, чем увидел, что черные тени приближаются. Еще чуть-чуть — и, точно, из мрака выплыл призрак графа Каменского с нечеловеческим лицом, однако с горящими лютой ненавистью глазами, как это порой бывает у живых людей.

Женя снова бросился бежать и вскоре достиг того места, где белая женщина свернула в другой коридор. Здесь действительно была еще одна галерея, и в конце ее мальчик вновь увидел прозрачный струящийся призрак.

И этот коридор, по которому Филипчик летел сломя голову, уводил мальчишку все глубже и глубже под землю. Временами галерея выравнивалась (и тогда Женя видел впереди белую женщину), а затем снова уходила вниз.

Вдруг на его пути возникла черная фигура в старинной одежде, в меховой шапке с перьями и саблей на поясе. Лица этого привидения Женя не успел разглядеть. Он закричал:

— Уйдите с дороги, ради бога!

И с разбегу врезался в призрака... но тотчас прошел сквозь него, как нож сквозь подтаявшее масло. Моментально стало трудно дышать, в теле возникла тяжесть, и Женя, закашлявшись, сбавил ход. Спотыкаясь, он сделал несколько шагов, упал на колени, поднялся, прошел еще немного вперед... и вдруг сорвался вниз.

Падая он, впрочем, недолго — мягко приземлился на сырую землю.

Вначале Женя пребывал в кромешной тьме. Он вертел головой во все стороны, тщетно пытаясь что-либо разглядеть. Мальчик хотел уже двигаться в различных направлениях на ощупь, чтобы понять, где, в какой такой яме он оказался, как вдруг перед ним, шагах в десяти, возникла все та же прозрачная женщина, излучающая лунный свет.

У нее было красивое, но уж очень страдальческое лицо, на котором читалась мольба о помощи. Женщина пристально смотрела на Женю, и Филипчик тоже на нее смотрел. Скорее, он видел перед собой не взрослую женщину, а совсем еще юное, хотя и призрачное, создание.

Тут Женя заметил, что призрак начал смотреть куда-то мимо него, и понял, что сзади кто-то приближается. Снова животный страх объел все его тело до самых кончиков волос и всю его трепещущую душу. Он не посмел обернуться, пригвожденный к месту неведомой силой.

Прозрачное привидение подплыло к окаменевшему парню, и тот почувствовал прикосновение к своей щеке чего-то легкого и прохладного. «Помоги мне, мальчик...» — услышал он слабый голос.

После чего прозрачная женщина растаяла на глазах, а вместо нее что-то очень тяжелое навалилось на Женю и словно придавило его к земле. Одновременно пропал лунный свет — и воцарилась тьма.

Глава XVI

ВАРЯ

Наступило утро, такое же солнечное и веселое, как и раньше. Петр проснулся первым, зевнул от души, затем убедился, что уже окончательно рассвело, и, посмотрев с теплотой на спящего Кузьмича, отправился за водой. Вот и прошла их последняя ночь в этом чертовом замке, с удовольствием отметил про себя сторож.

Возвращаясь обратно с полным чайником, он окинул внимательным взором пустынные коридоры. «Что ж, — усмехнулся Петр, — если у привидения есть желание снова испугать его, взрослого и вполне самостоятельного человека, то он готов увидеть или услышать нечто жуткое. А после он расскажет обо всем Кузьмичу, и они уйдут отсюда навсегда, как только закончится смена. И ноги их больше не будут в этом проклятом месте!»

Однако никто не появлялся в сумрачных галереях и никаких подозрительных звуков не раздавалось. Ну еще бы! И призракам отдых требуется.

Тут Петр вспомнил, что Чеслава Ивановна просила полить в ее кабинете цветы. Это надо было сделать еще вечером, да они с Кузьмичом как-то забыли. Петр рассудил: лучше полить сейчас, раз уж вспомнил, а то потом опять забудешь.

Он вернулся в комнату, включил чайник, взял связку ключей и отправился в кабинет директора.

Долго перебирал связку в поисках нужного ключа, потом долго отпирал: непонятно отчего замок заедал. Наконец Петр толкнул дверь и вошел в кабинет.

В этот момент как раз пробудился его напарник: сон Кузьмича был крепким и здоровым, и поэтому старший охранник чувствовал себя превосходно. Кузьмич сладко потянулся... и вдруг подскочил как ужаленный: мертвую тишину замка прорезал истошный вопль Петра.

— Проклятое место! — крикнул Кузьмич, выхватил из кобуры пистолет и пулей вылетел в коридор. — Сегодня же уволюсь ко всем чертям! — кричал он, подбегая к директорскому кабинету.

Удивительная картина предстала взору бывалого сторожа. На диване сидел испуганный мальчишка из детского лагеря «Сокол» и во все глаза смотрел на бледного как смерть Петра, который уже сообразил, что вопль его был, мягко говоря, неоправданным: в кабинете Чеславы Ивановны, на ее знаменитом кожаном диване, минуту назад спало отнюдь не привидение.

— Доброе утро, мальчик, — пробормотал Петр.

— Здравствуйте, — отвечал Филипчик.

Кузьмич потребовал объяснений, но Женя не мог сказать ничего вразумительного.

— Я обходил замок, — вспоминал Филипчик события позднего вечера. — Вдруг передо мной стали открываться все двери...

— Сами собой? — насмешливо спросил Кузьмич.

— В том-то и дело, что да! Так я попал в кабинет Чеславы Ивановны. Потом ко мне пришел черный призрак. А после я проснулся и увидел, что в кабинете сидит ваш товарищ, — мальчик указал на Петра.

— Делать мне больше нечего, как ночью по замку бродить, — усмехнулся Петр.

Кузьмич решил не выяснять, каким образом этот прыливый мальчишка очутился в кабинете директора: призраки ли ему помогли или он сам ухитрился проникнуть в замок, после того как ушел, — это уже не имело большого значения. Сейчас надо было дожидаться Чеславу Ивановну, торжественно вручить ей заявление об уходе по собственному желанию и уйти из этого замка навсегда, а также с гордо поднятой головой. Директор сама виновата, полагал Кузьмич. Кто только ей не говорил о привидениях! А она

знать ничего не желает. Для нее, видите ли, посещаемость музея превыше всего!

Кузьмич довел мальчика до парадных дверей и, отключив сигнализацию, отпустил его с богом. Женя поспешил в лагерь, очень довольный собой и жизнью. Ему теперь есть о чем рассказать Варе и, чего греха таить, есть чем перед ней похвастаться. Женя промчался через утренний лес, наполненный ранним пением птичек и залитый косыми лучами восходящего солнца, перемахнул через высокий забор спящего лагеря, юркнул обратно в приоткрытое окошко и через две-три секунды уже лежал в постели, словно и не было у него перед этим ночи, полной кошмаров.

В девятом часу утра в замок приехала на собственном автомобиле Чеслава Ивановна. Она отругала сторожей за то, что они посмели вручить ей видеокассету с привидением и заявления об уходе. Чеслава Ивановна разорвала заявления, сказала, что никого никуда непустит, и ушла в свой кабинет, где положила видеокассету в сейф, так и не посмотрев ее. «После как-нибудь», — подумала она.

Директора можно было понять: в Гольшанском замке катастрофически не хватало сторожей. Сегодня, например, уже дошло до того, что Кузьмич и Петр вынуждены были задержаться на дежурстве, пока их не сменили новенькие — двое несчастных мужчин, которые еще не подозревали, с чем они связываются. Кузьмич и Петр пожелали им счастливого дежурства, втайне посмеиваясь над глупцами, и, довольные тем, что теперь они умнейшие из умнейших, отправились на автобусную остановку. Петр твердо знал, что сюда он больше никогда не вернется. Кузьмич же, если честно, в этом сомневался, но вида не подавал, разделяя с напарником ликование.

Вводя вновь прибывших в курс дела, Чеслава Ивановна честно предупредила, что суеверные и просто впечатлительные люди распускают о Гольшанском замке нелепые слухи, но вы-то, мол, люди взрослые и вполне самостоя-

тельные, поэтому таинственный вид ночных галерей вас не смутит. Новички лишь посмеялись над суеверием наивных людей. Когда же они пошли в свою комнату, Чеслава Ивановна проводила сторожей долгим внимательным взглядом. После чего сама отправилась в свой кабинет, ни сном ни духом не ведая о том, что за ее спиной из мрачных далей галереи выплыла черная фигура с лицом, которое могло бы внушить ужас даже самому отчаянному храбрецу. Призрак словно надеялся, что женщина, отпирая дверь, повернет голову в его сторону, слабо вскрикнет и рухнет наземь без чувств. Но Чеслава Ивановна так ничего и не почувствовала и головы не повернула. Тогда черный призрак плавно удалился обратно во тьму.

* * *

Варя еще в столовой во время завтрака обменялась с Женей многозначительными взглядами, и мальчику это очень понравилось. У него с такой красивой девочкой, как Варя Цветкова, была своя тайна!

Та, ради которой безумный храбрец все-таки совершил подвиг, уже знала, что Виктор Иванович насилу добудился Филиппчика, после того как увидел, что мальчишки не было на зарядке.

Женя успел урвать от утреннего сна, и сейчас он чувствовал себя прекрасно, согреваемый к тому же мыслью о том, что скоро он расскажет девочке о подробностях ужасной ночи. И вообще: странное дело, но было похоже на то, что общение с Белой Дамой только прибавляло ему сил; а вот Черный Господин, наоборот, силы отнимал, и после невероятного напряжения, вызванного появлением этого призрака, в теле возникала слабость.

Сразу поговорить с Варей не удалось. Женя очень расстраивался из-за этого. После завтрака была уборка территории, потом последовало мероприятие на свежем воздухе,

запланированное загодя и утвержденное Натальей Васильевной, — скучное, но весьма важное, если верить исполнительному Виктору Ивановичу. А затем все пошли на речку купаться и загорать: тут уж сам бог велел на какое-то время выбросить из головы все привидения. Но когда отряд накупался вволю, Женя снова с горечью подумал о том, что его подвиг безразличен Варе и что она совсем даже не вспоминает о своем герое. Тяжкая тоска наполнила юную душу, и яркий свет солнца вмиг померк... И вдруг, когда все собирались идти обратно в лагерь, к Жене подошла Варя и сказала, хмыкнув с недовольным личиком:

— Только и делаю сейчас, что о тебе думаю. Вот интересно!.. Короче. Как только начнется тихий час, отправляйся в лес нашей с тобой дорогой и жди меня возле большой сосны. Помнишь ее?

— Да я!.. Ну, конечно, помню! Я обязательно приду! Я, можно даже сказать... вообще!.. — воскликнул Филиппик, путаясь в словах и мыслях при полной ясности чувств.

— После расскажешь. — Девочка повернулась и пошла к подружкам.

А между тем общение нашего героя с дамой сердца отнюдь не ускользнуло от заинтересованного взгляда бывшего командира отряда.

Олеся задумалась: все, что еще утром казалось ей совершенно четким и определенным, теперь было подернуто легкой дымкой. А вдруг быть или не быть командиром третьего отряда — еще не самое важное в жизни?

Оставшееся до послеобеденного отдыха время Евгений провел в предвкушении свидания, на котором ему предстояло окончательно раскрыть перед девочкой тайну Гольшанского замка. Сердце его то и дело замирало в томлении и блаженстве, но мозг при этом работал, как швейцарские часы. Никогда еще мысли его не были столь ясными, как сейчас. Он жаждал славы и мнил себя первым героем, умницей и храбрецом. Ему очень хотелось, чтобы Варя обра-

тила на него самое пристальное внимание, а потом в него влюбилась. Он мечтал о той победоносной и сладостной минуте, когда он, усталый, как окровавленный воин после битвы, укажет взрослым на стену, в которой была замурована живьем несчастная княжна. Разумеется, это место он видел во сне, когда ночевал в Гольшанском замке. А может быть, и не во сне! Кто знает наверняка такие тонкие, призрачные материи! Он снова отправится в этот сон и опять совершит подвиг. И Варя скажет ему: «Ты самый отважный мальчик на свете!» И даже поцелует его. Или разрешит, чтобы это сделал он сам. Конечно! Женя слышал от кого-то или где-то читал — сейчас уже припомнить точно невозможно, — что женщины не должны первыми признаваться в любви и первыми целовать мужчин. И поэтому Варя скажет ему вот что: «Ты самый храбрый и умный мальчик на свете! Я горжусь тобой. Если хочешь, можешь за это меня поцеловать». И он поцелует Варю и скажет: «Спасибо тебе большое, Варя! Ты тоже самая красивая и добрая девочка на свете. Я тоже горжусь тобой. У тебя действительно самый красивый в мире купальник. И джинсы. И вообще...»

Тут Филипчик почувствовал, что его стало уж чересчур заносить. В самом деле: ну ладно купальник, это еще можно понять; но при чем здесь джинсы? Мало ли на свете всяких джинсов, наверняка есть такие, что просто закачаешься. Дело ведь не в них. И даже не в купальнике. А в том деле, что, если бы не Варя Цветкова, он едва ли отважился бы на подвиг, о котором до сих пор ни один взрослый не помышлял, даже сторожа Гольшанского замка. Вот в чем суть!

Наконец, час настал. Женя быстро оделся и бесшумно проследовал в сторону окна. Напоследок обернулся: Владик как раз оторвал голову от подушки и поглядел на приятеля сонными глазами.

— Я тут ненадолго, — прошептал ему Филипчик. — А ты спи давай.

Денисов лег и тотчас погрузился в сон. Убедившись в этом, Женя выскользнул в окно.

Когда он обошел корпус, то увидел, что Варя уже перелезла через забор и теперь собирается с духом, чтобы прыгнуть на землю. Еще секунда-другая — и девочка сиганула вниз, отчего сердце Филипчика еще больше наполнилось нежным чувством к ней. Он подождал, пока Цветкова удалится в лес, и пошел следом.

Большая сосна, возле которой Евгению было назначено свидание, росла возле тропинки, ведущей к замку напрямик. В этом месте лес редел, образуя крохотную полянку. Две высокие сосны, как часовые, высились на краю поляны, обступая с двух сторон тропинку, которая продолжала тянуться сквозь заросли молодых деревьев и кустарников. Получалось нечто вроде затененного коридора или тоннеля, а за ним виднелась еще одна полянка, щедро залитая солнцем. Лес был полон живых голосов и звуков: щебетали птицы, шумел ветерок высоко в кронах, тут и там потрескивали сучки, словно кто-то бродил поблизости.

Преисполненный чувства собственного достоинства, Женя вышел из-за дерева — именно в тот момент, когда Варя стояла к нему спиной. Девочка обернулась и вскрикнула.

— Ты зачем меня пугаешь? — сказала она с упреком.

— И не думал даже, — сдержанно отвечал Филипчик. Впрочем, играть и дальше роль отважного героя он был уже не в силах, поэтому заговорил более естественным тоном: — Извини, Варя. Мне надо было сразу тебя окликнуть.

Девочка уселась на возвышении под сосной и жестом велела мальчику сесть рядом.

— Мне все время кажется, — сказала она, — что за нами кто-то следит.

— Если бы тебе такое казалось в замке, в это можно было бы поверить.

— Очень страшно было?

— Да, Варя. Настолько страшно, что я уже подумал, что вот-вот умом тронусь.

— Призраков видел?

— Еще бы! И не только призраков. Со мной вообще чудеса происходили. Им нет разумного объяснения.

И мальчик начал рассказывать. Для начала он сообщил о привидении, которое один из туристов снял на видеокассету.

— Я видел призрака точно так же, как сейчас вижу тебя. И сторожа видели, Петр и Кузьмич. Но это были еще цветочки.

Затем Женя рассказал о том, как его выставили за дверь и включили охранную сигнализацию, но он все равно проник в замок, и никакая сигнализация сторожам не помогла, потому что потайная дверь отворилась перед ним сама собой. И все другие двери тоже раскрылись, как по мановению волшебной палочки.

— Это было не волшебство, Варя. Мне помогала Белая Дама! А знаешь, зачем? А затем, чтобы показать мне стену, где она была замурована графом Каменским много лет назад! Но я не сразу пошел за ней, потому что... скажу тебе честно, испугался поначалу. Я пошел в кабинет Чеславы Ивановны, чтобы там переночевать, как и собирался. А мог сразу пойти в усыпальницу, где гробы с покойниками.

Белая Дама рассудила, продолжал Филиппчик, если он хочет проникнуть в кабинет, значит, так тому и быть.

— И я проник в кабинет директора, лег на диван и уснул. Потом я проснулся и увидел, что за столом сидит Петр. А на самом деле его там и близко не было. А после ко мне явился Черный Господин — призрак графа Каменского. И я подумал: вот и пришел мой смертный час. Но оказалось, что еще не пришел. Наверное, за меня вступилась Белая Дама. Она влекла меня за собой, и я безропотно шел, потому что был твердо уверен, что этот призрак не хочет причинить мне вреда, а только хочет показать то место, где бедная

княжна в страшных муках покинула мир живых. Я шел за призраком и шел; прошел сквозь стену, петлял по какому-то долгому и ужасному коридору, который уводил меня все глубже и глубже, то есть под землю. На моем пути вставал граф с очень страшным, нечеловеческим лицом; еще другой какой-то призрак в старинной одежде вставал... И вот я увидел эту стену... Вдруг что-то случилось. Мне показалось, что сверху свалилась громадная плита и вдавливает меня в землю. А после я проснулся и увидел, что уже наступило утро. Теперь я знаю, где искать останки княжны. Их надо предать земле, потому что этого желает ее страдающий дух. Вот и все, что я хотел тебе рассказать, Варя.

Когда он закончил, девочка довольно долго сидела в задумчивости. Женя покорно ждал, не смея нарушить молчание. Вдруг Варя подняла голову и посмотрела на него грустными и внимательными глазами. Потом тихо спросила:

— Ты хочешь меня поцеловать?

— Да, — сразу же ответил Филиппчик.

Варя закрыла глаза и подставила ему щеку. Женя склонился к девочке и аккуратно ее поцеловал.

Едва он это сделал, как тотчас где-то поблизости раздался странный смех, словно разверзлись недра, и кто-то, приблизившись к поверхности, но еще оставаясь под землей, рассмеялся звонко и страшно.

Женя непроизвольно повернул голову туда, откуда, как ему померещилось, мог исходить этот смешок. Мальчик окинул пристальным взглядом естественный тоннель, образованный кронами молодых деревьев и кустарника. В центре этого коридора было сумрачно и как-то нехорошо; и только чуть дальше, где тоннель заканчивался, виднелась залитая веселым солнечным светом полянка. Жене почудилось, что сейчас он обязательно кого-нибудь увидит.

Однако ни он, ни Варя, которая, проследив за направлением его взгляда, посмотрела туда же, не успели что-либо

разглядеть: за спинами ребят треснула упавшая ветка — настолько явственно, что оба подскочили как ошпаренные.

— Мне здесь не нравится, — сказала Варя. — Пойдем отсюда.

И, схватив мальчика за руку, потащила за собой в сторону лагеря. Через некоторое время на поляну вышла не кто иная... как Олеся Алантьева. Она подбоченилась и насмешливо произнесла:

— Ну-ну. Люб-бовнички!

И также отправилась в лагерь.

На поляне больше никого не было. Но так продолжалось недолго: в сумрачном коридоре, образованном лесной растительностью, возник из ниоткуда громадный волк с паразитично осмысленным взглядом. Наблюдатель, невольный свидетель этого жуткого явления, наверняка почувствовал бы озноб во всем теле, потому что ни один зверь в мире не может смотреть такими живыми глазами и с такой ясной мыслью, запечатленной... не на морде, а на лице!

Волк спокойно встал на задние лапы, быстро вытянулся до высоты человеческого роста и превратился в Черного Господина, чье лицо отнюдь не походило на лицо человека.

Глава XVII

БЫВШИЙ КОМАНДИР ОТРЯДА ПРИНИМАЕТ ЕДИНСТВЕННО ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

Солнышко, светившее в приоткрытое окошко, накрыла огромная тень, и день превратился в поздний вечер. От окна отделился черный призрак, плавно приблизился к спящему Владику и опустил подле его кровати какой-то предмет. Затем так же плавно и медленно поплыл назад — и вновь наступил солнечный день, только начинавший клониться к вечеру.

Тихий час подходил к концу. Один за другим просыпа-

лись ребята. Встал с постели и Влад Денисов. Вдруг он увидел старомодный портфель, наполненный неизвестно чем. Владик пнул его под кровать, а потом, дождавшись, когда все вышли из палаты, с бьющимся сердцем достал его и раскрыл, не задаваясь лишними вопросами, откуда здесь сей предмет, кто и с какой целью его подбросил, но страстно уповая на то, что в нем окажется куча денег.

Увы, денег в портфеле не было, а были только бумаги и личные вещи какого-то человека, скорее всего, мужчины: носовые платки, носки, черные широкие трусы, зубная щетка, одеколон, рулон туалетной бумаги и футляр с очками. Все это никак не могло удовлетворить страждущего мальчика. Он извлек из портфеля папку и развязал у нее тесемочки, после чего взору Денисова предстал некий труд в компьютерном варианте. На титульном листе значилось: «О постановке воспитательной и оздоровительной работы с детьми и подростками в летнем лагере «Сокол». Директор Н. Н. Сенечкин. Исполнитель Гронохова. 37-25-69».

Владик тотчас подумал о своем приятеле Жене Филиппике и хищно оскалился: малый, мол, не промах, хоть с виду и дурак. Не зря, видно, в тихий час рыскал в окрестностях лагеря. «Только выслужиться я тебе не дам», — сказал про себя Владик и вновь улыбнулся, как хищник.

В это время Никодим Никифорович находился в своем директорском домике и предавался великой печали. Наверное, влюбленные люди, которые в силу объективных и прочих причин не могут соединить свою судьбу с предметом страсти, так не изводят себя, как это делал бедный Никодим Никифорович, потеряв любимый портфельчик. Самые тщательные поиски, предпринятые директором, оказались напрасными. Больше всего было жалко не носков и не новенькой зубной щетки, а великолепного доклада, который Никодим Никифорович диктовал Наталье Васильевне битых два часа. Директор им очень гордился. И вот на-те вам — все коту под хвост! И теперь похоже было на то,

что жизнь и святое исполнение должностных обязанностей кончились: лишенный душевных сил, Никодим Никифорович сидел за своим директорским столом и тупо смотрел в никуда.

Он даже был близок к тому, чтобы пойти на отчаянный шаг... А именно: отправиться завтра дневным автобусом в город и выпить там бутылку красного полусладкого вина. Но тут подвернулся счастливый случай, оградив горемычного руководителя от столь опасного своими последствиями шага.

В дверь тихо постучали. Директор медленно поднял глаза.

— Что ж... раз уж вы пришли... — промолвил он. — Войдите!

Владик вначале просунул в дверь голову, показал директору свою лисью мордочку и только затем вошел полностью.

— Здравствуйте, Никодим Никифорович! — сказал он, радостно улыбаясь и пряча за спиной драгоценный портфель.

— А, Владик, — устало проговорил директор. — Рад тебя видеть. Что там у тебя за спиной?

Торжествующий плут, сияя от счастья, молча поднял перед собой портфель. Наступила поистине великая тишина.

Какое-то время Никодим Никифорович просто сидел, приложив ладонь к сердцу и накренившись набок от нахлынувших переживаний. Затем сглотнул, крепко зажмурил глаза, так что по щекам его покатались слезы, и прошептал:

— Мальчик мой...

Он вскочил, весь охваченный дрожью, подбежал к Денисову, поцеловал его в голову. Затем выхватил у него портфельчик, раскрыл его. Все было на месте. Тогда Никодим Никифорович взял Владика за голову и прижал к своей груди. И прошептал с чувством:

— Спасибо тебе, сынок! По такому случаю разрешаю вашему отряду пойти на дискотеку!

— Очень рад за свой отряд, — проговорил Владик, тяжело вздыхая. — Но я, наверное, не пойду на дискотеку.

Он выскользнул из рук Никодима Никифоровича и направился к двери.

— Рад был вам услужить, — с грустью произнес хитрый мальчик.

— Подожди! — Директор бросился к столу. Потом вернулся и протянул Денисову купюру. — Вот! Возьми сто рублей!

— Что вы, Никодим Никифорович! — воскликнул Владик и выхватил из рук директора деньги. — Я ведь от чисто-го сердца!

— Я верю тебе, мой мальчик! Возьми еще сто рублей!

И Никодим Никифорович вернулся к жизни, о чем можно было смело судить, глядя на него во время вечерней линейки.

На линейке директор вынес Владiku благодарность за примерное поведение; еще сказал, что третий отряд рекомендовал себя с наилучшей стороны, поэтому в качестве поощрения может веселиться сегодня на дискотеке сколько душа пожелает.

Женя недолго мучился загадкой: что уж такого замечательного сделал Денисов, если даже Никодим Никифорович так сильно расчувствовался? Филипчик быстро переключился на предстоящую дискотеку. Он сразу решил, что пригласит Варю на первый же медленный танец. И на второй тоже. И даже на третий. Таким образом, привидения снова были потеснены в его мыслях и сердце другими, не менее, а быть может, и более важными делами.

Впрочем, Евгению понадобился всего лишь один медленный танец, чтобы опять вернуться к окончательному разрешению тайны Гольшанского замка.

Вначале большие ребята долго ставили быстрые рит-

мичные композиции, так что не было никакой возможности пригласить Варю. Но вот наконец объявили: «А сейчас — белый танец!» — и Филипчик ринулся было в сторону девчонок. К счастью, от конфуза его уберег Виктор Иванович. Он дернул мальчишку за руку и сказал шепотом:

— Ты что, ничего не соображаешь? Это же белый танец!

— Так я и пошел приглашать! — отвечал ему Женя, слегка сбитый с толку. — Вы же сами мне говорили...

— Тсс! — прошептал ему Виктор Иванович и отвернулся, сделав вид, что вовсе с ним не разговаривал.

Между тем перед Женей предстала не кто иная, как Цветкова. Слегка покраснев, Варя произнесла:

— Сейчас белый танец. Можно я тебя приглашу?

— Конечно! Я и сам хотел к тебе подойти!

Уже умудренный жизненным опытом, Филипчик уверенно повел девочку в сторону старших ребят, которые начали кружиться под лирическую музыку. Женя и Варя встали друг против друга и одновременно, как по команде, положили руки: она — ему на плечи, а он — ей на талию. Едва они принялись медленно кружиться, Женя тотчас воспарил душой под самые небеса и, не в силах скрыть в себе восторг и гордость, сказал:

— Я сколько угодно могу в Гольшанском замке ночевать и с призраками встречаться! Могу опять туда пойти, если хочешь!

Варя ничего не отвечала, сохраняя серьезное, даже немного грустное выражение. Женя тоже не стал больше ничего говорить. Только в конце, когда было ясно, что танец вот-вот закончится, сказал:

— Если ты не против, я потом еще раз тебя приглашу.

На что девочка, стряхнув с себя оцепенение, отвечала:

— Пойдем на нашу скамейку. Я хочу с тобой поговорить.

— Пойдем! — согласился Женя, преисполненный энтузиазма.

Скамейка была свободна. Женя сел вполоборота к Варя и устремил на нее преданный взгляд.

— Видишь ли, в чем дело, Женя, — проговорила в задумчивости Цветкова. — Днем я разрешила себя поцеловать. Это была тебе награда за смелость.

— Ну! Спасибо, Варя!

— Нет, ты выслушай меня вначале. Потом я подумала: может, я все-таки поспешила тебя наградить?

— Как это! Ты хочешь сказать, что я тебя обманул?! — воскликнул жестоко разочарованный мальчишка.

— Посуди сам: разве бывают на свете такие чудеса, чтобы двери сами собой открывались? А что, если тебе все это приснилось?

— Ну уж нет! Все было именно так, как я тебе рассказывал! Вот когда я прилег на диван в кабинете Чеславы Ивановны, тогда, может, и начали сниться разные сны. Но вокруг замка я шел на самом деле. Честно тебе говорю!

Девочка немного помолчала, оставаясь задумчивой. Было ясно, что она начала сомневаться в правдивости Жениных слов, и это больно ранило Филипчика. Варя спросила:

— Как ты думаешь, кто мог открывать перед тобой двери?

— Точно не знаю, конечно. Но думаю, что это была Белая Дама. Наверное, она хотела отвести меня к своей могиле.

Девочка скептически покачала головой:

— Нет, Женя. В это трудно поверить.

Филипчик воскликнул запальчиво:

— Двое сторожей видели кассету с привидением! Скажешь, это тоже мое вранье?

— Но меня там не было. Мне приходится верить тебе на слово.

— Варя, да ты что! Ты же сама мне говорила, что пове-
ришь каждому моему слову!

— Разве я такое говорила? Гм! Не знаю теперь, что и сказать. Поцелуй, конечно, назад не вернешь... Ладно. Придется все-таки поверить. А что остается?

Женя вскочил, махнул в сердцах рукой и зашагал прочь. Но тут же вернулся и сказал:

— Если хочешь знать, мы можем прямо сейчас пойти к замку! Вот увидишь, Белая Дама обрадуется и снова распахнет все двери! Но ты же побоишься!

— Я-то не побоюсь... Но стоит ли тратить на это время? Да и поздно уже.

— Нет уж! Раз тебе кажется, что я все сочиняю, то пошли к замку прямо сейчас!

— Сейчас, может, и не надо. А вот...

Варя глянула по сторонам и махнула мальчику, повелевая ему наклониться к ней поближе.

Олеся, которая притаилась в этот момент в кустах, уже не могла расслышать, что именно шептала Цветкова парню. Зато Олеся увидела, как лицо Евгения вмиг подобрело. Он сказал Варе коротко:

— Отлично! — А потом добавил: — Вот увидишь, я тебя не обманываю.

После этого парочка покинула место своего уединения и направилась туда, где сверкала светомузыка, надрывались динамики и отплясывали десятки ног.

* * *

Поздно вечером, когда близился час полуночи и во всем корпусе, нижний этаж которого занимал третий отряд, царила полная тишина, в палату девочек вошли двое. В этот раз сон Алантьевой был особенно чутким, и она тотчас открыла глаза. Олеся быстро разглядела в темноте, что вошедшими были Виктор Иванович и Наталья Васильевна. Старшая вожатая тоже заметила, что Алантьева не спит. Она подошла к девочке, наклонилась к ней и зашептала:

— Кровать Цветковой пуста. Где твоя подруга? Говори немедленно!

— Во-первых, она мне не подруга, — вполголоса отвеча-

ла Олеся. — А во-вторых, я не знаю, где сейчас Цветкова. И знать не хочу.

— Филиппчика на месте тоже нет, — сказал подошедший Виктор Иванович. — Может, они пошли в замок?

— Что они там забыли? — недовольно проговорила девочка и тотчас вспомнила, о чем беседовали Женя с Варей в лесу и на дискотеке.

— Привидение, вот что! — ответила на это Наталья Васильевна, и они с Виктором Ивановичем вышли из палаты в коридор, где начали о чем-то шептаться.

Олеся лежала с открытыми глазами довольно долго. В коридоре голоса взрослых уже умолкли.

При всех мыслимых и даже немыслимых достоинствах, а быть может, и недостатках Олеси Алантьевой, одним чудесным качеством она обладала несомненно. Не было в ее жизни ни одного случая, чтобы девочка кого-то выдала. Хоть какой заклятый враг у нее на пути — например, та же Цветкова, — все равно Олеся слишком уважала себя, чтобы, разнюхав любопытные сведения, совершить затем мелкую пакость. Такое, заметим к слову, в нашей жизни встречается сплошь и рядом, но к Олесе это не относится. Честно вам говорим!

Однако сейчас она все больше и больше склонялась к мысли, что это совсем даже не пакость — поведать взрослым о главном из того, что ей стало известно из бесед влюбленной парочки. Не то чтобы Олеся начала безусловно верить в существование привидений и поэтому понимала, что ребятам грозит опасность со стороны какого-то Черного Господина. Но смутная тревога за дальнейшую судьбу Жени... да и Вари тоже (чего уж тут греха таить!) закралась в сердце бывшего командира отряда.

Наконец Олеся решила. Она моментально оделась и вышла в коридор, рассуждая примерно так: «Видит бог, я из лучших побуждений!»

Коридор был пуст. А на улице, в беседке, Наталья Ва-

сильевна дымила сигаретой, и Олеся без промедления направилась к старшей вожатой.

— Что, Алантьева, решила все-таки правду сказать? — спросила госпожа Гронохова. Красный огонек на кончике ее сигареты тотчас засветился в темноте. — Я и без тебя все знаю. Они наверняка пошли в Гольшанский замок. Я уже отправила туда Виктора Ивановича.

— Мне кажется, Наталья Васильевна, что не все так просто, — отвечала девочка.

От этих слов старшая вожатая сразу же вскочила с места.

— Ты что-то знаешь? Говори сейчас же!

— Возможно, я действительно знаю что-то очень важное, без чего никто не сможет найти Женю и Варю в замке, — сказала Олеся без тени кокетства. — Но, может быть, все это чепуха и сказки. Если это чепуха, то Виктор Иванович скоро приведет ребят обратно. А если все-таки не сказки...

— Да говори же, Олеся! Что ты все вокруг да около?

— Но мне трудно поверить в то, что это не сказки! Вы сами верите в привидения?

Наталья Васильевна бросила на Алантьеву пристальный взгляд, затем затушила окурочку о край беседки и, расправив плечи, произнесла не без гордости:

— Да, девочка моя! И не просто верю, но даже сама видела нечто ужасное!

— А Виктор Иванович верит?

— Этого я не знаю. Он мужчина, вот пусть и отправляется в этот чертов замок за детьми. Итак, Олеся! Почему же Филиппчика и Цветкову могут не найти?

Олеся коротко вздохнула:

— Ну хорошо, Наталья Васильевна. Пойдемте к вам в кабинет, я по дороге обо всем расскажу. Вам надо позвонить Чеславе Ивановне, чтобы она немедленно приехала в музей.

— Прямо сейчас? Так поздно?

— Что же делать? Без ее разрешения никто не посмеет войти в усыпальницу. Кроме Жени с Варей, естественно.

— Вот как? Тогда мы позовем и этого... экскурсовода.

— Мудрое решение, — отвечала девочка с очень серьезным видом. — Лишний мужчина в замке не помешает. А Никодима Никифоровича будем звать?

— М-м, — засомневалась на миг Наталья Васильевна. — Я думаю, что не стоит его тревожить.

— Согласна.

И они без промедления направились в административное здание.

Глава XVIII

ЧЕРНЫЕ ГРОБЫ ГОЛЬШАНСКОГО ЗАМКА

Ты думаешь, что я сказал тебе неправду! Ладно! Сейчас сама все увидишь! Ничего я тебя не обманул! Сейчас, сейчас! — говорил Женя Варе, пока они шли.

Цветкова хранила молчание, достойное королевы, а Филиппчик казался самому себе слишком уязвленным, чтобы проявить хотя бы каплю проницательности и понять, что едва ли девочка не считает награду, дарованную ему, более чем заслуженной.

Между тем ночь вступила в свои права. Тишина и непроходимый мрак властвовали в лесу. В душах ребят поселилась смутная тревога, которая лишь усилилась, после того как откуда-то сверху внезапно раздалось: «Ухуу-ху, ухуу-ху!» Девочка вздрогнула и остановилась. «Не повернуть ли назад, пока не поздно?» — испуганно пронеслось у нее в голове.

— Идем-идем! — язвительно сказал ей Филиппчик, хотя у самого тоже кошки на душе скребли.

И вот перед ними выросла громада с одним-единствен-

ным светящимся окошком. Все было как всегда. И те же черные облака на темном небе медленно проплывали над башнями замка.

Когда ребята подошли к центральной аллее, ведущей к парадному входу, Женя сменил свой гнев, уже давно ставший напускным, на неподдельное великодушие. Он сказал миролюбивым тоном:

— Послушай, Варя. Если тебе страшно, мы можем вернуться. Пусть я останусь в твоих глазах коварным обманщиком, лишь бы тебе не было плохо.

Варя ничего не отвечала. Постояв с минуту в задумчивости, она направилась к замку, и Евгений последовал за ней. Возле парадного крыльца он попросил девочку подождать, а сам приблизился к окошку сторожей и встал под ним в надежде услышать их разговор.

Вначале никаких голосов не раздавалось. Женя хотел уже идти к Варе, как вдруг в комнате стукнула дверь и послышался мужской, не знакомый Филипчику голос:

— В графских покоях кто-то железом гремит.

— Что ты этим хочешь сказать? — отвечал другой мужчина, голос которого мальчик также слышал впервые.

— Только то, что сказал, — проговорили в ответ. — Рыцарь там бродит по комнате, что ли... Меня, между прочим, предупреждали, что место здесь нечистое.

— Ну, так я тебе скажу правду, друг. Я тоже кое-что видел не далее, как час назад.

— Что именно?

— Знаешь... не будем об этом говорить.

— Нет, отчего же? Мне интересно. Говори: что ты видел?

— Но мне могло показаться.

— Скорее всего, так оно и есть. Привидений на свете не бывает... Но ты все равно говори.

— Ну, если ты настаиваешь... В общем, когда я вышел из комнаты, мне померещилось, что возле кабинета Чеславы Ивановны кто-то стоит.

— Кто же там мог стоять?

— Мужчина. Он был одет во все черное.

— А белую женщину ты не видел?

— Пока нет.

— Я тоже пока не видел. Давай не будем больше из комнаты выходить. Обход сделаем под утро.

— Что ж... можно и под утро.

Сторожа надолго замолчали, и Женя вернулся к Варе. Он вновь предложил ей вернуться в лагерь, пока такая возможность еще существовала. Девочка колебалась. Было мгновение, когда Филипчик хотел проявить настойчивость; но он сам колебался, не зная, как лучше поступить: увести Цветкову, невзирая на свое бесчестие, которое последовало бы за этим, или увидеть вместе с ней что-нибудь страшное и тем самым подтвердить за собой славу храброго и правдивого человека, но — ценой невероятного напряжения всех душевных сил хрупкой девчонки. Было всего лишь одно такое мгновение... после которого, повинуясь внезапному порыву, Женя взял Варю за руку, и они отправились вокруг замка.

Варя чувствовала своей ладошкой теплую ладонь друга, и его уверенность — а девочке казалось, что Женя уверен в себе, — передавалась и ей. Пока ничего страшного не происходило; они прошли вдоль одной стены замка, свернули вправо, прошли вдоль другой стены; еще раз повернули направо. Глухая ночь со своей гнетущей тишиной безраздельно властвовала вокруг, и лишь прохладный ветерок обдавал лицо и шею. Может быть, никакие двери вовсе даже и не откроются? Цветкова очень на это надеялась, позабыв о том, что в таком случае Женя обязательно должен предстать перед ней врунишкой.

Наконец Варя увидела низкую дверь в стене, словно вросшую в землю, и еще до того, как Женя заговорил, поняла, что это и есть та самая дверь.

— Вот она! — произнес Евгений голосом, от которого у

девчонки тотчас мурашки по телу побежали. — Постоим здесь немного.

Они остановились. Варя невольно прижалась к мальчику. И пока ждали, никто из них не проронил ни звука.

Так прошло добрых три минуты, в течение которых девочка смелела все больше и больше. Она уже и впрямь начинала верить в то, о чем говорила Филипчику после медленного танца, сидя с ним на скамейке. И одновременно чувствовала нараставшее разочарование. Неужели этот мальчик, в какой-то момент показавшийся ей таким славным и отважным, на самом деле всего лишь прихвастнул и насочинял гору всякой чепухи, лишь бы добиться своего поцелуя? Как же она жестоко в нем ошибалась!

— Ну ладно, Женя, — промолвила наконец Цветкова. — Поиграли в привидения, и хватит. Отведи меня обратно в лагерь, и забудем все, что между нами было.

— Пожалуйста, Варя! — отвечал ей Филипчик с мольбой. — Потерпи немного. Я и сам не понимаю, почему она не открывается. Но я тебе правду говорил!

— Не переживай, — снисходительно отвечала девочка. — Ты просто большой фантазер и выдавал желаемое за действительное. Ну все, Женя, пошли.

Она и в самом деле пошла вдоль стены, двигаясь все быстрее. Сделав с десяток шагов, девочка остановилась, чтобы потребовать от Филипчика следовать за ней. Когда же обернулась, ледяной холод обдал ее душу: низенькая дверь была отворена!

— Ты сам ее открыл! — сказала Варя довольно громко. — Дверь была незаперта! Ты просто хвастунишка и нечестный человек!

— Варя, — глухо проговорил Филипчик. — Подойти ко мне, пожалуйста.

— Нет, это ты ко мне подойди! Я не хочу здесь больше оставаться!

В нашего героя словно бес какой-то вселился. Женя про-

сто-напросто вошел в приоткрытую дверь и стал оттуда выглядывать, поджидая свою подружку.

Варе было очень страшно оставаться одной в ночи. А уж о том, чтобы отправиться в лагерь без Филипчика, и речи быть не могло! И она побежала к этому несносному упряму.

Как только Варя вошла в приоткрытую дверь, Женя взял ее за руку и провел немного вперед.

— Теперь смотри, что будет! — произнес он каким-то зловещим тоном. — Вот мои руки. Чувствуешь?

— Да, Женя. Конечно, чувствую, — прошептала бедная Цветкова.

Еще бы она не чувствовала, если сама же держала Филипчика за руки!

Минула еще минута, в течение которой оба стояли и молчали. И вдруг низенькая дверь плавно захлопнулась, отчего кромешный мрак воцарился вокруг.

— Что и требовалось доказать, — проговорил Евгений. — Теперь-то ты мне веришь?

— Ах, Женя! — отвечала Варя слабым голосом, готовая расплакаться. — Я с самого начала верила всему, что ты мне рассказывал. Мне тоже захотелось взглянуть на привидение, и поэтому я как бы не поверила... Но неужели эта дверь обратно не откроется?

— Не думаю. Но ты не бойся: я с тобой. И я тебя ни за что не брошу и в обиду никому не дам.

Несмотря на такие замечательные слова, Варя чувствовала, что наступают самые страшные и, быть может, последние минуты в ее жизни. У девочки подкашивались ноги от ужаса, охватившего ее от макушки до пят; ей хотелось сесть там же, где она стояла в кромешной тьме, и расплакаться. А еще лучше — громко-громко позвать на помощь взрослых.

— Давай будем кричать, — предложила она. — Может, нас услышат и придут сюда.

— Не думаю, что нас кто-нибудь услышит. Сторожа сами сидят в своей комнате и дрожат от страха. И потом, а что, если нас услышат призраки?

— Ой, Женя! — всплакнула девочка. — Что же нам теперь делать?

— Идти вперед, — уверенно отвечал Филипчик. — И надеяться на лучшее. Пошли!

И Женя, увлекая Цветкову за собой, начал продвигаться вперед — как и в прошлый раз, на ощупь.

Когда они оказались в пустынном коридоре, слабо озаренном, будто бы во сне, лунным светом, Женя сказал шепотом:

— Это Галерея призраков! Но ты не бойся. Я с тобой.

Девочка ни слова не говоря уткнулась Филипчику в плечо, только бы ничего не видеть вокруг. И принялась дрожать каждой клеточкой тела. А Евгений между тем внезапно обнаружил, что рыцарь в блестящих металлических доспехах, стоявший возле дальней колонны... медленно поворачивает в их сторону голову! Женя поспешил отвести взгляд, полагая, что все это ему мерещится. Он сказал тихим, но бодрым голосом:

— Итак! Если мы сейчас пойдем направо, то попадем в усыпальницу, а оттуда — в потайной тоннель, ведущий к могиле княжны.

— Нет, туда мы не пойдем, — закачав головой, тотчас проговорила Варя.

— Ладно, туда не пойдем. А если свернем сейчас налево, то попадем в кабинет Чеславы Ивановны...

— И разбудим сторожей!

— Вряд ли они нам откроют дверь, потому что наверняка примут нас за призраков.

— А если мы останемся здесь стоять?

— Всю ночь? Пока к нам кто-нибудь не приблизится?

— Ой, Женя! Зачем ты такое говоришь?

Преодолевая страх, Филипчик повернул голову.. и вмиг

Преодолевая страх, Филипчик повернул голову... и вмиг покрылся
гусиной кожей. Рыцарь смотрел на него в упор!

покрылся гусиной кожей. Рыцарь смотрел на него в упор! И глазные прорезы в шлеме горели ярким красным огнем!

— Пойдем-ка отсюда, — сказал Филипчик, уводя девочку в сторону директорского кабинета.

— А что такое, Женя?

— Да, в общем-то, ничего. Что без толку стоять?

— Ты кого-то увидел? — спросила Варя, не отнимая лица от плеча друга.

— Абсолютно никого.

— Но мне показалось, что ты увидел страшное!

— Тут что угодно можно увидеть, если долго присматриваться.

Они быстро прошли всю Галерею призраков, двигаясь по направлению к той двери, за которой начинался другой коридор, ведущий мимо кабинета директора и комнаты сторожей к парадному входу в музей. Пока они шли, Женя смотрел только вперед, надеясь, что им не преградит путь нечто ужасное, и не смея при этом глянуть назад.

Приблизившись к двери, Женя с невероятным душевным трепетом попытался ее открыть. Естественно, она была заперта!

Тогда он, набравшись смелости, все-таки бросил взгляд назад. Боже мой! На них медленно, но неотвратимо плыл рыцарь с горящими глазами!

— Почему мы дальше не идем? — спросила девочка и подняла голову.

— Уважаемая Белая Дама! — вдруг заговорил мальчик, то ли произнося заклинание, то ли умоляя привидение, которое, в таком случае, должно было его слышать. — Отоприте, пожалуйста, эту дверь! Вы же сами видите, что происходит!

— А что происходит? — Варя начала оборачиваться, словно чувствовала, откуда им грозит опасность.

— Пожалуйста, не смотри туда!

— Женя, я боюсь! — вскричала девочка.

В этот момент раздался щелчок, и дверь отворилась. Женя обхватил Варю за талию, и они тут же вошли в другой коридор, оставив позади себя опасное место. Дверь тотчас за ними захлопнулась.

А Филипчик уже видел, что кабинет Чеславы Ивановны открыт. Недолго думая Женя повел туда девочку, после чего и эта дверь сама по себе закрылась за ними.

— Думаю, что пока мы в безопасности, — сказал Филипчик. — Присядь на диван, отдохни. А после мы решим, как нам быть.

Обессиленная, Цветкова опустилась на диван и сразу же повалилась на бок.

— Я в лагерь хочу, — пробормотала она и опять всплакнула. — Девчонки спят себе преспокойно, а я тут с ума схожу.

И вдруг Варя явственно услышала тихий голос: «ТЫ ХОТЕЛА МЕНЯ ВИДЕТЬ?»

Цветкова глянула на приятеля и по его лицу поняла, что тот ничего не слышал. В следующий миг она увидела, как от стены отделилось нечто черное и медленно поплыло прямо на нее. Вне себя от ужаса, девочка закричала. И вскочила с ногами на диван.

В этот момент сторожа через две комнаты мирно дремали, уютно устроившись в креслах. И как только раздался душераздирающий детский крик, оба подскочили, словно ошпаренные кипятком, и уставились друга на друга.

— Ты слышал? — спросил один, у которого зуб на зуб не попадал.

— Еще бы! — отвечал другой, обливаясь холодным потом. — Говорили мне, чтобы я не совался в этот музей, да вот не послушался доброго совета.

Между тем Женя пытался успокоить девочку; сам он ничего не видел и не слышал.

— Он... он... говорит, — плакала бедная Варя. — «Ты хотела меня видеть?»

И тут она вновь услышала тихий шепот: «Я ПРИШЕЛ».

Девочка повалилась на диван и разревелась пуще прежнего.

— Неужели ты опять ничего не слышал?

— Пока нет. Думаю, что тебе мерещится от страха. Но ты не бойся. Я ведь с тобой.

Едва Женя произнес последние слова, тотчас вспыхнул лунным светом экран телевизора, а под ним зажглись огоньки на видеомагнитофоне. В следующее мгновение открылась дверца сейфа, оттуда выплыла кассета и сама же влетела в магнитофон. На экране появилась Галерея призраков. Будто зачарованные, не смея даже рукой шевельнуть, ребята в течение долгих минут лицезрели пустынный коридор, пока наконец не увидели страшную фигуру.

По ту сторону от внешнего мира, то есть как бы внутри телевизора, Черный Господин приблизился к экрану, прошел сквозь него и, озаренный лунным сиянием, предстал перед ребятами во весь рост. Он сбросил с головы капюшон своего черного одеяния — и невыносимый ужас объял души детей.

То было лицо выходца из ада, чудовища, лишь отдаленно напоминающее лицо человека!

Варя вновь закричала, после чего уткнулась лицом в диван, прикрывая голову руками.

— Ха-ха-ха, — отчетливо проговорило привидение и вмиг растаяло.

Телевизор оказался выключенным, как будто и не работал секунду назад.

— Все, Варя, — тихо сказал Филипчик. — Оно ушло.

Девочка приподнялась, глянула с опаской кругом, затем села и начала жалобно всхлипывать.

— Ты не думай, Женя, — проговорила она сквозь слезы, — я всегда тебе верила. Просто мне тоже хотелось увидеть... сам знаешь, кого. Но я и представить себе не могла, что это так страшно.

Женя сел рядом, погладил ее по голове.

— Не падай духом. Что бы ни случилось, я всегда буду рядом с тобой.

— Ты храбрый мальчик. И еще... знаешь, Женя, мне кажется, сейчас можно это сказать. Ты мне стал нравиться. Это случилось недавно, и вначале я не была уверена. Но теперь знаю точно: ты мне нравишься.

— Ты мне тоже нравишься, Варя. Уже давно.

— Да, я догадывалась, — со вздохом отвечала она.

— У тебя очень красивый купальник. Я сразу обратил на него внимание.

— Серьезно? Спасибо.

— И джинсы у тебя очень красивые.

— Мне их мама купила, перед тем как ехать в лагерь.

Последовала небольшая пауза, после которой девочка подняла голову и поцеловала Филипчика.

Минуту восторженный Евгений не смел шевельнуться. Затем сказал:

— Все, Варя. Хватит с призраками шутить. Пойдем сейчас к сторожам, и пусть они нас выведут отсюда.

— Нет! Я боюсь в коридор выходить!

— Хорошо! Останемся здесь до утра.

— Да, Женя. Лучше мы здесь подождем.

— Но к нам снова может кто-нибудь явиться.

— А я глаза крепко-крепко закрою! А ты будешь меня защищать.

— Хорошо, Варя. Так и сделаем.

После этих слов наступила полная тишина. Девочка еще немного поплакала, потом, успокоившись (насколько это было возможно, конечно), устроилась на диване, свернулась калачиком; плечики ее какое-то время еще вздрагивали, потому что она продолжала беззвучно всхлипывать. Наконец, измученная ужасами Гольшанского замка, она уснула.

Филипчик, как благородный и храбрый рыцарь своей да-

мы сердца, остался сидеть подле Цветковой, переводя взгляд с одного угла директорского кабинета на другой. Он ждал появления призраков.

Так прошло полчаса или чуть больше. Женя уже сам начинал клевать носом, когда его слух уловил шаги: кто-то в коридоре медленно приближался к их комнате.

Человек или призрак остановился как раз за дверью. Для Филипчика потянулись невыносимо долгие секунды ожидания, и сердце его бешено стучало. Мальчик не сводил глаз с этой двери, призывая себя к отваге, чтобы выдержать все, что бы сейчас ни последовало.

Дверь медленно отворилась. В коридоре, окутанная сиянием, стояла Белая Дама и не сводила с Евгения выразительного взгляда, в котором были заключены мольба и отчаяние.

У Филипчика во рту все пересохло и руки будто онемели от огромного нервного напряжения. Однако он успел разглядеть перед собою лунный облик совсем еще юной княжны, красота которой способна была пленить любого смертного. Женя силился спросить: «Вы хотите показать ту самую стену?» — однако и рта не мог раскрыть.

И вдруг привидение утвердительно кивнуло, словно услышало этот вопрос и сразу же ответило на него. После чего медленно повернулось и, посмотрев еще раз на мальчишку очень внимательно, поплыло в сторону Галереи призраков.

Женя тотчас начал трясти свою спутницу за плечо.

— Варя, проснись! Мне надо идти за Белой Дамой! — говорил он громким шепотом.

— Что... что случилось? — вскочила та, ничего не понимая в первую минуту.

— За мной пришла Белая Дама! Я иду за ней! А ты здесь пока побудь.

— Я не хочу одна оставаться! — сей же миг воспротивилась Цветкова.

- Тогда пошли со мной!
- Нет! Я боюсь туда идти!
- Варя, я не могу больше ждать!
- Нет, Женя, ты останешься со мной!

У Филипчика было слишком мало времени, чтобы принять вполне взвешенное решение. Он подумал: станет ли лунная тень несчастной княжны открывать ему двери замка в третий раз? Едва ли! Женя только прошептал: «Прости меня, пожалуйста» — и выбежал в коридор.

Как и следовало ожидать, он беспрепятственно проник в Галерею призраков и увидел уплывающее в глубь коридора привидение. Белая Дама влекла мальчика за собой, в этом не могло быть сомнения. Женя поспешил за нею.

Однако пробежал он совсем немного: на его пути вдруг встал рыцарь в старинных доспехах, на шлеме которого пылали красным огнем прорези для глаз. Женя остановился, задрожав всем телом.

Вдруг кто-то коснулся руки мальчика, и Филипчик, вздрогнув, резко обернулся. Слава богу, это была Варя! Женя схватил девочку за руку, и ребята, обойдя металлического истукана, устремились вперед.

— Это всего лишь призрак, — бросил на ходу Филипчик. — Не обращай на него внимания.

Нет, дорогой мой герой! Это был не призрак, а действительно музейный экспонат — рыцарь, которым управляла потусторонняя сила, зажигающая даже красный огонь внутри полого шлема.

Быстрым шагом, почти бегом, ребята двигались по этому жуткому коридору, ожидая новых ужасов. Но, похоже, призраки, эти подлинные хозяева музея, решили позволить дерзким детям достигнуть фамильного склепа рода Каменских — лишь для того, чтобы именно здесь, среди черных гробов, устроить им настоящий кошмар. Женя уже догадался об истинных намерениях тех, кто вел с ними такую

изошренную игру, но ничего не стал говорить девочке. Не надо умирать от страха раньше времени. Всею свой час в этой жизни!

И вот показались ступеньки, ведущие в усыпальницу. Металлическая дверь с кодовым замком была, естественно, распахнута. Все вокруг было залито лунным светом. На минуту Варя замедлила шаг, когда впереди мелькнула призрачная княжна, которая уводила детей все дальше и дальше, а именно — к своей страшной могиле. Но Филипчик уверенно произнес: «Назад дороги нет!» — и увлек девочку в усыпальницу.

Здесь они снова увидели Белую Даму: призрачная княжна бросила на ребят призывный взгляд и поплыла прямо в стену, пронзила ее и скрылась.

Мертвое безмолвие вмиг было нарушено: в черных мраморных гробах разом зашевелились, возник возмущенный ропот, послышались голоса, словно множество людей о чем-то переговаривались вполголоса; крышки мраморных гробов с треском брызнули тьмой крохотных осколков, будто внутри каждого гроба сработало взрывное устройство, и ввысь тотчас же заструились черные контуры, быстро принимавшие форму человеческих фигур. Гробы пришли в движение, съезжая со своих постаментов. Восставал род Каменских — все, кто был погребен в Гольшанском замке. Восставал для того, чтобы не позволить предать земле останки юной княжны, много столетий назад дерзнувшей полюбить совсем не того, кому она была предназначена!

Черные фигуры обступили двух подростков, которые рядом с ними казались совсем маленькими. И прямо перед ребятами встал Черный Господин, заслоняя собой стену, за которой скрылся призрак княжны.

Тут Филипчик, который в этот решающий миг удерживал Варю за талию, почувствовал, как у девочки подкаши-

ваются ноги: Женя понял, что она сейчас упадет в обморок. А между тем Черный Господин неумолимо приближался к ним; от него веяло могильным холодом, и намерения призрака были совсем неясны. Филипчик закричал:

— Варя, очнись! Бежим! Вперед!

Но как ни подталкивал он свою подружку, та приросла к месту, парализованная ужасом. Положение было критическим.

Тогда Женя выхватил из кармана джинсов перочинный ножичек, раскрыл его и с отчаянным криком: «Прочь с дороги, проклятый черт!» — ринулся прямо на Черного Господина.

В ту секунду, когда Филипчик пронзал призрака собою и выставленным вперед ножичком, мальчик почувствовал острый приступ удушья, словно кто-то сильной рукой схватил его за горло. Женя закашлялся, начал спотыкаться... но в следующую секунду Черный Господин остался позади. А перед Женей уже раскинулся мрачный коридор, в конце которого вновь промелькнула Белая Дама.

Женя обернулся к девочке и закричал изо всех сил:

— Беги ко мне! Варя, вперед!

Черный Господин приблизился к девочке и занес над ее головой руку. Варя схватилась за горло, и Филипчик понял, что надо бежать обратно. Но только он сделал шаг в направлении усыпальницы, Цветкова нырнула под руку грозного призрака и бросилась к своему другу.

Когда же Варя подбежала к Жене и он обнял ее левой рукой, потому что в правой держал наготове ножик, стена вновь сомкнулась.

— Женя! — проговорила девочка жалобным голоском, готовая расплакаться.

— Не время сейчас сырость разводить, — отвечал ей Филипчик тоном мужественного воина. — За мной, Варя!

И они устремились в глубь тоннеля, ведущего глубоко под землю.

Глава XIX

НАТАЛЬЕ ВАСИЛЬЕВНЕ СТЫДНО

В тот момент, когда стена сомкнулась, на какой-то миг оградив ребят от черных призраков рода Каменских, и Женя с Варей помчались вслед за белой прозрачной княжной, к парадному входу в музей подъехали два автомобиля. Из одного вышли Чеслава Ивановна и Кузьмич, из второго — Владимир Васильевич и Наталья Васильевна. Был второй час ночи, и тишина вокруг стояла мертвая, так что даже закладывало уши.

— А все-таки дьявольское здесь место! — воскликнул сторож, который так и не решился уйти из музея.

— Я подыщу тебе хорошую должность, дорогой мой Кузьмич, — отвечала ему директор. — Но только в том случае, если ты останешься таким же храбрым, каким я тебя знала всегда.

— Надо просто выкурить из музея всех призраков, — заметил Владимир Васильевич.

— Да, но, если это нам не удастся, музей останется там же, где находится сейчас, — возразила Чеслава Ивановна. — Гольшанский замок — моя жизнь. Я подберу себе настоящих мужчин, которые согласятся работать по соседству с призраками, если уж они существуют. И старшим над всеми храбрецами будет Кузьмич.

— Благодарю вас, Чеслава Ивановна, — отвечал благородный сторож.

— Давайте вначале вернем детей, а потом уже будете должности делить, — заметила Наталья Васильевна. — Мне тоже хотелось бы стать большой начальницей, но у меня сейчас сердце кровью обливается, как подумаю, что ребятам приходится переживать.

— Правильно! Поспешим! — сказал Кузьмич.

А Владимир Васильевич, переварив услышанное, с пре-

огромнейшим удивлением посмотрел на госпожу Гронову:

— Это у тебя-то сердце кровью обливается? Да ты ли это, Наташа?

— Нет, это мой призрак, — съязвила Наталья Васильевна, умевшая отбрызнуть какого хочешь безумца, который имел бы неосторожность пойти ей наперекор.

Так они разговаривали, пока шли к сторожам, дежурившим в эту глухую ночь. Чеслава Ивановна громко постучала в их запертую комнату, но никто не откликнулся. Кузьмич между тем отправился в подсобку за инструментами: директор музея давала добро на то, чтобы проломить в усыпальнице стену, но лишь в том случае, если на видеокассете Чеслава Ивановна действительно увидит призрака. (Как мы помним, о необходимости пробить в фамильном склепе одну из стен говорила Наталья Васильевне Олеся Алантьева, подслушав перед тем разговор Жени с Варей во время их свидания в лесу; а уже Наталья Васильевна рассказала об этом Чеславе Ивановне. Ранее о заснятом туристом призраке говорил директору Кузьмич.)

— Открывайте, трусливые зайчата! — крикнула директор и начала пуще прежнего молотить в дверь. — Уволю всех немедленно!

Едва ли существует в этом мире, как, впрочем, и в том, какой-либо призрак, который был бы страшнее разгневанного начальника. Во всяком случае, новичкам Гольшанского замка надо было еще многое здесь пережить, чтобы пренебречь грозным окриком директрисы. Поэтому дверь отворилась, и перед Чеславой Ивановной предстали двое смертельно перепуганных мужчин. Чеслава Ивановна повела их в свой кабинет и тотчас, достав из сейфа кассету, включила видеомагнитофон.

— Сядьте перед телевизором и смотрите! — приказала она сторожам. — Увижу, что закрываете глаза, считайте, что вы уже уволены!

Вскоре Черный Господин явился и директору с ее дрожащими сторожами, а также Владимиру Васильевичу, порядком струхнувшему, и Наталье Васильевне, которая в эту минуту ни о ком больше не могла думать, кроме как о бедных детишках. Совесть ее, как нетрудно догадаться, была неспокойна. «Мало во мне доброты душевной, — терзалась она, пока все ожидали Кузьмича с инструментами. — Сброшу Никодима — никого больше не обижу. Вот истинный крест!»

Черного Господина, запечатленного на кассете, вернули обратно в сейф и повалили шумной толпой — чтобы, естественно, не так страшно было — в усыпальницу. Впереди всех Чеслава Ивановна гнала новеньких, которые клялись и божились про себя, что немедленно напишут заявление об уходе, только бы эту ночь пережить.

Двери, через которые компании предстояло пройти, были, разумеется, заперты, и Чеслава Ивановна отпирала их своими ключами, а возле одной из них велела всем отвернуться (только Кузьмичу разрешила смотреть) и набрала секретную комбинацию цифр. Вскоре вход в усыпальницу был свободен.

Однако едва тяжелая стальная дверь поддалась под напором нескольких пар рук, страшная картина открылась взору взрослых людей. Все гробы были сдвинуты со своих постаментов, осколки мраморных крышек усеяли пол, а в открытых гробах белели кости мертвецов! Единый выдох изумления вырвался из уст свидетелей такого редчайшего зрелища. Но удивительнее всего было то, что в гробу графа Каменского, главного виновника ужасов, происходящих в Гольшанском замке на протяжении нескольких сотен лет, и в особенности в нынешний оздоровительный период лагеря «Сокол», вместо костей покоилась нечто черное, похожее на уголи!

Вперед выступил Кузьмич, который в большей степени, чем остальные, сохранял в эту минуту спокойствие и рассу-

дительность, а потому лучше других сознавал, что мешкать нельзя. Со словами: «Извиняюсь, Чеслава Ивановна, но дети дороже» — он подошел к дальней стене усыпальницы и нанес по ней первый удар ломом. Мраморные крошки посыпались на пол.

— Все правильно, мой славный Кузьмич! — отвечала директор. — Потом отремонтируем.

— Если управление культуры выделит деньги на ремонт, — съехидничала Наталья Васильевна. (Несмотря на то что ей было стыдно, она все равно не могла удержаться от язвительных замечаний. Такой уж она была. Впрочем, Наталья Васильевна знала, что говорит, потому что в управлении культуры у нее работал свой человек. Нам вообще представляется, что у нее везде могли бы сыскаться свои люди, так что остается только удивляться, зачем Наталья Васильевна позарилась всего лишь на должность директора лагеря. Хотя она неглупа, напориста, симпатична... Да, пожалуй, что так: должность директора лагеря — это только трамплин для более высоких прыжков! Но что же вы, дети, хотите! На *своих людях* мир держится! Так что не забудьте учесть, когда повзрослеете, данное обстоятельство, с тем чтобы оно сработало вам на пользу, а не во вред.)

Между тем бравый Кузьмич, работая как часовой механизм, проломил-таки стену, и снова изумление охватило всех: за стеной оказался тоннель.

Быстро расширили отверстие, сделав его достаточным для того, чтобы пролезла не только изящная Наталья Васильевна, но и дородная Чеслава Ивановна. Затем один из сторожей раскрыл рюкзак, который ему поручено было нести, и достал из него несколько фонариков.

Однако никакие фонарики не понадобились. Как только взрослые очутились в тоннеле, лунный свет озарил им путь. Все устремились вперед, ведомые решительным Кузьмичом, опускаясь в недра земли все больше и больше.

И вот настала та ошеломляющая минута, когда им явил-

ся настоящий призрак. Люди остановились, затаив дыхание: какой-то вельможа в старинной черной одежде, шапке с перьями и с саблей на поясе медленно оборачивался к ним лицом.

А лицо у него было суровое, надменное и очень бледное. Призрак поплыл прямо на Кузьмича, который находился впереди всех, но отважный сторож замахнулся ломом, подняв его своими сильными руками как пушинку. И закричал

— Прочь с дороги, а не то зашибу!

Призрак подплыл к сторожу, отчего тот немедленно закашлялся, опуская свой грозный лом... и вдруг испарился. Путь был свободен.

Кузьмич по-прежнему возглавлял колонну, двигаясь скорым шагом. Он мог бы и бежать и даже желал этого, но тогда бы женщины отстали, а бросать их одних в столь жутком месте было бы нехорошо. Чеслава Ивановна и так уже запыхалась. А Наталья Васильевна ничего — хоть и выкуривала в день полпачки, но оставалась выносливой женщиной.

Тоннель сделал резкий поворот, и Кузьмич, а за ним и все остальные, толкая друг дружку в спину, уперлись в толпу черных призраков, среди которых, впрочем, графа Каменского знавшие Черного Господина по фамильному портрету не разглядели.

— Эй, вы! — крикнул им сторож. — А ну прочь с дороги!

Призраки хоть бы ухом повели и только взирали презрительно и не без любопытства на беспомощных людей. Но недолго взирали — они двинулись на них всей толпой, вернее сказать — всей своей черной массой, и люди тотчас начали хвататься за горло и кашлять, мучаясь от удушья. Бог знает, чем бы закончилось для них это столкновение с теньями, если бы не все та же Наталья Васильевна. Она вскричала:

— А помните, о чем говорила Олеся Алантьева?

— Какая еще Олеся? О господи! — отвечала Чеслава Ивановна, которую душил жестокий кашель.

— Да та самая, которая подслушала разговор Филипчика с Цветковой!

— А что она говорила? — спросил Кузьмич, который, стоя на коленях, шарил по каменному полу руками в поисках лома.

— Надо немедленно бежать сквозь призраков! — прокричала Наталья Васильевна. — Иначе всем конец! За мной, ребята! Ура-а-а!!!

И первой же бросилась сквозь черную газообразную массу, ибо привидения, окутавшие людей удушливым облаком, уже потеряли облик человеческих фигур.

Спустя миг или два все услышали ее истошный вопль, полетевший куда-то в бездну, где он и оборвался. Но выбора у людей не было. Вначале Кузьмич побежал вперед, во тьму, и, сорвавшись с края пропасти, вскрикнул от ужаса; за ним последовала Чеслава Ивановна, которая, падая вниз, проговорила грудным низким голосом: «Ой, мамочка моя!»

Владимир Васильевич, срываясь в бездну, выразился нехорошо, нецензурно, после чего, болтая в воздухе руками и ногами, сумел-таки перекреститься.

Один из сторожей, который из новеньких, падал молча, и в темноте, естественно, невозможно было бы разглядеть, что он бледнее самой смерти! А второй сторож сел на пол и никуда не стал бежать и, соответственно, падать. За что и поплатился — новоиспеченный хранитель музейных древностей упал в обморок, но это, как мы увидим позднее, окажется весьма кстати для участников кошмарного предприятия.

Так как лететь было недолго, все благополучно приземлились, если не считать того несущественного обстоятельства, что Чеслава Ивановна брякнулась прямехонько на госпожу Гронохову и фактически оседлала ее, вызвав у Натальи Васильевны бурю негодования, искусно, однако,

скрытого старшей вожатой. А Кузьмич, быстро встав на ноги, но еще плохо ориентируясь в новой ситуации, пнул распростертого Владимира Васильевича.

Впрочем, вначале плохо ориентировались все; пока глаза не привыкли к темноте, людям казалось, что они попали в ад, и поэтому невыразимый ужас сковал их души. Уж на что Кузьмич был отважным человеком, и то, ползая на четвереньках, после того как пнул Владимира Васильевича, и шаря вокруг себя руками, жалобно приговаривал:

— Вытащите меня отсюда! Умоляю вас!

На что Чеслава Ивановна ему отвечала грудным басом:

— Мужайся, Кузьмич. Все будет хорошо. Мы еще с тобой водочки хлопнем.

— Водка — доброе дело! — подхватил любимую тему Владимир Васильевич.

— Заткнитесь, идиоты! — подала голос Наталья Васильевна. И тут же обрадованно воскликнула: — Вот они! Ах, вы, голубки мои родненькие!

Действительно, Женя и Варя уже давно наблюдали за попадавшими сверху взрослыми и терпеливо дожидались, пока они освоятся со своим новым положением. Прижавшись друг к другу, ребята сидели на земле, возле той самой стены, которую с упорством, достойным всяческого восхваления, искал наш главный герой Евгений Филипчик.

Наталья Васильевна подбежала к детям, опустилась перед ними на колени и стала гладить лицо то одному, то второму, целовать их в чумадые щеки, приговаривать:

— Слава, слава тебе, господи! Они нашлись! Простите меня, детки! Я больше так ни-ког-да не буду!

— Что вы не будете, радость моя? — полюбопытствовала Чеслава Ивановна.

— Молчи, Наталья! — вскричал Владимир Васильевич. — Тебе не в чем каяться!

— Пошел к черту, дурак! — ответила ему госпожа Гронова. И вновь обратилась к Жене и Варе: — Я больше не бу-

ду оставлять вас одних и прикидываться привидением! Я вела себя легкомысленно!

— Что-о? — отозвалась директор музея. — Ка-акое привидение? Что вы такое говорите, голубушка моя!

— Простите и вы, Чеслава Ивановна, — опустив голову, тихо отвечала Наталья Васильевна.

Внезапно она отпрянула в страхе от детей — и все взрослые, не только кающаяся Наталья Васильевна, на какой-то миг вместо стены увидели прозрачную и совсем еще юную девушку, окутанную лунным сиянием. Призрак княжны протягивал к людям руки в мольбе.

В этот момент по всему подземелью пронесся легкий ветерок, который в следующую минуту превратился в ураганной силы ветер, трепавший людям одежду и волосы.

— Она́ моя! — раздался грозный голос.

К стене, много лет назад ставшей могилой несчастной княжны, начал приближаться призрак графа Каменского — Черный Господин, как его прозвали в народе с той давней поры. На нем был черный плащ с капюшоном, а из-под плаща призрак протягивал свои бледные костлявые руки с длинными когтями вместо ногтей. Но самым ужасным было, конечно, его лицо! Изможденное, вытянутое, скорее голубоватое, чем белое, подобно мартовскому снегу в сумерки; вместо губ — сжатые клыки, вместо носа — черный треугольный вырез; и глаза сверкают из громадных черных впадин!

— Помогите, люди добрые! О, как же мне тяжело! — слышали все нежный девичий голос, преисполненный великой печали.

В ответ раздался мерзкий хохот Черного Господина. Взрослые вмиг обессилели: очутившись на земле, они пытались отползти подальше от ужасного призрака, который, теряя форму человеческого тела, надвигался на них черным облаком. Всем казалось, что огромная каменная глыба навалилась на них и вдавливают в землю. И лишь дети, при-

слонившиеся к стене, словно находились под защитой Белой Дамы — облако, лишившее силы взрослых, проплыло мимо них.

Но вскоре призрак вернулся: убедившись, что со всеми покончено, кроме двух маленьких человечков, он остановился напротив Жени и Вари, вновь принял облик, напоминающий мужскую фигуру, и вперил в детей страшный взгляд.

— Ты не смотри на него, — сказал мальчик своей хрупкой спутнице. — Пока мы возле этой стены, нам ничего не грозит.

Женя потому так говорил, что уже догадался: сейчас они находятся под защитой другого призрака, который все эти долгие годы не желал ничего, кроме как успокоения в сырой земле.

Варя спрятала личико на груди друга, а Женя, обняв девочку правой рукой, продолжал смотреть призраку прямо в глаза. Несколько раз Черный Господин пытался приблизиться к детям, но тщетно: он будто наталкивался на невидимую преграду и вынужден был отступить.

Долго находились друг против друга мальчик и призрак. Черный Господин не сводил с Евгения глаз, а Филипчик иногда разглядывал его подбородок, черный плащ, переводил взгляд на уснувших взрослых, которые лежали в разных позах невдалеке от призрака. Временами Женя проваливался в неглубокое и тяжелое забытие, а когда снова открывал глаза, ему казалось, что он всего лишь видит кошмарный сон. Потом до его сознания доходило, что это не сон, а явь. Призрак колыхался перед ним, как примчавшееся неведомое из каких подземелий животное, которое не спешит расправиться с человеком, а рассматривает его из любопытства.

Так прошло несколько часов, пока не наступило утро, о чем Женя узнал, глянув на часы. Девочка спала, положив голову ему на плечо. Призрак, казалось, тоже дремал, утом-

ленный своей вечной борьбой за юную княжну. Но вот Черный Господин зашевелился, зашипел, как змея, и начал растворяться. На его месте образовалось черное облако, которое было втянуто прямо в землю; и на том месте, где струи исчезали с поверхности, появлялись маленькие серебристые змеи, — извиваясь, они быстро уползали и пропадали в темноте.

Лунный свет стал гаснуть и наконец пропал совсем. Воцарилась крошечная тьма. Филипчик раз-другой клюнул носом и тоже погрузился в сон...

В какой-то момент до его затуманенного сознания стали доноситься голоса. Женя все больше и больше приходил в себя и вдруг понял, что он действительно слышит нормальные человеческие голоса.

— Эй! Где вы там? — кричали откуда-то сверху. — Живые еще или как? Я такое чудище видел!.. Да отзовитесь же наконец, а то мне страшно одному!

Это был тот самый сторож, из новеньких, который побоялся бежать вместе со всеми сквозь толпу призраков. Ему отвечал Кузьмич, причем довольно уверенным и даже бравым тоном:

— Кто там такой веселый и смелый? И где ты, черт тебя подери?

— Да здесь я! А вы где?

— И мы здесь! Где же нам еще быть? Но у нас тут ни черта не видать! А у тебя?

— А у меня фонарики есть! И веревка! Давайте ко мне наверх! А то я умираю от страха!

— Фонарики бросай сюда! И вот еще что, браток! Посмотри-ка, не завалился ли где мой ломик! Если найдешь — брось!

— Так я и сам к вам спрыгну! Вместе все-таки веселее, чем одному!

— Тебя как звать-то?

— Петром Игнатьевичем меня зовут!

— Ха! Везет же мне на Петрух! Ладно, Петр Игнатьевич, беру тебя в напарники! Но ты вот что, напарничек! Оставайся пока наверху со своей веревкой, а лом и фонарики кидай сюда! И не дрейфь, старик! Мы и не такое в жизни видали!

Тем временем пробудились от тяжелого сна остальные участники этой кошмарной вылазки в недра земли.

— Ой, стыдно! Стыдно-то как! — завела свою песню раскаявшаяся Наталья Васильевна.

— Хватит ныть, голубушка, — сказала ей Чеслава Ивановна. — Сейчас радоваться надо. Ваши детки нашлись. В музее обнаружен потайной тоннель. Это же открытие!

Подняла головку Варя. Она пожаловалась Филипчику:

— Я устала, Женя. В лагерь обратно хочу. И еще есть хочу.

— Потерпи немного. Скоро все кончится, и нас накормят.

Свалился на землю мешок с фонариками, а спустя некоторое время тяжело приземлился и лом.

Вспыхнул свет. Все, в том числе и Варя с Женей, обступили Кузьмича, который, не мешкая, взялся за дело. Он ловко орудовал ломом, периодически отставляя его, чтобы сбрасывать наземь куски разбитой стены. Остальные с неослабевающим напряжением следили за тем, как ширится отверстие, за которым должна была находиться ниша, а в ней... Наступал момент истины.

Женя прошептал девочке на ухо:

— Вот посмотришь, Варя. Княжна была замурована именно здесь. Сейчас... сейчас ты увидишь скелет. Но ты не бойся, я с тобой.

И наконец момент истины наступил: в круглом отверстии, проделанном неутомимым Кузьмичом, показалась грудная клетка маленького скелета, серого от времени.

— Ну? — прошептал торжествующий Евгений своей подружке. — Что я тебе говорил?

Спустя неделю, в один из ясных дней, на сельском кладбище, что в трех километрах от Гольшанского замка, собралась довольно внушительная толпа народа: весь третий отряд лагеря «Сокол», возглавляемый Виктором Ивановичем и Натальей Васильевной; работники музея во главе с Чеславой Ивановной и ее преданным Кузьмичом, которого уже успели перевести в младшие научные сотрудники; жители окрестных деревень — главным образом, из Мишкова и Замосточья, — а также пара-тройка досужих туристов и духовой оркестр десантной дивизии, специально доставленный из города на автобусе. В толпе выделялись священник в красивом одеянии и еще один мальчик, которого попросили стать рядом с вырытой могилой, крестом и небольшим, но пышно украшенным закрытым гробом. В гробу лежали косточки мученицы княжны, уже отпетой по христианскому обычаю.

Когда все было готово, Наталья Васильевна посмотрела на Виктора Ивановича, и тот немедленно выстроил третий отряд. Чеслава Ивановна поведала людям о трагической и одновременно трогательной истории любви; во время ее рассказа многие крестились и утирали слезы. Даже Варя Цветкова, к умилению Филипчика, слегка шмыгнула носиком.

В конце выступления Чеслава Ивановна попросила обратить внимание на скромного мальчика, стоявшего подле гроба и потупившего в ту минуту свой ясный взор, потому как до этого он совершенно случайно бросил взгляд на цветочки, вышитые на джинсах Цветковой. Если бы не Евгений Филипчик, говорила директор музея, дух княжны еще долгие годы и даже столетия мучился бы великой печалью в стенах Гольшанского замка, этого прекрасного музея и памятника архитектуры.

— Правда ли то, о чем судачит молва, нам доподлинно неизвестно, — сказала Чеслава Ивановна. — Скорее нет,

чем да. Но несомненно одно: обнаружено неизвестное ранее подземелье замка, подтверждено народное предание, а значит, сделано историческое открытие — и все благодаря воспитаннику детского лагеря «Сокол», скромному, обаятельному, чудесному мальчику, человеку небывалого благородства и непревзойденного мужества. Имя его — Евгений Валентинович Филипчик.

Нечего и говорить, что от таких слов Филипчик взлетел под самые небеса и на время позабыл, что повод, по которому все собрались, все-таки печальный. Умирая от скромности и являя собой образец кротости, Женя потупил взор — и совершенно напрасно! Он пропустил один восхитительный миг и потому не смог им насладиться: Цветкова смотрела на него широко раскрытыми глазами! Успех приятеля кружил девочке голову. Варя уже мнила себя (коль скоро об этом заговорили взрослые) подружкой настоящего героя, то бишь крутого парня, — на зависть всем, и прежде всего Алантьевой.

Увы и ах, Филипчик не увидел этих широко раскрытых глаз. Впрочем, с него и так довольно.

После того как Чеслава Ивановна закончила, люди ода-рили Евгения благодарными взглядами, преисполненными восхищением.

Тут он снова показал себя с наилучшей стороны, когда ему предоставили слово. Женя прокашлялся и сказал, обращаясь к гробу:

— Уважаемая Белая Дама Гольшанского замка! Всем сердцем сочувствую вам и низко склоняю голову перед страданиями, которые вам пришлось пережить во имя любви. Очень надеюсь, что Черный Господин, причинивший вам так много зла, наконец отстанет от вас и душа ваша обретет покой в раю. Обещаю приходить на вашу могилу... Я никогда вас не забуду. Царствие вам небесное!

Уже хотели опускать гроб в землю, но тут пожелала выступить госпожа Гронохова. Что ж, предоставили и ей сло-

во. Невинной овечкой Наталья Васильевна приблизилась к гробу, опустилась перед ним на колени и, утирая слезы покаяния, которые текли по ее щекам, произнесла тихим проникновенным голосом, но так, что все ее услышали:

— О бедная, бедная девочка! Прости меня, пожалуйста, за то, что я прикидывалась привидением! (По толпе пробежал ропот.) Я многое поняла в этой жизни благодаря вам, о Белая Дама! Деньги и карьера — все-таки не самое главное. Есть более важное, более высокое, святое... Например, любовь, единственная, светлая, безнадежная... — Наталья Васильевна поплакала немного. Люди не мешали ей выговориться. — Я навсегда сохраню в своем сердце память о вас. И больше никогда не буду...

Госпожу Гронохову стали душить слезы, грозящие перерасти в рыдания. Поэтому кающуюся Наталью Васильевну подняли с колен и увели.

Затем была дана команда, и приступили к погребению косточек юной княжны. Десантники прославленной дивизии не стали играть похоронный марш. Блестящие музыканты, они исполнили светлые произведения Баха и Бетховена, переложенные для духового оркестра и бередящие души людей. Все переживали возвышенные чувства, и даже самые обыкновенные, самые приземленные граждане из числа собравшихся становились в этот печальный миг лучше и чище душой.

Когда вырос аккуратный холмик и был установлен крест, в исполнении десантников прозвучал Государственный гимн Российской Федерации, и все тихо разошлись.

* * *

Третий отряд многоголосой толпой валил в лагерь — не через лес, прямой дорогой, по которой ходили к замку и возвращались обратно Женя, Варя и Олеся, а по асфальтированному шоссе, ведущему к центральным воротам «Со-

кола». Возле этих ворот уже прогуливался Никодим Никифорович Сенечкин, доверивший проведение ответственного мероприятия старшей вожатой. Никодим Никифорович сжимал в руках свой любимый портфельчик, с которым теперь не расставался ни на минуту.

Пока шли в лагерь, Женя мечтал о той минуте, когда подойдет к Варе и договорится с ней насчет дискотеки: о том, что сегодня вечером третий отряд будет снова веселиться на танцплощадке, объявила Наталья Васильевна, ставшая на редкость ласковой и грустной. И глаза у нее были теперь какими-то просветленными.

Однако Женя боялся все испортить, воспользовавшись положением героя, и поэтому опасался первым подойти к Варе. К великому его удовольствию, девочка сама к нему подошла, подобрав подходящий момент. Они шли по дороге позади всех и вели тихую, ничего не значащую на первый взгляд беседу.

— Ты что, Женя, зазнался?

— С чего ты взяла?

— Ну, я думала, ты подойдешь ко мне...

— А я и хотел подойти к тебе! Но боялся быть навязчивым.

— Ну и зря... Ты уже в курсе, что сегодня будет дискотека?

— Да, что-то такое слышал, — слегка небрежным тоном ответил Филиппчик.

— И что ты мне скажешь по этому поводу?

— У меня есть что тебе сказать, Варя... Точнее, я хочу спросить... Если объявят белый танец, ты меня пригласишь?

— Наверное, да... Нет, точно приглашу.

— Хорошо. А если объявят не белый танец, то я тоже тебя приглашу.

— Надеюсь, что меня, а не Алантьеву.

— Честно тебе говорю! А если так случится, что к тебе первым подойдет Денисов?

— Я не пойду с ним танцевать.

Наконец Никодим Никифорович дождался своего третьего отряда. Ребята проследовали за воротами в лагерь, а директор, лгливо улыбаясь, подошел к старшей вожатой:

— Спасибо вам, Наталья Васильевна, за то, что взяли все на себя. С некоторых пор я, знаете ли, не очень люблю смотреть на разные там гробы...

— Не стоит меня благодарить, Никодим Никифорович. Я сделала это от чистого сердца, — отвечала Наталья Васильевна таким голосом, словно она была уже монашкой, а Сенечкин — настоятельницей монастыря.

— Как прошло мероприятие?

— Лучше не бывает. Чеслава Ивановна обещала обо всем рассказать Ивану Петровичу. Она в восторге от лагеря «Сол».

Услышав такое, Никодим Никифорович схватил ручку Натальи Васильевны, припал к ней и проговорил с воодушевлением:

— Когда я уйду на повышение или на пенсию, лагерь достанется вам, моя чудесная Наталья Васильевна! А пока я вам выпишу самую большую премию, какую только можно вообразить!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I	
ПУГЛИВАЯ, НО ПО-ПРЕЖНЕМУ ГОРДАЯ НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА	5
Глава II	
НОЧНАЯ ВЫЛАЗКА	13
Глава III	
СТОРОЖА ГОЛЬШАНСКОГО ЗАМКА	19
Глава IV	
ИНТРИГАНКА	26
Глава V	
ВОТ ТАК!	34
Глава VI	
НАТАЛЬЕ ВАСИЛЬЕВНЕ НЕ СТЫДНО	46
Глава VII	
ТАЙНОЕ ПОСТЕПЕННО СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ	53
Глава VIII	
ЗА ДЕЛО БЕРЕТСЯ ВЛАД ДЕНИСОВ	60
Глава IX	
КРИКИ В НОЧИ	70
Глава X	
ЖЕНЯ ФИЛИПЧИК НАЧИНАЕТ СОБСТВЕННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ . . .	81
Глава XI	
ЗДРАВОМЫСЛЯЩИЙ ДИРЕКТОР	91

Глава XII	
АЛИБИ НАТАЛЫ ВАСИЛЬЕВНЫ	105
Глава XIII	
ВО ИМЯ ДАМЫ СЕРДЦА	113
Глава XIV	
ЛЕГКИЙ ТРЕПЕТ	122
Глава XV	
МОЛЬБА	132
Глава XVI	
ВАРЯ	139
Глава XVII	
БЫВШИЙ КОМАНДИР ОТРЯДА ПРИНИМАЕТ ЕДИНСТВЕННО ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ	148
Глава XVIII	
ЧЕРНЫЕ ГРОБЫ ГОЛЬШАНСКОГО ЗАМКА	157
Глава XIX	
НАТАЛЬЕ ВАСИЛЬЕВНЕ СТЫДНО	172

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

Виталий Сеньков

ЗАМОК ЧЕРНЫХ ГРОБОВ

Ответственный редактор *О. Рубис*

Редактор *Н. Хотинский*

Художественный редактор *В. Щербаков*

Художники *А. Яцкевич, Л. Рябинин*

Компьютерная обработка *И. Щербаков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Д. Глазков*

Корректор *И. Ларина*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

***По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.***

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

***Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:***

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12

(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

***Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.***

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.06.2004.

Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 8,5.

Тираж 5 000 экз. Зак. № 9894.

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

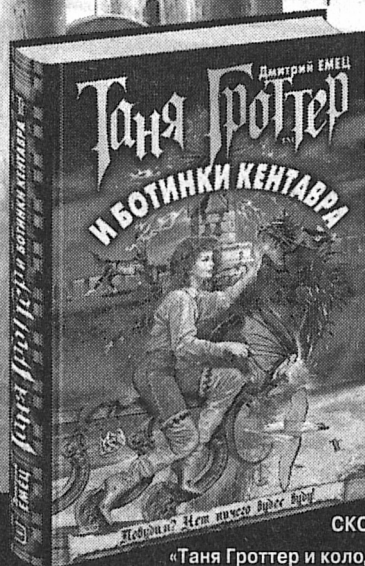

Лучший сказочник современности

Дмитрий ЕМЕЦ

приглашает вас
в мир приключений
юной волшебницы!

Таня Гроттер

взрослеет вместе со
своими читателями,
и теперь вас ждут
новые веселые
чудеса...
по-взрослому!

СКОРО В ПРОДАЖЕ:

«Таня Гроттер и колодец Посейдона»
«Таня Гроттер и локон Афродиты»

Новые истории об учениках
школы магии «Тибидохс»!

www.grotter.ru

От создателя
Тани
Гроттер

Омгрий* Емеу*

самый знаменитый писатель-фантаст:
его книги читают дети, подростки и взрослые, верящие
в чудеса.

Хотите оказаться в фантастическом городе
динозавров, а затем на звездолете улететь из
каменного века в далекие галактики?

**ДЛЯ ВАС НОВЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
И НЕ ТОЛЬКО
ПОВЕСТИ АВТОРА:**

«Король хитрости»

«Заступники земли Русской»

Говорят, что в старинном замке, возле которого раскинулся летний лагерь «Сокол», когда-то замуровали в стену прах несчастной красавицы-княжны, и с тех пор вот уже не одно столетие ее дух не находит успокоения. Глупо, конечно, в двадцать первом веке верить в подобные байки, но как быть, если охранники замка каждую ночь от ужаса готовы бежать куда глаза глядят, а один человек видел в ночном небе прозрачную женскую фигуру с протянутыми в мольбе руками?.. «Неужели призрак Гольштанского замка действительно существует?» – с замиранием сердца думает Женя Филипчик. И решает проверить это единственно возможным способом. Поздней ночью он входит в подземелье замка и видит... двенадцать черных гробов...

ISBN 5-699-07335-3

9 785699 073351 >

ЭКСМО